

Б. Я. ИЛЬВОВ

СМЕРЧ

X

РОМАН.

*Поступила в Библиотеку
26 января 49.*

LIBRARY
UNIVERSITY OF TORONTO
130 St. George Street
TORONTO, CANADA

Издательство
238 Ave du Roi Albert
Шанхай
1937 г.

Б. Я. ИЛЬВОВ

278

СМЕРЧ

РОМАН

Издательство „С Л О В О”

238 Ave du Roi Albert

Шанхай

1937 г.

Всѣ права сохранены за авторомъ.
All rights reserved.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Книга отпечатана въ собственной
Типографіи Издательства „СЛОВО“

238, Ave du Roi Albert
Shanghai

ГЛАВА I.

Уцѣлѣвшіе остатки Добровольческой арміи, послѣ неудачнаго штурма Екатеринодара и смерти генерала Корнилова, наконецъ вышли изъ подъ ударовъ красныхъ. Вступившій въ командованіе генералъ Деникинъ, насколько только это было возможно, избѣгалъ боевъ, давая возможность отдохнуть и окрѣпнуть потрясенной и истекающей кровью арміи. Не останавливаясь нигдѣ, долѣе чѣмъ на сутки, двигаясь преимущественно по ночамъ, дней черезъ десять онъ привелъ свою армію въ богатую станицу Успенскую, въ которой предполагалось отдохнуть дней пять или шесть. Какъ обычно Наташа заняла маленькую комнатку и при этомъ рядомъ со взводомъ Глѣба. Цѣлые дни молодые люди проводили вмѣстѣ, строя всевозможные планы и мечтая о будущемъ. То они уѣзжали въ Америку, то стравлялись въ Индо-Китай или возвращались побѣдителями въ свои родныя мѣста. Коля замѣтно поправлялся. Теперь онъ уже могъ сидѣть на кровати, а иногда, къ общей радости, доктору ему позволяли одѣться и во время обѣда сидѣть за общимъ столомъ. Частенько въ ихъ опрятно-убранную комнату заглядывали офицеры ихъ роты, чтобы поболтать и напиться чайку.

Благодаря предпринятымъ Глѣбомъ хлопотамъ, Наташа была переведена въ Офицерскій полкъ и прикомандирована къ ихъ ротѣ, такъ что теперь, всякая опасность со стороны медицинскаго начальства, лишить Колю его сестры, исчезла. Пользуясь тѣмъ, что въ его ротѣ появилась опытная сестра, Дукаревъ, постепенно, переехалъ къ ней изъ армейскаго лазарета всѣхъ своихъ раненыхъ, поручивъ ихъ ея заботамъ. Теперь

она хлопотала не об одном только Колѣ. Однажды, только что она окончила перевязки и отдыхала сидя с братьями у окна, в комнату вбѣжал радостно-взволнованный Кудинов.

— Хорошая новость, господа! — захлебнулся он, еле сдерживая волненіе. — Дон возстал!

— Полно врать, Кудиныч, — улыбнулся Коля. — Откуда, сидя в далекой, отрѣзанной от всего міра станицѣ, могли вы узнать о возстаніи Дона? Это, братец вы мой, попросту вам приснилось. Пойдите умойтесь холодной водой и увидите, как возстаніе прекратится.

— Вот вы никогда ни чему не вѣрите, — обидѣлся тот. — Прово, не стоило вам рассказывать.

— Погодите, погодите, Кудиныч, — остановил его Глѣб, глядя с улыбкой на добродушно-обиженное его лицо. — Расскажите только, что вы узнали?

Кудинов снова оживился.

— Всего пол часа тому назад, в станицу прибыл раз'ѣзд донцов. Он прислан возставшими казаками, звать нас снова к себѣ, чтобы помочь выгнать красных. Сейчас этот раз'ѣзд у самого Деникина сидит.

— А откуда вы это узнали?

— Об этом вся станица говорит.

— Пойду-ка я сам узнаю, — поднялся Глѣб надѣвая шивель.

— Представьте, все правда, — объявил он минут через двадцать, возвращаясь домой. — Только что я был у Дукарова и тот слово в слово повторил мнѣ слова Кудинова, прибавив только, что сегодня вечером двигаемся в поход.

— Ага. Ну, что Фома невѣрный! — набросился на Колю Кудинов. — Вот вам и врет Кудинов, — самодовольно улыбаясь пѣтушился он.

Только что начало смеркаться, как из станицы потянулись подводы, наполненные пѣхотой и ранеными. Двигались без остановок. Дня через четыре добровольцы достигли границы области войска Донского и остановились в том самом селѣ Лежанкѣ, при взятіи которой был ранен Коля. На этот раз село было занято без боя и утомленные добровольцы до сыта выспались в гостепріимных, на этот раз, хатах. На другой день развѣзды оставших донцов установили с Деникиным прочную связь и сообщили о взятіи Новочеркасска. Получив это извѣстіе Деникин немедленно приказал отправить туда обоз с ранеными. Пока обоз собирался, пока грузили на подводы раненых и медикаменты, было получено сообщеніе о наступленіи большевиков. Не успѣвъ, как слѣдует, проститься с братом и невѣстой, Глѣб со своим полком отправился встрѣчать непрошенных гостей. По донесенію развѣдки, силы наступающих красных раз в десять превосходили численность добровольцев. Когда Глѣб, выйдя со своею ротой на пригорок, взглянул в разстлавшееся перед ним поле, он увидѣл, что все оно было покрыто двигавшимися людьми.

— Однако, — подумал он. — Дѣло то будет не шуточное. Эх, сколько их поднавалило.

Бой завязался. Поддержанные многочисленной артиллеріей, красные нѣсколько раз ходили в атаку, но каждый раз отступали, неся большія потери.

— Ротмистр Дукаров, — раздался голос батальонного командира, подскочившего к лежавшей в щели роты.

— Здесь, — отозвался послѣдній, подходя к началнику.

— Самое большее, через пол часа надо ждать общей рѣшительной атаки. Постарайтесь с вашей ротой, пройдя вон по той ложбинѣ, занять этот хуторок. Вон, что на флангѣ и нѣсколько в тылу у большевиков.

— Слушаюсь, господин полковник.

— Так вот, когда вы к нему выйдете, я думаю атака уже начнется. Постарайтесь разстроить их фланг, а если удастся, то и смять его. Понимаете?

— Слушаюсь, господин полковник.

— А сколько людей у вас в ротѣ?

— Со мною сорок девять.

— Только сорок девять? — и батальонный развел руками. — Дѣлать нечего. Постарайтесь сдѣлать, что сможете, так как подкрѣпить мнѣ вас нечѣм.

Пожав руку Дукарову, командир батальона ускочил. Один за другим, гдѣ бѣгом, гдѣ ползком под жестоким огнем противника двинулись добровольцы по указанному направленію.

— А как легко и пріятно у меня на душѣ сегодня, — подумал Глѣб. — Отчего бы это? Ах да, вѣдь сегодня первый бой, когда я спокоен за Наталью и за Келю. Слава Богу они в безопасности. Как бы ни кончился бой, красным их не достать. Этак воевать можно, — продолжал он свои размышленія, приближаясь к назначенному хутору.

На этот раз Дукаров вел роту четвертым взводом вперед, так что Глѣб шел первым. Когда он достаточно приблизился к цѣли, то убѣдился, что перед ним был не хутор, а большой двор обнесенный соломенной стѣной. Внутри двора стоял большой сарай с соломенной крышей битком набитый соломой же. Вокруг сарая были сложены огромныя копны, опять таки соломы.

— Прекрасный костер получится, если загорится, — подумал он, выскакивая из ложилики и вбѣгая во двор.

Только что он выскочил из за прикрытія, как по нему открыли огонь сразу четыре пулемета и множество ружей. Перебѣжав, с присоединившимися людьми его взвода, двор, он выглянул за противоположную стѣну. Прямо перед ним, шагах в четырехстах, расположилась неприятельская батарея, только что снявшаяся с передков. Далѣе, все поле было покрыто, начавшей рѣшительную атаку пѣхотою.

— По артиллеріи! Стрѣляйте по артиллеріи! — расперядился он, прицѣливаясь в суетившихся у пушек людей.

Но было уже поздно. Раздалось два пушечных выстрѣла и нѣсколько человек его взвода обрававленные упали на солому. Терпясь во что бы то ни стало отогнать прислугу от пушек, Глѣб продолжал стрѣлять. Он видѣл, как нѣсколько артиллеристов, взмахнув руками, повалились у лафетов. Но раздался новый залп, один из сварятов попал в крышу амбара и поджег ее, а другой разорвал на мелкіе куски несчастнаго Басова и двух

гардемариин. Въѣзавшіе во двор добровольцы, с лихо-
радоочною поспѣшностью разряжали свои винтовки по ар-
тиллеристам, заставив оставшихся в живых, покинуть свои
пушки и искать спасенія в бѣгствѣ. Тогда они перенесли
огонь на пѣхоту, которая начала было наступленіе. Пѣ-
хота залегла, а затѣм начала поспѣшно отступать. В общем
задача была бы исполнена блестяще если бы не пожар,
с стремительной быстротой распространявшійся по всему
двору. Прошло не болѣе пяти минут, в продолженіи ко-
торых добровольцы, все еще, продолжали стрѣлять по бѣ-
гущей пѣхотѣ и в их убѣжищѣ стало нестерпимо жарко.
Сухая солома загорѣлась, как порох и вскорѣ несчастные
стрѣлки оказались в центрѣ огромнаго костра.

— Прочь с хутора! — крикнул Глѣб, видя, что
еще нѣсколько минут и уже никому не удастся уйти из
этого пекла.

Захватив раненых, добровольцы бросились назад.
Замѣтив пожар, красные ободрились, остановились и от-
крыли бѣшеный огонь по пожарнику. Укрывшись в ло-
щинку, в которую вражескія пули не залетали, доброволь-
цы еще нѣкоторое время отступали, но замѣтив эскадрон
красной кавалеріи собиравшійся, повидимому, атаковать
их расстроенные ряды, они остановились и разсыпались в
цѣпь. Замѣтив маневр добровольцев, кавалеристы скры-
лись, но позади их, выскочившій на пригорок, Глѣб уви-
дѣл наступавшую пѣхоту.

— Отступать по одному, начиная с четвертаго
взвода, — командовал Дукаров.

Один за другим, скользнув в лощинку, отступали
добровольцы и пройдя шагов дѣвяти, снова ложились, под-

жидая остальных. Когда очередь дошла до Глѣба, он поднялся с земли и спокойно зашагал к лопаткѣ, но в этот момент, точно желѣзной тростью, что то ударило его в ладонь лѣвой руки.

— Ранен, — сообразил он, замѣтив струившуюся кровь и тот час же, жгучая боль подтвердила его соображеніе.

Дождавшись, пока отступила вся рота, он доложил Дукарову о своем раненіи и сдал командованіе взводом, стравился в тыл. Бой продолжался до вечера, но понесла крупныя потери, красные в концѣ концов отступили.

— Однако счастливо я отдѣлался, — думал Глѣб, шагая к лазаретной линейкѣ и поглядывая на свою окровавленную руку. — Только бы кости были цѣлы, а то придется калѣкой остаться, — продолжал он свои размышленія, мѣрцаясь от боли.

Убѣдившись, что красные отступают, Деникин немедленно приказал отразвить, велѣд за ушедшим обозом, всѣх раненых в последнем бою. Еще до наступленія темноты, Глѣб уже трясся на телегѣ, догоняя своих.

Сколько раз и Наташа и Коля разставались с отправлявшимся в бой Глѣбом не испытывая при этом особеннаго безпокойства. Сегодня же, просиявшись с ним, оба приуныли.

— Боже! Какая интенсивная стрѣльба. Вбродяте много их навалилось на наших, — сидя на повозкѣ и прислушиваясь к бою, задумчиво проговорил Коля.

— Да, бой, кажется, серьезный, — отозвалась Наташа. — Смотрите-ка, что это за пожар! — воскликнула

она, замѣтив столбы густого черного дыма, появившагося на горизонтѣ.

— Странно, — пробормотал Николай, взглянув по указанному направленію. — Я бы сказал, что это склад керосина горит, но откуда здѣсь может оказаться такой склад.

Оба с тревогой всматривались в разраставшійся пожар, не подозрѣвая, что в серединѣ его находится их Глѣб. Между тѣм, сытые лошади быстро уносили их от Лежанки. Доносившаяся стрѣльба постепенно становилась глуше и невнятной, пока совсѣм не перестала быть слышной. А вот впереди показался силуэт церкви и вскорѣ открылась, как на ладони, большая станица уже Донской области, через которую однажды уже проходили добровольцы. Но какая разница была во встрѣчѣ их населеніем, теперь и тогда. Тогда их встрѣчали угрюмыя, недоброжелательныя лица, только терпѣвшія непрошенныя гостей. Теперь же, почти все населеніе станицы высыпало навстрѣчу обозу и зазывая в свои хаты, на перебой угощая всевозможными произведеніями своей стряпни.

— Вот это я понимаю! Ай, да донцы! — раздавались веселые возгласы легко раненых, убравших за обѣщаніе щеки предлагаемыя яства.

— Кушайте родимые страсотерпцы, защитники ны наши, — шричитали казачки, надѣлая изголодавшихся добровольцев.

Помѣстившись в просторной чистенькой комнаткѣ, Наташа отправилась перевязывать остальных своих пац-

ентов, а Коля, опираясь на костыль, вылез на улицу и усёлся на скамеечкѣ, пригрѣтый лучами заходившаго солнца. Тревога за брата не покидала его.

— Увидимся ли с ним? — тоскливо размышлял он. — Вѣдь столько шансов за то, что он или убит или ранен. Он такой неосторожный. Всегда впереди. Всегда в самое опасное мѣсто лѣзет.

Приблизительно такія же мысли бродили в головѣ и у, занятой перевязками, Наташи.

Наступила ночь, но не спалось обоим. Долго ворочались они на своих ложах, пока волшебный Морфей не сжалился наконец над ними.

Между тѣм Глѣб со своими спутниками добѣжал до станицы лишь перед самым развѣтом и отложив поиски своих до наступленія дня, крѣпко заснул, в отведенной ему, хатѣ.

На этот раз Коля и Наташа проснулись поздно. Лишь только они очнулись, первая их мысль была о Глѣбѣ. Но ни тот, ни другая не говорили о нем, так как стлично понимали душевное состояніе друг друга, а утѣшить было нечѣм. Все равно раньше чѣм придут оставашіеся в Лежанкѣ узнать что нибудь было невозможно, а предположенія их, на этот раз, были самаго мрачнаго характера. Время тянулось мучительно долго. Часов въ двѣнадцать было получено приказаніе притовориться къ походу.

— Неужели мы так и не узнаем о его судьбѣ? — сверлила мысль в их головах.

Вдруг за окном раздался чей то возбужденный голос:

— Добровольцы идут.

Выйдя на крыльцо, молодые люди с замираніем сердца всматривались в подходящую пѣхоту. Вот мимо них, с пѣснями и шутками, прошел Корниловскій полк. Вот двигается стрѣлковій, а вот и Офицерскій. Предводительствуемые своим командиром, генералом Марковым, бодро шагали добровольцы по грязной улицѣ станицы. Прошла первая, за ней вторая роты. Вот показалась третья во главѣ с коренастой фигурой, всегда бодрато Кутепова, а вот и Дукаров ведет четвертую. Но напрасно всматриваются они в ряды добровольцев. Глѣба нѣтъ между ними.

— Убит, ранен, — проносится в их головах.

— Гдѣ брат, — срывающимся голосом, крикнул Коля, когда убѣдился, что среди моряков его не было.

— Здравствуйте, Николай Николаевич, — привѣтствовал его Кудинов. — Глѣб Николаевич еще вчера был ранен в...

— Да гдѣ же он? — нетерпѣливо вскрикнул Коля.

— Он должен быть здѣсь. В армейском лазаретѣ. Да вы не волнуйтесь, он...

Не дослушав Кудинова, молодые люди бросились домой, чтобы поскорѣе одѣться и поспѣвать на розыски.

— Однако и поспал же я, — глядя на часы, которые показывали двѣнадцать, произнес Глѣб, выльзая из под шинели, кторою был накрыт. — Что же это я, в самом дѣлѣ, — разговаривал он сам с собою, торопливо одѣваясь с помощью одной руки. — Этак как бы не про-

зѣвать выход обоза. Надо скорѣе сбѣгать в лазарет, сбѣгать перевязку и начать поиски.

— А! И вы к нам, — улыбаясь встрѣтил его доктор, только что окончившій перевязки и уже снимавшій халат. — Куда вас? В руку? — замѣтив перевязку, продолжал он. — Ну, давайте-ка ее сюда. Посмотрим в чем дѣло.

— Цѣлы ли вѣсти? — освѣдомился Глѣб.

— Пока ничего сказать не могу. Видите, как она у вас распухла. Вот мы ее забинтуем и положим в лубки, а там видно будет.

Только что Глѣб окончил перевязку и собирался идти на поиски, как к крыльцу лазарета подкатила повозка, из которой выскочили Коля и Наташа.

— Глѣб! Голубчик! Куда ты ранен? — заговорили оба, лишь только увидѣли его.

— Это вы? Вот хорошо то, — обрадовался Глѣб, спѣша к ним навстрѣчу.

— Слава Богу, — тяжело отдуваясь, произнес Коля, увидѣвъ, что лѣвая рука брата на перевязи. — Ты в руку? А мы с Наташей узнавъ, что ты ранен, вообразили, что рана тяжелая. Видишь, даже на подводѣ за тобой прѣѣхали.

— Ничего. Пустяки, — отвѣчал Глѣб. — Кисть руки пробита. Рана пустая. Напрасно вы так беспокоились.

— Так откуда мы могли звать, какая у тебя рана? — улыбнулась Наташа, поправляя его перевязь.

— А кто вам сообщил о моем раненіи?

— Кудинюв.

— Развѣ он здѣсь?

— Да. Наши части только что пришли из Лежанки.

— Так ст чего вы его не спросили подробнѣе?

Молодые люди с недоумѣніем переглянулись.

— А Бог его знает почему, — отвѣтил Коля. —

Нам почему то казалось, что ты так тяжело ранен, вот мы, чтобы не терять времени и не спрашивали его, а поспѣшили запретъ лошадей, да ѣхать за тобой.

— Плохіе же из вас вышли бы развѣдчики, — улыбнулся Глѣб.

Обоз с ранеными быстро двигался по дорогѣ к Новочеркасску. Во встрѣчных станицах, добровольцев принимали, как родных. Поили, кормили и не ожидая чьих бы то ни было распоряженій, отвозили до слѣдующей станціи. Коля, Глѣб и Наташа теперь не разставались, проводя в повозкѣ время за разговорами, строя планы и рассказывали эпизоды из своей жизни. Не рѣдко являлись к ним в повозку гости с других телѣг и тогда начинались рассказы, по большей части, из минувшей войны.

Однажды вечером наши путники наконец увидѣли, в лучах заходящаго солнца, золотой купол Новочеркаскаго собора. Чѣм ближе они подѣзжали к городу, тѣм тревожнѣе и трезожатѣ становилось на душѣ у Коли и Глѣба.

— Что то сталося с мамой и с сыном, — думал Глѣб, глядя на меркнувшіе краски, утопавшаго в зелени города.

— Какого Меньшикова? Неужели капитана 2-го ранга?

— Ну да. Его самого, Николая Владиміровича Меньшикова.

— Как-же он спасся?

— Да говорит, что послѣ ухода нашей арміи он остался лежать в Ростовской больницѣ и навѣрное был бы убит, если бы не какая-то добросердечная старушка из простых мѣщанок. Она перевезла его к себѣ, кормила и скрывала от большевиков. У нея-то он и прожил все это время.

— А как его рана?

— Рана то зажила, только глаз не видит. Невидимому, осколок, пробив череп, повредил глазной нерв.

— Бѣдняга, — произнес Глѣб. — Что-же ты не пригласил его к нам?

— Как не пригласил! Конечно, пригласил. Он общал еще сегодня побывать. Между прочим, он говорит, что наши Новороссійск взяли.

— Приятная новость. Не понадобится ли мы теперь Деникину в качествѣ моряков? Вѣдь очень мѣжет быть, что в порту остались какіе-нибудь корабли.

— Конечно, может быть, да вот, поживем-увидим.

Перед вечером, у дома Орловых остановился огромнаго роста и атлетическаго сложенія уже не молодой человек в формѣ моряка.

— Сюда, сюда, Николай Владимірович, — крикнул Коля, выглядывая из окна. — Я вам сейчас калитку открою, — продолжал он, спѣша навстрѣчу гостю. —

Вот сюда, пожалуйста. Спасибо, что заглянули. Только вам, с вашим маленьким рюстом, тѣснѣе у нас покажется.

— Ничего. Как вѣбуть помѣщусь, — пробасил Меньшиков, пролѣзая в дверь.

Поздоровавшись с дамами, он усѣлся на стул, зажав собою чуть-ли не всю комнату.

— А гдѣ-же Глѣб? — освѣдомился он.

— Я-здѣсь! Здравствуй, Николай Владимірович.

— Здравствуй, здравствуй, Глѣб Николаевич! Это ты что-же? Как тебѣ не стыдно валяться!

— Да вот. Скрутило. Представь себѣ.

— А я к тебѣ и к Николаю имѣю предложеніе.

— Предложеніе? Ну, это интересно. В чем-же оно?

— Дѣло в том, что третьяго дня взят Новороссійск. Сегодня захожу это я в штаб, а мнѣ сообщают новость, что я назначен начальником морских сил, захваченных в порту, и командиром самого порта. По случаю назначенія пошел представиться начальнику штаба, а он мнѣ и говорит, что уполномочивает меня пригласить в помощники кого я пожелаю. Конечно, первым дѣлом я вспомнил о братьях Орловых. Довольно, думаю себѣ, им в пѣхотѣ служить. Пусть во флот возвращаются. Хотите?

— Конечно, хотим! — отвѣчали оба в один голос.

— Коли так, завтра-же и приказ о вас выйдет. Только имѣйте ввиду, что выѣхать придется завтра.

— К сожалѣнію, я не могу так скоро, — отвѣчал Глѣб.

— Ничего. На первое время мнѣ и одного Николая довольно. Ты то можешь ѣхать? — обратился он к Колю.

— Конечно, могу.

— Вот и отлично. А ты, Глѣб, как иправишься, так и приѣзжай. Приходится мнѣ, на нѣкоторое время, лишить вас жеиха, — улыбаясь, обратился он к Наташѣ.

— Что-ж. Пусть ѣдет, а я пока снова в сестры поступлю.

— Ну, нѣтъ! — запротестовали всѣ хором. — Этого мы тебѣ не позволим.

— Отчего-же мнѣ не поработать немножко?

— Да какой смысл? — горячился Глѣб. — Теперь, послѣ нашего похода, сестер сколько угодно. Лазареты переполнены ими. Твоя работа вовсе не нужна.

— Так я хоть денег заработаю.

— Хватит. Хватит у нас денег. Об этом ты не беспокойся. А лучше, когда я приѣду в Новороссійск, подыщу квартирку и ты с мамой и Славой переѣдешь туда. А ты, Николай Владимірович, не знаешь какія плавучія средства захвачены в Новороссійскѣ? — обратился он к Меньшикову.

— Пока точных свѣдѣній нѣтъ. Говорят, что одиннадцать тозаро-пассажирскихъ пароходов, семнадцать катеров, нѣсколько шхун и два миноносца ждут нашего приѣзда. Впрочем, там видно будет, а пока ты поскорѣй поправляйся, да приѣзжай к нам, — отвѣчал Меньшиковъ, поднимаясь.

— Да куда-же вы так торопитесь? Подождите немножко. Хоть чайку напьемся, — удерживали его хозяева.

— Не могу. Очень много хлопот впереди.

На другой день Коря и Меньшиков выехали в Новороссийск, а через два медвля, еще не совсем оправившись, двинулся туда и Глб.

— Господин капитан второго ранга, старший лейтенант Орлов является по случаю назначенія в Ваше распоряженіе! — рапортовал он Меньшикову.

— Здравствуй, здравствуй, Глб! — привѣтствовал его Меньшиков. — Ну что, совсем поправился?

— Да. Слава Богу. Чувствую себя отлично.

— Прекрасно. В таком случаѣ, когда приведешь себя в порядок, приходи сюда. Поговорим.

Умывшись и передѣвшись, через полчаса Глб снова входил в кабинет.

— Ты уже готов? Ну, садись к столу и давай бесѣдовать. Вот тебѣ список всего могущаго плавать из того, что находится в нашем распоряженіи. Вот другой — всѣх учреждений и заведеній, подвѣдомственных нам, а вот третій — всѣх морских офицеров, чиновников и малочислов, состоящих у нас на учетѣ. Ознакомься с ними внимательно.

Глб тщательно перечел всѣ три списка.

— Прочел? Теперь слушай. Мнѣ необходимо учредить рейсы между Новороссійском и другими портами Чернаго моря, как дальними, так и ближними. Вот эти пароходы, — указав он их имена в списокѣ, — я предлагаю пустить в ближніе рейсы, как-то: Батум, Анапа, Туапсе, Сочи и другіе, а остальные, для болѣе далеких рейсов, на примѣр, в Варну, Бургас, Константинополь и другіе. Вот я тебя и попрошу осмотрѣть эти пароходы и

должить мнѣ свое мнѣніе о их состояніи и о цѣлесообразности того распределенія, о котором я говорил. Затѣмъ ознакомься с их личным составом. Конечно, глазами образом, командным. Просмотри документы капитанов и помощников, проверь дѣйствительно-ли они имѣют право занимать тѣ должности, на которых сидят. Если замѣтишь обман, то арестуй виновных. Слева Богу, коммерческих моряков хоть пруд пруди. Теперь далѣе. Я рѣшил назначить на каждый пароход по одному коменданту из числа морских офицеров и в распоряженіе каждаго коменданта по полувзводу пѣхоты, чтобы пароходы не удрали к большевикам. Понимаешь? Теперь поговорим о тебѣ. Я предполагал тебя и Николая, который сейчас занят приведеніем верфи в работоспособное состояніе, назначить командирами тѣх двух миноносцев, что захвачены при занятіи Новороссійска. Но ставлю условіем, чтобы вы сами набрали-бы себѣ и офицеров и команду, а также произвели необходимый ремонт их механизмов, пользуясь портовыми мастерскими. Пока-же ремонт не закончат, я прошу тебя и Колю оставаться моими непосредственными помощниками, тебя старшим, его младшим. Согласен?

— Какіе-же могут быть разговоры? Конечно, ест-класси.

— В таком случаѣ, идем обѣдать, — приближается Меньшиков, поднимаясь из-за стола. — Ты потом прикажи дѣлопроизводителю написать о тебѣ приказ, да пусть не забудет упомянуть, что все управленіе порта безусловно подчинено тебѣ.

Поднявшись во второй этаж, они вошли в обширную столовую, посреди которой был сервирован стол на двадцать пять человек. Глѣб был чрезвычайно удивлен безукоризненной сервировкой. И тарелки и ножи и рюмки, все было от одного сервиза и все имѣло вид, как бы до-революціоннаго времени.

— Однако ты живешь по буржуйски, — улыбулся он.

— Да. Каким то чудом, здѣсь все это уцѣлѣло. Иной раз, чуть не забываешь, что революція была, что вся Россія завшивѣла, запаршивѣла и обнищала. Здѣсь же все сохранилось. В гостиной — ковры и мягкая мебель. В залѣ рояль, занавѣси, золоченные стулья. В спальнѣ кровати, матрацы, одеяла, подушки и опять же ковры. Подожди-ка минутку. Ровно в двѣнадцать соберутся всѣ офицеры порта на общую трапезу, а мы с тобой, пока что, хватим по рюмкѣ водки, — доставая из буфета графинчик, хитро подмигнулъ он Глѣбу.

— Что же. Дѣло хорошее, — отвѣчал тот улыбаясь. — Признаться, я вѣдь даже вкус водки забыл, так давно ее не пил.

— Ну, давай вспоминать, — чокнувшись и опрокидывая рюмку, засмѣялся Меньшиков. — А вот и молодежь, — обернулся он к дверям, в которых появилась группа офицеров.

Многих из них Глѣб знал по Балтійскому морю.

— Берите, господа, свои рюмки, да выльем за здоровье вновь прибывшаго моего помощника, а вашего на-

чальника, — пробасил Меньшиков, наливая протянутыя ему рюмки.

Отвыкнутому от нормальной жизни, Глѣбу обѣд показался чрезвычайно вкусным и обильным. За столом он узнал много новостей о своих знакомых и сослуживцах. Но мало хорошаго услышал он. Большинство лучших офицеров было перебито, а другіе томились по тюрьмам.

Глѣб с энергіей приваялся за дѣло. Вскорѣ он представил Меньшикову, всѣ необходимыя свѣдѣнія и цѣлый ряд проектов об устроении дѣла снабженія, ремонта и комплектованія пароходов. Почти всѣ эти проекты были одобрены Меньшиковым и приняты к исполненію. Ремонт миноносцев, благодаря неусыпному надзору Брагъев, двигался быстро и через мѣсяц оба корабля должны были быть готовы.

Однажды Глѣб обратился к Меньшикову с просьбой, оказать содѣйствіе в отводѣ квартиры для семьи.

— А ты думаешь здѣсь их поселить?

— А то гдѣ же? — удивился Глѣб.

— Да это то, как ты хочешь, но я бы тебѣ совѣтовал устроить их в Туапсе, так как главное мѣстопрібываніе твое и Николая будет именно там. Отсюда уж очень далеко к мѣстам, в которых сейчас оперирует наша армія и в случаѣ, если ей придется оказать поддержку, из Туапсе ты это сдѣлаешь гораздо скорѣе, нежели отсюда. Второе соображеніе, которое заставляет меня держать миноносцы, именно там, это то, что здѣсь в Новороссійскѣ расположен довольно сильный гарнизон, тогда как в Туапсе и в прилегающих к нему районах войск почти нѣтъ. Так вот, дабы внушить жителям и всѣм, кому надлежит,

страх и уваженіе, я и полагаю держать миноносцы там. По очереди или оба вмѣстѣ, это будет зависеть от тебя, вы будете обходить, время от времени, побережье и чинить судъ и расправу там, гдѣ это потребуется.

— В таком случаѣ, — отвѣчал Глѣб, — конечно будет лучше поселить семью в Туапсѣ.

— Отлично. Вот как только будут готовы миноносцы, ты совместно с Колей, сдѣлаешь обход побережья и отправляешься в Туапсе. Найми квартиру и сѣзди за семьей. Кстати, как идет комплектованіе твоего корабля?

— Да он у меня уже укомплектован. Я, видишь ли выписал своих соратниковъ, бывших моихъ подчиненныхъ, изъ Офицерскаго полка. Даже всѣхъ раненыхъ забрал. Для пѣхоты они все равно не годятся, а на кораблѣ отлично могутъ служить. Кроме того, здѣсь в Новороссійскѣ выбралъ нѣсколько человекъ изъ числа ожидающихъ назначенія. На оставшіеся матросскія вакансіи, взял сухопутныхъ офицеровъ, юнкеровъ и нѣсколько гардемаринъ.

— Смотри, Глѣб. Ты долженъ быть вполне увѣренъ въ своихъ людяхъ.

— Об этомъ ты не безпокойся. Почти всѣхъ ихъ я отлично знаю.

— А какъ же сухопутные съ морской службой будутъ справляться?

— Ничего справятся. Я приказалъ, пользуясь длительной стоянкой, обучать ихъ всей морской премудрости, такъ что у меня, прямо учебный корабль сейчасъ, а не миноносецъ.

— Bravo, bravo. А какъ у Коли дѣла?

— Мы с ним дѣйствуем заодно, так что и он в таком же состоянїи.

— Прекрасно Перед вашим выходом в море, я хочу сдѣлать вам смолч, так что заблаговременно мнѣ доложи о готовности.

— Есть, — отвѣчал Глѣб.

Прошло не больше мѣсяца и под гордо развѣвающимися Андреевскими флагами, из Новороссійска вышла “Боевой” и “Страшный”. Погода стояла дивная. Море, как безконечное зеркало, разстилалось перед моряками. Ласковое и прїятливое. Глѣб с радостью вдыхал родной, слегка солоноватый воздух.

— Что Бутенев, — обратился он к стоявшему на вахтѣ офицеру. — Небось это вам не по грязи шлепать.

— Как хорошо, Глѣб Николаевич, — отвѣчал послѣдній. — Прямо, как будто в родительскій дом попал.

— Только вы не счесть по сторонам зѣвайте. Слѣдите юннамателыгѣ за компасом. Вѣдь рулевой то из сухопутных. Не забывайте этого.

В это время на мостик поднялся старшій офицер. Неидоз.

— Глѣб Николаевич, — обратился он к командиру. — Артиллерист просит разрѣшенія опробовать пушки. Вѣдь онѣ с самаго прихода в Новороссійск бездѣйствовали. Не худо бы убѣдиться в исправности компрессоров — послѣ ремонта.

— Что же. Давайте, — согласился Глѣб.

— Сигнальщик! Передайте-ка на “Страшный”: “Разрѣшается опробовать артиллерію”, — медленно диктовал

Нелидов, еще не опытному матросу. — Давайте боевую тревогу, — затѣм обратился он к Бутеневу, занимая его мѣсто у компаса.

— Всѣ на верх! Боевая тревога! — звучным, молодым голосом прокричал послѣдній, сбѣгая с мостика к своему мѣсту по расписанію.

Глѣб тоже спустился на палубу и обходя судно, давал указанія и поправляя, еще не совсѣм привыкших к новому дѣлу, людей. Предѣлав всѣ эскерсици и повторив их нѣсколько раз, он разрѣшил открыть огонь. С грохотом вылетѣли снаряды из трех пушек минновосца. В ту же секунду, слѣдуя движенію старшаго, дал залп и “Страшный”.

— А давно ли в моем распоряженіи была только одна винтовка, — размышлял Глѣб, шагая по мостику. — Да, неисповѣдимы пути Твои Господи. Чаял ли я живым то уйти из этого похода, а вот теперь мнѣ повинуются два корабля с шестью дальнобойными пушками.

По приходѣ в Туапсе, Глѣб сдѣлал визит сухопутному начальнику — коменданту города и попросил его об отводѣ квартиры.

— Сдѣлайте милость, капитан. Завтра же вам квартира будет. Вам во сколько комнат?

— С меня двух достаточно.

— Что вы! Двѣ комнаты это просто неприлично для начальника морского отряда. Меньше, чѣм в три комнаты и думать нельзя.

— Очень вам благодарен, господин полковник. Я исполнѣ полагаюсь на вашу любезность. А какъ у вас тут дѣла насчет большевиков?

— Большевиков то нѣтъ, а вот в горах появились какіе то зеленые. Опасности они не представляют, но все же беспокоят своими грабежами на дорогах. Просто разбойники.

— Так значит в моей помощи вы пока не нуждаетесь?

— Нѣтъ, благодарю вас. Пока, что я справляюсь с моей комендантской полуротой.

Распроставшись с любезным комендантом, Глѣб отправился домой. На другой день, присланный комендатурой офицер, проводил Глѣба в маленькій уютный домик, состоявшій всего из трех комнат, кухни и расположенный на окраинѣ города, среди садов и виноградников.

— Поблагодарите от меня коменданта, — обратился он к офицеру. — Скажите ему, что я очень доволен и очень признателен, за оказанную услугу.

Не прошло и недѣли, как в маленьком домикѣ поселились Екатерина Петровна, Наташа и Славка. Почти каждый день Глѣб и Коля приходили домой, а иногда оставались и ночевать.

— Когда же мы свадьбу устроим? — однажды обратился Глѣб к невестѣ.

Наташа до сих пор старательно избѣгала этого вопроса.

— К чему торопиться, — отвѣчала она. — Вот скопим немножко денег, обзаведемся одеждой, ну тогда... А может быть к тому времени наши освободят Черенгов, гдѣ остались мама и брат. Я бы с'ѣздила тогда домой и привезла бы необходимое. А то сам посуди, оба мы бѣдны, как церковныя крысы. Смѣшно сказать, по третьей смѣнѣ бѣлья не имѣем.

— Что же подождем, — соглашался на резонные доводы Глѣб.

Время шло. Маленькая добровольческая армія разрасталась и ширилась. Двигалась со стремительной быстротой на сѣвер и с неизмѣнным успѣхом, разбивая полчища красных она начинала грозить самой Москвѣ. Дѣло спасенія Россіи, казалось, росло и крѣпло, но увы это только казалось. Внутри, в тылах, многое было не хорошо, а многое прямо ужасно. Лихоимство и казнокрадство, протекціонизм и прочее, раз'дали жизненные артеріи арміи. Не получавшіе ни одежды, ни денег войска принимались грабить, вызывая ропот, неприязнь, а иногда и отпор со стороны населенія. Появились банды разбойников, именовавшіе себя зелеными, то есть противниками и красных и бѣлых. То и дѣло Глѣбу и Николаю приходилось тушить возникавшіе пожары возстаній, то своими средствами, то перевоза десанты. Теперь братья рѣже показывались дома. Не весело было в маленьком домикѣ, оживлявшемся только с приходом в порт миноносцев.

ГЛАВА II.

Карягина привезли в Екатеринодар в бессознательном состояніи. Пуля Глѣба, пробив правую лопатку, вышла с лѣвой стороны груди у самого сердца. Когда он пришел в себя, первым его вопросом было о судьбѣ Наташи.

— Гдѣ та дѣвушка, которую я отбил у бѣлогвардейцев? — чуть слышно прошептал он.

— Не знаю, товарищ. Никакой дѣвушки тут не было, — отвѣтила ему сидѣлка.

Пршлешдшій дня через два Федченко разсказал как гроизошло неудавшееся похищеніе, как пытались они, послѣ его раненія, поднять Наташу и почему это не удалось.

— Сорвалось, — подумал Карягин. — Снова сорвалось. Но я таки добьюсь своего. Я вырву ее у бѣлых. Я пойду на какой угодно риск, но она будет моею, — шептал он в безсильной злобѣ.

— А ты не замѣтил кто по мнѣ стрѣлял? — снова обратился он к Федченко.

— Да кто же другой, как не бородатый моряк. Я хорошо его запримѣтил. Он и вас ранил и Прохоревъ чуть не убил, когда тот за барышней бросился.

— Ну погоди же ты, бородатая скотина. Второй раз ты становишься на моей дорогѣ, — думал Карягин и от волнения розовая пѣна появилась на его губах. — Сегодня, в третій раз я... — но тут мысли его начали путаться и он снова потерял сознание.

В кошмарном бреду ему чудится, что он стараясь настичь сѣренькаго зайчика, скачет на конѣ по широкому безконечному полю.

Зайчик этот Наташа, — соображает он. — Стоит мнѣ его поймать и он обратится кою. Быстро несет его конь, но и зайчик бѣжит очень быстро. Все же, мало помалу, Карягин настигает его. Яркое солнце немилосердно палит. Лучи его до того ярки, что глазам больно и болит голова. Дальше и дальше скачет зайчик, быстрѣй и быстрѣй несется Карягин. Вот уж близко. Вот еще немножко и он нагонит его. Вдруг огромная тѣнь, покрыв собою и Карягина и зайчика, упала на полѣ. Взглянув наверх, он

идит как, закрывая солнце огромными крыльями, двѣ громадных птицы вьружатся над ним.

Орлы, соображает он продолжая хлестать воя. Мгновение и спрыгнув с сѣдла, он хватает испуганнаго зайчика. Но вдруг перед ним не зайчик, а Наталпа, которую он держит за руку.

Пустите, произносит она, мѣряя его гнѣвным взглядом. Или вы опять хлыста захотѣли? — замахиваясь свободной рукой, оглушительным голосом вскрикивает она. От ея крика замирает сердце и как молотом стучит в ноющую грудь.

Ты моя. Я настиг тебя, хочет он крикнуть, но в этот момент над головой раздается оглушительный шум орлиных крыльев. Прочь! — кричит он, хватаясь за саблю, но орлы наваливаются на него огромной тяжестью и начинают терзать грудь. Помогите! — хочет он крикнуть, но язык не шевелится во рту и звук не выходит из горла.

Все путается в головѣ и темная бездна поглощает его. Цѣлую недѣлю раненый не приходил в себя. Наконец, однажды утром, обходявшій лазарет, врач замѣтил его пробужденіе.

— Теперь будет жив, — услышал Карягин, сказанныя доктором слова.

С этого дня он начал поправляться. Часто навѣщавшіе его Федченко и Прохоров, однажды замѣтили, что раненому много лучше и рѣшились переговорить с ним.

— Скорѣе поправляйтесь, товарищ, а то как бы нам утекать не пришлось.

— Почему утекать?

— Да бѣлогвардейцы наступают.

— Как бѣлогвардейцы? Какіе бѣлогвардейцы? Развѣ эта банда еще не уничтожена?

— Какой там уничтожена. Послѣ вашего раненія эта банда, почти всю Донскую область заняла, а тепер сюда на Екатеринодар прет.

— Вот так штука, — подумал Карягин.

— А далеко они отсюда?

— Да коли наши и дальше будут так отступать и сдаваться, то через недѣльку бѣлогвардейцы здѣсь будут.

— Надо что нибудь предпринимать, — соображал между тѣм Карягин. — Вѣдь вся эта сволочь, чуть запахнет жареным бросится спасаться, оставив раненых в произвол судьбы. А мнѣ попадаться в руки бѣлых в совѣм то ловко.

— А гдѣ мой конь? — вдруг обратился он к Федченко, вспомнив, что в сѣдельной сумкѣ остались компрометирующие документы.

— Конь пропал. Как мы усаживали тогда с вами, о надо быть, остался на мѣстѣ. Навѣрное бѣлые его забрали.

— Коли так, — соображал Карягин, — мнѣ ни в каком случаѣ нельзя попадаться им в руки. На этот раз уже непременно повѣсят.

— Вот что, Федченко. Сходи-ка ты в штаб, доложи кому нибудь из адъютантов, лучше всего товарищ Абросимову, что я хочу сдѣлать, важное для красной арміи предложеніе. Пусть придет сюда кто нибудь из слабых.

— Слушаю, товарищ. Только вот еще одна бѣда, меня и Прохорова на фронт зѣбирают. Завтра выступать должны.

— Подождите, может быть я этому горю помогу. Ты только постарайся поскорѣ привести сюда Абросимова. А гдѣ Семенов? Отчего он ко мнѣ никогда не заходит.

— Семенов приказал долго жить, товарищ.

— Умер? Отчего? Что с ним случилось?

— От сыпняка, товарищ. Захватил сыпняк, да через двѣ недѣли и отдал душу Богу.

— Жаль, — задумчиво промолвил Карягин. — Хорошій был человек. Ну, так торопитесь же, а то и в самом дѣлѣ, как бы нам неопоздать.

— Здравствуйте, Матвѣй Всеволодович, — привѣтствовал Карягина господин средних лѣтъ, с выправкой стараго военнаго. — Мнѣ передали, что вы имѣете какое то предложеніе.

— Спасибо, Василій Васильевич, что пришли, — оживился Карягин. — У меня дѣйствительно есть одна мысль, которую, если штаб одобрит, можно было бы привести в исполненіе.

— Ну, рассказывайте вашу мысль, — одобрительно кивнул головой Абросимов, старый знакомый Карягина еще по германской войнѣ капитан генеральнаго штаба, а теперь один из ближайших помощников Сорокина.

— Прежде всего, — начал Карягин понижая голос, — я должен просить вашего откровеннаго отвѣта: много ли шансов за то, что Екатеринбург будет занят бѣлыми. Если да, то мой план имѣет смысл, в противном случаѣ о нем и говорить не стоит.

Абросимов поморщился, видимо не желая говорить о таких вещах в общей палатѣ, гдѣ их легко могли бы подслушать.

— Что вы голубчик! — воскликнул он. — О сдѣлѣ Екатеринодара и рѣчи быть не может. Однако ваш план все таки расскажите. Может быть мы и иначе его используем.

— План мой не сложен. Он заключается в том, что мнѣ будет необходимо очутиться в расположеніи бѣлых. Представьте себѣ, что при занятіи какого нибудь города или деревни, они выпускают из тюрьмы арестантов и, в том числѣ, меня. Ясно, что ко мнѣ отнесутся с большим довѣріем. Тогда, тѣм или иным путем, я смогу сообщать вам нужныя свѣдѣнія, а кромѣ того, при возможности, смогу вносить дезорганизацию и безпорядок в их управленіе. Что вы скажете об этом?

— Откровенно говоря, ваш план мнѣ нравится и я постараюсь привести его в исполненіе.

— В таком случаѣ, не забудьте ко мнѣ прикомандировать двух моих солдат, которым я безусловно довѣряю. Конечно нас надобно снабдить соответствующими документами.

— А гдѣ ваши солдаты?

— А вот они у дверей дожидаются. Их фамилія Федченко и Прохоров.

— Прекрасно. Если ваш план будет одобрен командармом, то вы получите и еще кое какія инструкціи, а пока, скорѣе поправляйтесь, а то куда же вы годитесь в таком состояніи?

Однажды, дней через пять послѣ описаннаго разговора, к тюремной больницѣ под'ѣхала подвода, с которой, при помощи Федченко и Прохорова, поднялся Карягин и заковылял вмѣстѣ с ними, к воротам. Телѣга была окружена конвоем красноармейцев, послѣдовавших за арестованными, ко входу. Начисто обритое, исхудавшее лицо Карягина и поношенный статскій костюм, дѣлали его совершенно неузнаваемым.

— А как записать арестантов? — освѣдомился смотритель тюрьмы, входя в канцелярію вмѣстѣ с начальником козвол.

— А вот их документы прочтите.

— Иван Иванович Тонкоруков. Киевскій помѣщик и присяжный повѣренный. Обвиняется в организаціи помощи раненым бѣлогвардейцам, взятым в плѣн при нападеніи на городъ Корниловскихъ банд. Федор Ильич Федченко, вrestьянин Богучарскаго уѣзда Воронежской губерніи, села Крутоярова. Арестован по подозрѣнію в принадлежности его к полнціи и в симпатіяхъ высказанных им, по отношенію къ бѣлогвардейцам. Федор Федорович Прохоров. Того же села и по тѣм же обвиненіям.

Выдав конвойному расписку в принятіи арестантов, смотритель вскрыл небольшой конверт с надписью "секретно".

"Предписывается вам товарищ, — значилось в бумагѣ, — во чтобы то ни стало сохранить жизнь, препровождаемым к вам, трем арестантам. В случаѣ занятія города бѣлогвардейцами, вы должны, под страхом самой жестокой отвѣтственности, уберечь их от расправы наших

отступающих войск. Эти три арестанта должны остаться живыми до самаго занятія тюрьмы бѣлыми”.

— Эге, значитъ это ваши, — сообразилъ смотритель, отправляясь еще разъ взглянуть на новоприбывшихъ.

Прошла еще недѣля, Карягинъ быстро поправлялся. Тюремный докторъ, считая его жертвой большевиковъ, прилагалъ къ тому всѣ старанія. Помѣщенные, такъ же какъ и Карягинъ, въ больницу, совершенно здоровые Федченко и Прохоровъ, тоже пользовались его покровительствомъ и цѣлыми днями валялись на койкахъ.

Однажды, сквозь двойныя рамы палаты, Карягинъ услышалъ отдаленную артиллерійскую канонаду.

— А вѣдь мой планъ близокъ къ осуществленію, — подумалъ онъ. — Эта стрѣльба, не иначе, какъ по наступающимъ бѣлымъ.

Часъ отъ часу, раскаты орудійныхъ выстрѣловъ становились слышнѣе. Вскорѣ можно было разслышать, даже ружейную трескотню, а передъ вечеромъ, бой перекинулся на самыя улицы города. Въ эту ночь Екатеринодаръ былъ взятъ добровольцами. Освобожденный, какъ и всѣ остальные, оставшіеся въ живыхъ, арестанты, Карягинъ отправился въ гостиницу и занялъ два номера. Одинъ для себя, другой для Федченко и Прохорова. Благодаря тому, что при занятіи города, ихъ нашли въ тюрьмѣ, обвиненными въ симпатіи и въ поддержкѣ добровольцевъ, всѣ трое пользовались полной свободой и имѣли доступъ во всѣ учрежденія. Устроивъ своихъ солдатъ, какъ бывшихъ городовыхъ въ одну изъ тыловыхъ частей, несшихъ охрану города, Карягинъ началъ свои хлопоты. Первое, что онъ предпринялъ, это началъ наводить справки въ медицинскій части о судьбѣ Наташи.

— Вы кого ищете? — обратился к нему наш старый знакомый — бывший старший врач армейского лазарета, проходя через комнату, в которой Карягин старательно перелистывал списки сестер.

— Я, господин доктор, сестру Воробьеву разыскиваю. Наташю Владимировну Воробьеву. По слухам, она состояла в армии во все время походов, начиная с самого Ростова.

— Ах, это такая маленькая? В мужском костюме?

— Да, да, да, — обрадовался Карягин.

— А зачѣм она вам?

— Она моя невеста. Я и на юг то попал, специально, чтобы разыскать ее.

— Ну, батенька. Кажется, вы опоздали. Не могу ручаться за достоверность, но я слышал, что она выходит замуж за одного моряка. Во всяком случаѣ, среди сестер мы ее не ищите. Она давно уже бросила службу. Лучше обратитесь в морское управленіе, — продолжал с улыбкой доктор, поглядывая на растерянное лицо собесѣдника. — Разыщите старшего лейтенанта Орлова, он, несомнѣнно, даст вам о ней самыя подробныя свѣдѣнія.

Карягин отправился в морское управленіе.

— Не можете ли вы мнѣ сообщить о мѣстонахожденія старшего лейтенанта Орлова? — обратился он к выдававшему справки молоденькому мичману.

— А вам котораго Орлова? Глѣба или Николая?

— А чей их знает, который из них Глѣб, который Николай, — подумал Карягин.

— Если можете, то дайте мнѣ адреса обоих.

— Хорошо. Обождите минутку.

Послѣ недолгаго ожиданія, Карягин узналъ, что оба брата находятся в Туапсе, гдѣ стоят миноносцы, которыми они командуют.

— Опять эти моряки на моем пути. Придется вѣхать в Туапсе. Впрочем, этот городок, как пельзя болѣе, соответствует тѣм цѣлям, которыя поставлены мнѣ Абресимовым.

Уложивъ вещи, он отправился в казармы, гдѣ помѣщались его сообщники.

— Вот что товарищи, — заговорил он, выводя их на одну из безлюдных улиц. — Завтра утром я ѣду в Туапсе, куда постаралось перевести и вас. Там для нас найдется не мало работы. Но пока я вас не вызову, никуда из Екатеринодара не отлучайтесь. Я здѣсь не мало денег заллатил, пока устроил вас на тыловую службу. Мнѣ обѣщали, что вас без моей просьбы, никуда не пошлют. Только сами то вы не рыпайтесь. Помните, что я о вас думаю и забочусь.

— Об этом вы не извольте беспокоиться. Без вашего приказанія мы никуда не поѣдем.

Пользуясь связями, легко пріобрѣтенными благодаря деньгам, которыми он сорил, Карягин без труда получил необходимые документы и для прохожденія курса лѣченія на морских курортах, отправился в Туапсе. Остановившись в лучшей гостиницѣ, он за бѣшенныя деньги нанялъ, богато меблированную и расположенную у берега моря, среди садов и виноградников виллу. Купленный им, по случаю, автомобиль, а так же коляска с парой сѣрых в яблоках лошадей, быстро создали ему репутацію богача. Устроившись в новом помѣщеніи Карягин или Иван Иванович

Тонворуков, как значилось в его документах, отправился с визитом к коменданту города.

— Считаю своим приятным долгом, — начал он, входя в кабинет, куда его провел дежурный писарь. — Считаю своим приятным долгом засвидѣтельствовать свое глубокое уваженіе представителю власти возрождающейся Россіи.

— Очень приятно познакомиться, — отвѣчал комендант, приглашая гостя садиться. — Насколько я освѣдомлен, вы недавно изволили пожаловать в наш город. Вѣроятно хотите воспользоваться климатом и морским купаніями?

— Да. Поправка здоровья, это главная причина моего пріѣзда сюда. Я, видѣте ли, пріѣхав совершенно случайно из юг, попал в такую кашу, что уж и не чаял живым остаться. Одно время, когда ваши герои-добровольцы подошли было к Екатеринодару, гдѣ я застрял, у меня появилась надежда на избавленіе, по смерти генерала Корнилова и отступление ваших войск, снова ввергли меня в стачаніе. Кромѣ того, откровенно говоря, я принялся энергично спасать несчастных плѣнников, попавших в лапы большевикам. Сначала дѣле шло блестяще. С двумя моими лакеями, из бывших городовых, дѣйствуя то подкупом, то хитростью, я освободил человѣкъ полтораста. Но однажды нам не повезло. Повидимому кто то донес. Меня и моих помощников арестовали и посадили в тюрьму. Причем еще и ранили при арестѣ. В тюрьмѣ я просидѣл вплоть до прихода вашей арміи. Надѣясь, что генерал Деникин скоро освободит Кіев, вблизи котораго рас-

положены мои имѣнія, я рѣшил переждать это время и
немножко подлѣчиться.

— Что же это хорошая мысль. Здѣсь вы быстро
окрѣпнете.

— Не смѣю больше мѣшать вашей работѣ, — вста-
вая и прощаясь с хозяином, говорил Тонкоруков. — Лыщу
себя надеждой, что вы не откажетесь посѣтить мою скром-
ную обитель.

Дня через два Тонкоруков принимал у себя коман-
данта.

— Очень пріятно. Очень пріятно. Большое удоволь-
ствіе доставили мнѣ, навѣстив меня в моем одиночествѣ,
— говорил он, усаживая гостя на обитой ползучим биво-
градом и выходявшей на море верандѣ.

— Как хорошо тут у вас, — усаживаясь в мягкое
кресло и любуясь чудным пейзажем, говорил комендант.

— Хорошо то, хорошо, только уж очень скучно.
Вѣдь я цѣлый день один одинешенек, — жаловался Тон-
коруков, закинул спиртовой кофейник и доставая из ма-
ленькаго буфета бутылки с ликерами и коробочки с
печеніем.

— Отчего же вы не заведете знакомств? — полю-
бопытствовал комендант. — Здѣсь достаточно молоденьких
дам и барышень, которыя, я думаю с удовольствіем, по-
знакомились бы с вами.

— Я и сам об этом подумываю, но бѣда в том, что
я здѣсь ровно никого не знаю. Не с кѣм посоветоваться.
Некого попросить представить, — подливая в рюмку гостя,
продолжал он. — Вот у меня и автомобиль и коляска есть.
На днях моторную лодку собираюсь купить. Можно было

бы устраивать пикники, прогулки. Рояль у меня есть. Танцы бы устроили. Да вот беда не знаю с кого начать. С кѣм познакомиться.

— Знаете что, — воскликнул, слегка зашмыгавший, комендант. — Заѣзжайте-ка ко мнѣ. Я вас представляю женѣ и дочкѣ, с ними вы и обобудуете это дѣло.

— Так вы здѣсь с семьей? Этого я, почему то, не предполагал.

— Как же, как же, дорогой Иван Иванович. Семья моя со мною. И жена и дочь, взрослая барышня, здѣсь, только вот сын, молодой поручик, не знаю гдѣ.

Еще долго продолжалась бесѣда новых друзей и только под вечер, взяв слово с Тонкорукова, что тот на другой день непременно у него будет обѣдать, — комендант, в коляскѣ Тонкорукова, отправился домой.

На слѣдующій день, ровно в двѣнадцать, автомобиль Тонкорукова остановился у квартиры коменданта.

— Позволь, Анята, представить тебѣ новаго гражданина нашего Туапсе, Ивана Ивановича Тонкорукова, — рекомендовал, вошедшаго Карягина своей женѣ, комендант.

— Очень пріятно познакомиться. Муж мнѣ говорил, что вы здѣсь скучаете и просил познакомиться вас с мѣстным обществом.

— Да. Это моя почтительнѣйшая просьба. Хотя откровенно говоря, я так еще недавно здѣсь, что соскучиться не успѣл, но предвижу, что если буду оставаться и впредь один, то скоро в петлю полѣзу со скуки.

— Ну, теперь об этом не беспокойтесь. Мы вам не дадим соскучиться. Здѣсь столько хороших барышень

и дам, что такому молодому человеку, как вы, прямо стыдно скучать. Кавалеров у нас мало, это верно, но дам — сколько хотите.

— А вот позвольте вас познакомить с нашей дочерью, — обратился комендант к гостю, при входѣ молоденькой, лѣтъ восемнадцати, барышни, свѣженькой и хорошенькой блондинки. — Познакомься Гаяя. Это Иван Иванович Тонкоруков, о котором я тебѣ говорил.

Вскорѣ, по приглашенію хозяйки, сѣли за стол.

— Так как же, Анна Павловна, — продолжая прерванный разговор, произнес Тонкоруков. — Чтобы поскорѣ со всѣми перезнакомиться и доставить себѣ удовольствіе, повеселить обитательницъ вашего милого города, не поступить ли нам так: вы, если только это не затруднит вас слишком, можете быть, не откажетесь устроить пикникъ, пригласив, кого найдете нужным. Об устройствѣ самого пикника, позабочусь я сам. В назначенный час будутъ поданы лошади туда, куда вы укажете. На мѣстѣ пикника, будетъ приготовлено все необходимое, а затѣм, когда вы меня перезнакомите с обществом, я приглашу всю компанію к себѣ потанцевать и поужинать.

— Что же. Мысль превосходная, — согласилась хозяйка.

— А вы, как думаете, Татьяна Романовна? — обратился он к барышнѣ, с жадным вниманіем слѣдившей за разговором.

— О! Это будетъ превесело.

— В такомъ случаѣ, давайте так и рѣшим. Остается еще выбрать время.

— Время будет зависеть от вас, — отвѣчала Анна Павловна. — Мы всё совершенно свободны.

— Прекрасно. В таком случаѣ спросим Романа Николаевича, какое время для него удобнѣе?

— Обо мнѣ пожалуйста не беспокойтесь. Я всегда смогу отложить свои дѣла, если не случится чегонибудь экстреннаго, разумеется.

— Если так, давайте назначим ужиник на десять часов утра послѣзавтра, — предложил Тонкоруков.

— Прекрасно, — согласилась Анна Павловна. — Завтра я вам дам список ѣдущих, чтобы вы могли распорядиться экипажами.

— Отлично. Значит рѣшено! — воскликнула Татьяна Романовна.

Встав из за стола, маленькое общество перешло в другую комнату, служившую гостиной и кабинетом хозяйна, куда Татьяна Романовна подала кофе.

Посидѣвъ еще с пол часа, Тонкоруков откланялся, ссылаясь на усталость, как слѣдствіе недавняго раненія.

— Прекрасный молодой человек, — проводив гостя, заявила Анна Павловна. — Такой воспитанный, выдержанный. Сейчас видно, что из хорошей семьи. А тебѣ, как он понравился? — обратилась она к дочери.

— Какется, человек симпатичный, впрочем я еще не успѣла к нему присмотрѣться.

— Ну, ну, приглядесть к нему Таничка. Он стоит того.

В этот же вечер Анна Павловна разослала записки с приглашеніями, в том числѣ и Глѣбу, прося его при-

соединиться к празднику вмѣстѣ с семьей и офицерами
обоих миновосцев.

Глѣб только что вернулся из крейсера и пристав.
к пристани, собирался идти домой, как к нему явился
солдат из комендантской полуроты и передал приглашеніе.
Прочитав его, он недовольно поморщился, так как считал,
такія развлечения неумѣстными в переживаемое тяжелое
время. Тѣм не менѣе, попросил к себѣ старшаго офицера
и передал приглашеніе офицерам.

— Я вас очень прошу, Николай Васильевич, чтобы
нѣсколько офицеров обязательно отправились бы туда, если
даже и не найдется желающих. Тѣм болѣе, — добавил он,
— что “Страшный” в морѣ и если от нас никого не будет
— это может вызвать обиду, чего я вовсе не желаю и
допустить не могу.

— Не беспокойтесь, Глѣб Николаевич. В желающих
повеселиться недостатка не будет. В этом я увѣрен.

Придя домой, Глѣб передал приглашеніе и Натальѣ.

— Нѣтъ, Глѣб, — отвѣчала она. — Не такое теперь
время, чтобы веселиться. Это во первых, а во вторых,
ты и сам понимаешь, что для такого праздника необходим
подходящій костюм, котораго у меня нѣтъ. Уж лучше я
не поѣду.

— Я так и зналъ, что ты откажешься, — цѣлуя руку
невѣсты, отвѣчал Глѣб. — Мнѣ и самому, очень не хочется
ѣхать, так что я, как нельзя болѣе, доволен твоим от-
казом. Время ли теперь, когда вся Россія залита кровью,
устраивать пикники и развлечения. Плакать надо. Траур-
босить. Богу молиться, а не веселиться.

— Вот и отлично, что доволен. Лучше знаешь что. Заберем-ка мы Славку, да взберемся вон на ту гору. Воображаю, какой оттуда вид.

— Что же. Давай, — согласился Глѣб.

— Тетя Наташа! Тетя Наташа! Посмотри-ка какого я жука поймал, — раздался звонкій голосок Славы, сегомя гелову летѣвшаго по дорожкѣ сада. — Палочка прѣехал! — увидѣвъ отца, вскрикнул он и со всего размаха бросился к нему на шею. — А я давно видѣл твой миновосец, когда ты и в порт еще не входил, — лепетал он, цѣлуя отца.

— Хочешь с нами вон на ту гору залѣзть, — предложила ему Наташа.

— Хочу, хочу! — освобождаясь изъ об'ятій отца и повисая на шеѣ Наташи, радостно запараторил он.

— Только смотри брат, гора отсюда кажется близкой, а как начнешь взбираться, она окажется очень далеко. Как бы ты не устал, — предостерет его отец.

— Нѣт, нѣт палочка, не устану. Никогда не устану.

— В таком случаѣ идемте.

— Куда это вы собрались? — выходя на крыльцо и цѣлуя сына, спросила Екатерина Петровна.

— Да вст, на ту гору залѣзть хотим.

— Что же, отправляйтесь себѣ, а я пока ужин вам приготовляю. А гдѣ Коля? — обратилась она к сыну.

— Коля еще в морѣ. Он вернется не раньше, чѣм завтра к полночи.

— Однако я и не подозрѣвала, что это так далеко, — произнесла запыхавшаяся Наташа, хотя еще и половины дороги не было сдѣлано.

— Что же, давайте устроим привал. Садитесь сюда, на мой плащ.

— А вѣдь и отсюда вид замѣчательный, — любуюсь безконечной пеленой бирюзового, окаймленного, покрытыми расщепительностью, горами, моря, задумчиво проговорила Наташа.

— И на что мнѣ этот пикник? — между тѣм думал Глѣб, наслаждаясь отдыхом в кругу дорогих ему существ. — На что он мнѣ сдается, когда и без него так хорошо.

— А кто этот Тонкоруков, который предоставляет свои экипажки для пикника? — вдруг спросила Наташа.

— А Бог его знает. Какой то буржуа из недорѣзанных, — улыбнулся Глѣб.

— Откуда он взялся?

— Недавно из Екатеринодара приѣхал. Наши его из тюрьмы, при взятіи Екатеринодара, освободили.

— Вот странно. Сидѣл у большевиков в тюрьмѣ, а денег куры не клюют. Как же это большевики не отобрали их у него.

— Вѣроятно спрятал гдѣ нибудь.

— А недриятный человек.

— Развѣ ты его видѣла?

— Почти каждый день вижу. Он мимо нашего домика, очень часто кататься верхом ѣздит. Ну, что же двинемся дальше или повернем назад? — спросила Наташа, подымаясь с земли.

— Это, уж как ты хочешь.

— Я думало, не пойти ли назад, а то боюсь, что Славка замучается. Видишь, он и то лежит не двигаясь. Наверное устал мальчуган.

— Я не устал, — запротестовал ребенок. — Пожалуйста пойдемте дальше.

— Ныт Слалчик, сегодня уж поздно, — отвечала Наташа. — Вот в другой раз, мы выйдем из дому утром, пораньше. Захватим с собой провизия, чтобы не торопиться домой. Тогда и до вершины доберемся, а сегодня уже поздно. Бабушка, я думаю, давно нас с ужином ждет.

Оживленные и веселые вернулись они домой.

— А что, Глѣб, из твоих офицеров, ктонибудь пойдет на пикник? — спросила Наташа.

— Да. Я приказал старшему офицеру, чтобы несколько человек обязательно были бы, да и его самого думаю отпустить. Знаете что, господа. Давайте завтрашний вечер проведем у меня на минахослѣ. Если я опущу Нелцова, то сам должен сидѣть на кораблѣ и мнѣ будет скучно без вас. Давайте, будем ужинать у меня всей семьей. Может быть и Ксю дождемся.

— Я согласна, если только и мама пойдет, — отвечала Наташа.

— Бабушка, пойдем, — взмолился Слава, дергал старушку за платье.

— Я ничего не имѣю против. Идемте, — улыбнулась она.

— Тогда часов в восемь мы устроим чай, а ужин отложим до прихода Коли. Это ему будет приятный сюрприз. Не дурно бы угостить его водочкой.

— Если хочешь, я завтра куплю спирту, — выва-
далась Наташа.

— Купи пожалуйста, да встать и закусоочки, какой
нибудь, захвати. Вображаю, как будет приятно Кошъ,
сразу послѣ похода, обутиться среди семьи, да и по-
ужинать с водкой. Вѣдь он, шельмец, очень любит про-
пустить рюмашку.

На слѣдующее утро, вернувшись на миноносец и
приняв рапорт старшало офицера, Глѣб предложил и ему
ѣхать на шивеник.

— Если разрешите, Глѣб Николаевич, я с удоволь-
ствием поѣду, а то засидѣлся немножко. Хочется пораз-
мяться.

— Вот и отлично. Покажите с Богом. Кстати и
письмо мое передадите комендантшѣ. Надо вѣдь побла-
годарить ее за приглашеніе.

В назначенный день, почти вся молодежь покинула
миноносец, на котором осталось лишь самое необходимое
число офицеров во главѣ с Глѣбом. Часамъ к шести ве-
чера, на пристани появились Екатерина Петровна, Наташа
и Слава. У схода их встрѣтил Глѣб.

— Как хорошо тут у вас, — воскликнула Наташа,
усаживаясь в шезлонг, разставленный на корабѣ — под
тентом.

Нѣжный вѣтерок чуть шевелил флагами, которыми
была закрѣплена вся корма, превратившаяся, таким обра-
зом, в огромную каюту с воздушными стѣнами. На неболь-
шом столикѣ кѣпѣ самовар. Глѣб попросил Наташу хо-
зяйничать. Оставшіеся на кораблѣ три офицера также
присоединились к возмѣтанію. Послѣ чая, усадив Наташу

и Славу в маленькую шляпку, Глѣб прокатил их по га-
вани, чѣм привел в восторг, давно мечтавшаго об этом
удовольствіи, мальчугана. Между тѣм вечерѣло. Солнце за-
шло и вся компанія перебралась в каюту, гдѣ при свѣтѣ
элементарнаго Екатерина Петровна занялась рукодѣліем,
а Глѣб принялся читать вслух какую то книжку из судовой
библіотеки.

— Глѣб Николаевич, “Страшный” возвращается, —
докложил вахтенный начальник по переговорной трубѣ.

— Хорошо, — отвѣчал Глѣб. — Не забудьте по-
слать людей на пристань принять концы.

— Ну-с, теперь пора и ужин устраивать, так как
через пол часа Коля будет здѣсь.

— Сейчас, сейчас, — захлопотала Наташа, прини-
маясь разворачивать пакеты с закусками и устанавливать
на столѣ приборы.

Вдали раздавалась сирена подходившаго “Страшна-
го”. Минут через двадцать, с палубы донесся голос Коли,
спрашивавшаго дома ли командир.

— Ба, ба, ба, — радостно воскликнул он, входя в
каюту, при видѣ гостей. — Вот так компанія, — продол-
жал он, цѣлуя мать и здороваясь с остальными.

— Дядя Коля! Дядя Коля, а мы на шляпкѣ ка-
тались, — обнимая его за шею пинцал Слава.

— Ну? Да что ты говоришь? — лаская ребенка,
спулы Николай.

— Как дѣла? — спросил его Глѣб.

— Да не важно, братец ты мой. Сегодня я цѣлый
день усмирал зеленых. Еще прошлой ночью, я получил

радіо от Меньшикова, что село Рыбачье, которое в двадцати милях отсюда, захвачено зелеными. На развѣтѣ я уже подходилъ къ нему. Еще в темнотѣ свез на берег десантъ и захватилъ ихъ драгиллохъ. Но что с ними предѣлалъ. Выглянулъ я ихъ изъ Рыбачьаго, а они в соседнее село перешли. Къ обѣду я ужъ тамъ ихъ преслѣдовалъ. Только на этотъ разъ они были осторожнѣе и чуть я приблизился къ берегу, они, покруживъ подходы продовольствіемъ, драпанули в горы. Не могъ же я ихъ по гирамъ преслѣдовать. Да была не в томъ, что какая то шайка разбойниковъ здѣсь оперируетъ, а в томъ, что число этихъ шаякъ не по днямъ, а по часамъ растетъ. В Рыбачкомъ мнѣ говорили, что недавно, под конвоемъ цѣлой полуроты, транспортъ соленой рыбы, закупленный нашимъ командованіемъ, отправился изъ ихъ села къ желѣзнодорожной станціи. Такъ представь себѣ: для через два, подходы отвозившія рыбу вернулись и рассказываютъ, что по дорогѣ на нихъ напали зеленые, рыбу забрали, а конвой частью перебили, а частью увели в горы.

— Да, — задумчиво произнесъ Глѣбъ. — К несчастью, эти шайки стали обычнымъ явленіемъ у насъ. Не только здѣсь на побережьи, но онѣ появляются, сплошь и рядомъ, индеемъ самой ставки. Вот недавно ставка перешла въ Таганрогъ, такъ и тамъ у самаго Таганрога были случаи появленія зеленыхъ.

— Чѣмъ же это об'яснить? Почему происходитъ такое явленіе? — вмѣшалась Наташа.

— Да видишь ли, причинъ тутъ много, — отвѣчалъ Глѣбъ. — Во-первыхъ, преступный элементъ, всегда находящійся среди населенія, почувствовалъ нѣкоторую слабость

власти. Вѣдь ты подумай, какая разница в положеніи преступников теперь и раньше. Раньше, бывало, не то что убійцу, а крупнаго вора, если ловят, то вѣдь всѣ щелки обыщут. Для преступника спасенія от власгей почти не было. В городѣ — так весь город обыщут, в горах — так каждую ямку осмотрят. Задумает он бѣжать на пароходѣ или по желѣзной дорогѣ — так телеграф, или безпроводный телеграф уже предупреждают всѣх, кого слѣдует, о его пути и примѣтах. Я уж не говорю о разбойничьих шайках. Существованіе их было, прямо, не мыслимо. Чуть только такая шайка гдѣ нибудь появится, так всю мѣстность обыщут, так что мышь не пробѣжит и дѣло с колом. Если мало роты, полк выплюют. Полка мало — цѣлую дивизію принимают, а бандитов непременно ищут. Вторая причина — это недовольство нашими войсками и администраторами. Раньше, бывало, если какой нибудь солдат курицу стащит, так идет под суд, а теперь не только солдаты, но и офицеры крадут и не только курицу, а все, что попадаетея под руку. Рѣдко, рѣдко теперь, если какой нибудь голубчик уж слишком зарвется и попадет на скамью людсудныхъ. Третья причина — недовольство солдат и распущенность офицеров. Теперь солдат не обезпечен, какъ бывало раньше, ни пицей, ни одеждой, ни карманными деньгами. Если он сам о себѣ не позаботится, то остается и босым, и голым, и голодным. Ну, и тянет разумеется отовсюду, откуда можно и студиа нельзя. Офицеры, так же как и солдаты предоставлены, почти исключительно, собственным силам. Вѣдь нельзя считать тѣх грошей, которые нам платят вѣдѣ

казавалія. Вот офицеры и норовят захватить и продать, что подѣньте. Не забывай, что у многих семья. Должны же они позаботиться о семьях. Правда, если бы и солдаты, и офицеры грабили бы только необходимое, то еще полбѣды. Я даже скажу, что никакой бѣды не было бы, так как населеніе видя их тяжелое положеніе простило бы им такой грабег. Но раз начал грабить; остав на эту скользкую дорогу; погрѣбав ~~нужу~~ ~~дешевой~~ ~~наживы~~, рѣдко кто может остановиться eo время. ~~Большин~~ же частью дѣло идет прогрессируя. По пословицѣ: чѣмъ дальше в лѣсѣ, тѣмъ больше дров. Теперь даѣе. Распушенность офицеров происходит не от одной только матеріальной необезпеченности, а еще и от того, что они видят примѣры в лицѣ наших мыслших сановников, крадущих немилосердно. Сановники же и администраторы крадут и продают все, на что только появляется спрос. Имѣя крупныя деньги, сейчас что угодно можно дѣлать. Можно получить какіе угодно документы, разрѣшенія и т. д. Вот напримѣр: сейчас на вѣткѣ Новороссійск — Екатеринодар запрещено принимать для перевозки частныя грузы. Кажалось бы, что эта мѣра вызвана необходимостью военнаго положенія. На повѣрку же оказывается иное. Попросту, тѣ, кому это поручено, за колоссальныя деньги продают вагоны спекулянтам, а тѣ возмѣщают убытки — поднимая цѣны. В результатѣ, главное недовольство населенія. Да не только чиновники, но командиры отдѣльных частей, зачастую литеру на один, на два вагона какомунибудь спекулянту. Четвертая причина — вліяніе извнѣ. Учитывая наше положеніе и недовольство нами населенія, красныя прислали сюда своих

агентов, которые подбивают недовольных идти в зеленые и руководят их шайками. Они же, втираясь в различные наши учреждения, старательно увеличивают ту разруху, которая и без того в них царит. Есть еще много причин. Сразу всех и не сообразишь.

— Но от чего же Деняткин не принимает против этого мѣр?

— Да, Деняткин знает девяносто девяти процентов того, что творится. Он, как каменной стѣной, окружен. К нему нѣтъ доступа свободному воздуху правды.

— Так неужели же ничего нельзя сдѣлать, чтобы предотвратить катастрофу? — волнуется Наташа.

— Боюсь, что уже поздно чтонибудь предпринимать. По моему, дѣло в самом корнѣ поставлено неправильно. Так как Россія находится в небывалом, неизвѣстном в исторіи, исключительном положеніи самозубѣйства колоссальнаго народа, то и мѣры к спасенію ея должны быть исключительныя.

— Какія же мѣры ты рекомендуешь? — заинтересовался Коля.

— Какія мѣры? Я поставил бы дѣло спасенія Россіи на религіозно - національное основаніе. Во-первых, объявил бы всеобщій траур, впредь до сверженія большевиков и строго преслѣдовал бы нарушителей его. Создал бы нѣчто вроде воинствующаго монашескаго ордена с драконовским уставом и заставил бы всех, сперва только интеллигентных, членов арміи и администраціи, войти в этот орден. Во вторых — привлек бы священнослужителей

впрок отъдывать этот орден. Лучших ораторов, агитаторов, писателей кричать о нем. Ввел бы особую, одинаковую для всех дисциплину. Ввел бы особый орденскій суд — жестокий, неумолимый, но справедливый и равный для всех. Постарался бы судить так, чтобы лкти стыдились бы того, что они не принадлежат к ордену. Коротче говоря, вспомни бы Оливера Кромвеля. Отринул бы все старое, что изжило себя. Здравый смысл, Божья правда и жестокая Фемида с плотно завязанными глазами, вот что господствовало бы тогда. Ну, довольно о политикѣ. Давайте-ка укинуть, — вытаскивая из ведра бутылку водки и разливая ее по рюмкам, закончил он.

— Батюшки! Водочка! Вот спасибо, — воскликнул Коля, любозно глядя бутылку. — Милая моя бутылочка, — говорил он. — Ты не повѣришь, как я рад с тобой встрѣтиться. Вѣдь мы так давно не видались.

— Ай пьяница, ай алкаголик, — улыбаясь погрозила ему пальчиком Наташа.

Еще долго сидѣли гости у Глѣба и только во втором часу ночи отправились домой.

**

Пикетик Томбуржукова удался на славу. Цѣлая вереница извозчиков, ровно в десять часов утра, погнулась от кьартитры юменданта. Свѣтлыя платья дам и барышень мѣшались с защитнаго цвѣта костюмами мужских. Яркое солнце заливало своими лучами эту процессію. зеленыя горы, по которым вилась дорога и синее море, лежавшее там внизу и уходившее в безконечную даль. Через пол часа послѣ отъѣзда приглашенных, к дому юменданта подъезтил автомобиль и вся семья послѣднато,

вмѣстѣ с устройтеlem праздника, усѣвшись на мягкія подушки, оправились вслѣд за гостями. Шутки, смѣх, а иногда швіне сопровождали кортеж. Когда автомобиль прибыл к заранее выбранному мѣсту, гдѣ уже стряпались всевозможныя яства, Тонкоружов предложил, в ожиданіи прибытія гостей, прогуляться по густому лѣсу, манившему своей прохладой, и у опушки котораго был устроен бивак.

— Нѣтъ, Иван Иванович, — отвѣчала Анна Павловна. — Куда же нам старикам. Мы лучше здѣсь в тѣни отдохнем, а вы идите с Таней. Вы люди молодые.

— Согласны? — обратился послѣдній к барышнѣ.

— Я с удовольствием. Идемте цвѣты собирать.

— Что вы скажете о выбранном мною мѣстѣ, Татьяна Романовна?

— Очень живописное. Мнѣ оно очень нравится.

— Это мнѣ чрезвычайно пріятно. Я спрашиво рад, что смог вам угодить и доставить, хоть маленькое, удовольствие.

— Вы ошибаетесь. Это удовольствие для меня вовсе не маленькое. Я так же избалована удовольствіями. Вѣдь вы подумайте. С самаго четырнадцатаго года, когда я еще маленькой гимназисткой была, кромѣ разговоров о войнѣ, да скучных благопвормительных вечеровъ, я ничего не видѣла. Ах какъ здѣсь хорошо, — бросилась она на колну свѣжескошеннаго сѣна.

— Да. Недурно, — согласился Тонкоружов, усаживаясь рядом с ней. — Вот вы жалуетесь, что не избалованы удовольствіями, — заговорил он. — А мнѣ всѣ эти удовольствія шадобли до безобразія. Для меня самое боль-

шое удовольствие, это предоставить возможность молодежи повеселиться, а самому полюбоваться их радостью. Если бы я мог доставлять такіа развлеченія, какомунибудь молодому, чистому существу, я бы, мнѣ кажется, всю жизнь только тѣм и занимался бы, что придумывал бы их.

— Какой вы добрый! — воскликнула Татьяна Романовна. — По первому взгляду, я никак не предполагала в вас такого сердца. Однако идите к нашим. Я думаю, что гости уже близко.

День прошел прекрасно. Гудяли на льду, играли в прыжки, в жмурки и в горѣлки. Затѣм разбѣстившись на подосланных коврах, обѣдали, причем обѣд оказался безукоризненным. Закуски, вина и водка, стоявшие в то время, обшанных денег, водоевались в изобилии. Когда началось темнѣть, Тонкоруков пригласил все общество к себѣ на дачу поганцовать, чему несказанно обрадовалась молодежь. Залитая электрическими, отражавшимися в зеркальной водѣ моря, огнями, убранная цвѣтами внутри и снаружи, вилла Тонкорукова представляла собою, буквально, райскій уголок. Нанятый, на этот вечер, оркестръ встрѣтил гостей браваурным маршем, перешедшим в меланхолическій вальс. Молодежь, прямо из колясок, чуть войдя в зал, пустилась танцевать, наполняя шумом и смѣхом обширныя комнаты. Гости пожилого возраста, по приглашенію хозяйина, усѣлись за сарты, в уютной гостиной, куда им подавали прохладительныя напитки и вино. Танец слѣдовал за танцем и отличный танцор Тонкоруков, прекрасно дережировал, выбиравя своею дамою, чаще всего, Татьяну Романовну.

— Как хорошо здѣсь у вас, — говорила она, носясь

с ним по заду. — Я бы, мнѣ кажется, ни за что не уѣхала бы из такого чуднаго уголка.

— Вам нравится? Такая же, даме нѣсколько лучше-стой, видала есть у меня в одном из моих кіевских имѣній. Она расположена на берегу Днѣпра и окружена старым, заросшим парком, в котором, еще мои дѣды, понастроили массу затѣшливых бесѣдок, протов и павильонов.

— Какая это, должно быть, прелесть.

— Но знаете когда я бываю там, то нѣлые дни провожу в библиотекѣ, так как не выношу одиночества. Другое дѣло, если бы у меня был друг. Вдвоем с ним, я бы, мнѣ кажется, был бы счастлив, хоть навсегда там остаться. Одиночество убивает меня.

Звукн шалеса сошлись бравурной мазуркой и Гонкоруков с Татьяной Романовной в первой парѣ открыли танец.

— Удивительно знакома физіономія у вашего хозяина, — говорил Кудинов, раздумываяшомуся от танцев Бутанову, выходя с ним на веранду. — Так и хочется снять с него его дымчатое пенело.

— А ты знаешь, он и мнѣ казался знакомым. Особанно его голос, — отвѣчал Бутанев.

— Гдѣ же мы его встрѣчали? Хоть убей не могу припомнить. Будь он еще петербуржцем, мы могли бы там его видѣть, но он кіевлянин, значит не в Питерѣ, а гдѣ то в другом мѣстѣ, — продолжал напрягать свои память Кудинов.

— Да не все ли, в концѣ концов, равно? Важно то, что он славный парень и что у него очень весело.

Наташцевавшись досыта, гости были приглашены поужинать. Огромный стол ломился от множества блюд и вина. Подзывивший комендант поклонивая хозяйина по плечу и вообще был в отличнейшем расположении духа. После ужина, затянувшись далеко за полночь, все общество спрваилось прогуляться, перед сном по берегу моря. Волшебная картина лунной ночи подавила всех своею величественностью. Спокойное, темное море только чуть-чуть рождало и вѣчными волнами прибоа набѣгало на песчаный берег. Полная луна отражалась в водѣ и широкая огненная дорога, уходя за горизонт, сверкала и переливалась млѣсным олвей. Чуть слышный вѣтерок, нес с берега удущливый аромат цвѣтов и свѣжаго сѣна, а в прибрежных кустах, громко звенѣли цикады и мелькали свѣтлячки. Разбившись по группам, прѣмолкшіе гости, медленно двигались вдоль берега.

— Ну, что ваш Кіев? — окликнула Тонкорукова Анна Павловна. — Развѣ там у вас, что нибудь подобное можно увидѣть?

— Да, восхитительная ночь, — промолвил тот. — Впрочем и у нас в Холландіи бываюг ночи ничуть не уступающія по красотѣ этой. Пр авда там нѣтъ моря, которое так украшает здѣшнюю природу.

Пир продолжался до самаго утра. Гости стали рас-
• ходиться, лишь когда вспыхнула заря. Тонкоруков ни за что не хотѣл пускать коменданта идти шѣшком. Он приказал подать автомобиль и сам отвез всю семью до самаго дома. Нечего и говорить, что послѣ этого пикника, он стал

желанным посетом во всѣхъ домахъ, а особенно в домѣ самого коменданта.

Время шло и не проходило дня, чтобы Тонкоружков не видѣлся бы с кѣмъ нибудь из семьи коменданта. То он у них обѣдал или ужиналъ, то заѣзжал в коляскѣ или автомобилѣ и увезил их кататься, а то вся семья заходила к нему, гдѣ Татьяна Романовна пѣла под аккомпанимент рояля, а затѣм всѣ опирались гулять по берегу моря.

— Знаешь, Анята, — не раз говорил комендант, когда оставался наединѣ с женою. — Что то мнѣ кажется, что наш миллионер не равнодушен к Татьянкѣ. Вѣдь он цѣлыми днями от нея не отходит.

— Что же, давай Бог, — обыкновенно отвѣчала Анна Павловна. — Человѣкъ он степенный, отлично воспитанный, хорошей семьи, да притом и богатый. Я откровенно говоря, ничего не имѣла бы против этого.

Однажды прогуливаясь со своими новыми друзьями по берегу моря, Тонкоружков обратился к коменданту:

— А я к вам с маленькой просьбой, Роман Николаевич.

— С просьбой? — удивился тот.

— Помните, я вам рассказывал, что в бытность мою в Екатерининдарфѣ, я с двумя моими лакеями занимался спасеніем добровольцев?

— Как же, как же. Отлично помню.

— Сегодня я получил от них письмо. Просят устроить перевод им сюда, в Туапсе. Пишут, что соскучились по мнѣ, а к тому же, кто то их там обижать стал.

— А в какой они части состоятъ?

— В Государственной охранѣ.

— Ну что-ж. Это дѣло, я думаю, не трудно будет устроить. В штабѣ у меня есть один пріятель. Как раз сейчас в моей полуротѣ есть свободныя казанси.

— Большое вам спасибо, Роман Николаевич. Мнѣ бы очень хотѣлось помочь этим людям, так как я их отлично знаю и они ко мнѣ привязаны, как собаки.

— Не беспокойтесь, Иван Иванович. Такой пустяк для меня не трудно будет устроить.

— А вы знаете, — переѣхнул разговор Тонкоруков. — Я таки купил моторную лодку. Да не только моторную, а еще и трѣбую.

— Вот это прекрасно, — отозвалась Татьяна Романовна. — Значит будем кататься по морю. Правда?

— Конечно будем, если это вам доставляет удовольствіе.

— Ах, я так люблю море, что с наслажденіем буду пользоваться вашей любезностью.

— Хотите поѣдем сейчас?

— С удовольствием, если мама позволит.

— Поздновато немножко для перваго то раза, — запротестовал Роман Николаевич.

— А и то правда. — согласилась она. — Давайте лучше на завтра опозожим.

— Как прикажете. Я всегда готов к вашим услугам. Ах да, у меня к вам есть еще одна просьба. Совсѣм было забыл, — воскликнул Тонкоруков, обращаясь к комеданту. — Видите ли, у меня родилась идея устроить маленькую экскурсію, причем конечным пунктом выбрать берег

моря. Часть участников, кто не любит морских путешествий, отправится в экипажах, а другая в лодках. По привычке на место молодые люди, с помощью невесты, который я пригласил, доставят нам рыбы, а дамы и барышни, если пожелают конечно, сварят нам уху. Так вот если этот проект получит одобрение, мне необходимо будет, на короткий срок, для выбора места и дорог к нему, одну сухопутную и одну морскую карту нашего побережья. Что вы скажете, *Mes dames*, о моем проекте?

— Ваш проект восхитителен, — воскликнула Татьяна Романовна.

— И я его одобряю, — отозвалась Анна Павловна.

— Остается достать карты, — обращаясь к коменданту, улыбнулся Тонзорук.

— Что же, сухопутную карту я хоть сейчас могу вам дать, что же касается морской, то за ней придется обратиться к Орлову. Впрочем, он, конечно, мне не откажет.

На другой вечер, вернувшись от коменданта, Тонзорук прошел в свой кабинет и развернув, принесенные им карты, принялся тщательно их перечерчивать.

— Неужели и на этот раз сорвется, — думал он, глядя на расфедером по бумаге. — Нѣтъ не может сорваться. Уж слишком ослорожно я действую. Все предусмотрено. Все возможные случаи мною продуманы. Не может сорваться. А ведь как от нея близко. Хоть каждый день могу ее видеть, а она и не подозревает и не свисает со мной, что скоро-скоро южному я ее от этого бородачатого бурбона. А как хорошо, что Абросимов снабдил меня такою массою денег. Без них трудненько бы мне пришлось

Всю ночь просидѣлъ Тонкорукоевъ за перечерчиваніемъ картъ, погруженный въ мечты о будущемъ счастья.

— Ну, поздравляю васъ, — обратился комендантъ къ Тонкорукоеву, прогуливавшемуся съ Татьяной Романовою по маленькому саду, прилегавшему къ ихъ дому. — Поздравляю. Ваши лакеи уже выѣхали сюда и вѣроятно завтра явятся ко мнѣ.

— Большое вамъ спасибо, Романъ Николаевичъ. Я прямо и не знаю, какъ васъ благодарить.

— Полно! Что за пустяки. Мнѣ равно ничего не стоило устроить этотъ переводъ. Идемте-ка лучше пить чай. Жена и безъ того сердится, что самоваръ остываетъ.

На другой день Федченко и Црехоровъ входили въ кабинетъ къ Тонкорукоеву.

— Здравствуйте, здравствуйте молодцы, — обратился онъ къ нимъ, дожидаясь, когда выйдетъ пришедшій ихъ лакей. — Ну, какъ дѣла, товарищи? — уже другимъ тономъ заговорилъ онъ, когда остался съ ними съ слезу на слезу.

— Да все по старому, товарищъ. Мы ждали вашихъ распоряженій, какъ вы изволили приказать.

— Это вы очень хорошо сдѣлали. Я рассчитывалъ на васъ. Сейчас я вамъ расскажу въ чемъ дѣло, а пока давайте-ка пемвозко закусимъ.

Убѣдившись, что дверь заперта и что никто не подслушиваетъ, онъ досталъ изъ поставца кое какую закуску, бутылку водки и три рюмки.

— Садитесь же, товарищи, и наливайте себѣ. Я думаю, вамъ давненько не приходилось водочки пить.

— Да уж какая там водка, — отозвался Федченко.
— Еле сыты то были. Кабы не деньги, что вы нам оставили, так и совсем голодать бы пришлось.

— А что, развѣ плохо кормили?

— Да почти что, совсем не кормили. Нешто это можно пищей называть.

— Мука да вода, — подтвердил Прохоров, отправляя в рот огромный кусок ветчины.

— Ну и офицеры теперь пошли, товарищ.

— А что?

— Да, развѣ, можно сравнить офицеров старого времени с новыми. То бывало офицер слѣдит за солдатом. Сыт ли ты, братец? Бсю ли ты амуницию получил? Не обсчитал ли кто тебя? Коли пошлет тебя зачѣмнибудь, хоть за коробком спичек, так себѣ сейчас же привенник, а то и двупривенный. А нынче офицер о солдатѣ не думает. Сыт ли солдат. Одѣт ли солдат. Ему и горюшка мало. Вот спекульнуть, это по его части. Взять хоть бы нашего ротного, в примѣру. Сколько он деньжищ получил за одни вагоны.

— Как же вагоны? — заинтересовался Тонкоруков.

— Известно как. Вагонами торгует.

— Не понимаю. Как это вагонами торгует?

— Да теперь запрещено перевозить грузы по желѣзной дорогѣ. Только одни казенные идут. Так он выдаст какомунибудь кушечку литеру на цѣлый вагон, а тот ему тыщи отваливает.

— Это только на руку нам. Это очень хорошо. Ну, а теперь послушайте какое вам дѣло предстоит. Здѣсь по горам прячутся зеленые. Я думаю вы слышали о них.

— Как не слышать? Теперь их вездѣ много.

— Так вот. Сперва присмотритесь къ мѣстности. По-знакомьтесь съ людьми, а дня черезъ четыре отправляйтесь въ горы и разыщите этихъ зеленыхъ. Какъ разыщете, так идите прямо къ ихнему начальнику и скажите, что я прошу его зайти ко мнѣ, чтобы стовориться о важномъ и прибыльномъ дѣлѣ, которое я хочу ему предложить. Я не сомнѣваюсь, что зеленые сразу тамъ не повѣрятъ. Такъ вы предложите одного изъ васъ в заложники оставить, а другой пусть проводитъ сюда ихъ начальника. Скажите им, зеленымъ то этимъ, что если, де шолъ с нашей стороны, будетъ какаянибудь измѣна, пусть заложника повѣсятъ. Понимаете?

— Какъ не понять, товарищ? Ужъ постараемся.

— Ну-с, а теперь, вы вѣроятно оба безъ денегъ, — вынимая бумажникъ, продолжалъ онъ. — Вотъ возьмите, пока что. Тратьте не стѣсняясь. Когда всѣ выйдутъ еще дамъ. Только смотрите, чтобы ваши сослуживцы не замѣтили бы, что у васъ много денегъ. Этого быть не должно.

— Слушаюсь, товарищ, — отвѣчали солдаты, поднимаясь со стульевъ.

— Заходите ко мнѣ почаще, — тоже вставая и протягивая имъ руку продолжалъ Товкоруковъ.

Первые три дня Федченко и Прохоров присматривались, такъ къ своимъ новымъ товарищамъ, такъ и къ начальству. Вскорѣ они убѣдились, что строгость здѣсь была не въ заводѣ и что солдаты дѣлали, что хотѣли и отлучались со двора, когда задумается. Задобривъ фелдфебеля и заводчата обильнымъ возлѣянiемъ въ ближайшемъ кабацкѣ, стали я они отлучаться изъ казармъ и по цѣлымъ днямъ бродить по породу. Однажды завернувъ въ одинъ изъ трактировъ они за-

мѣтили цѣлую групу таких то оживленно бесѣдовавших людей, но лишь только они вошли, воцарилось молчаніе.

— Припворись выпившим, — шепнул Федченко своему приятелю, разваливаясь на диванчикѣ.

— Эй, хозяин, чѣм потолчешь солдатиков, — вынимая туто набитый кошелек, крикнул он.

— Что прикажете, все есть, — отвѣчал послѣдній.

— Давай сперво водочки, да побольше. Потом рыбы копченой и огурцов солененьких.

— Выпьем что ли, — чокаясь с Прохоровым, продолжал он. — А вѣдь молодцы эти зеленые, — как бы продолжая прерванный разговор не умолкал Федченко.

— Да молодцы, что и говорить, — согласился Прохоров.

— Вѣдь, такое дѣло обдѣляли. Ей Богу, кабы я с ними встрѣтился, безпремѣнно бы к ним перешел, — вскричал Федченко, ударяя кулаком по столу.

— А я то ты думаешь остался бы? — опрокидывая рюмку, отозвался Прохоров.

— Эй, хозяин, поднесика еще шкалик.

В это время один из сидѣвших в углу людей, встав со своего мѣста, подошел и сѣл за их столики.

— Хлѣб да соль, — обратился он к солдатам.

— Просим милости, — отвѣтали тѣ, наливая ему рюмку.

— Вот, вы сейчас говорили, что хотѣли бы зеленых говидать, — понижая голос до шопота, начал он.

Быстро презрѣвъ, Федченко подтвердил свое желаніе.

— Так вам товарищ недалеко ходить. Я могу вас познакомиться с зелеными. Только помните уговор: коли вы меня надуете, так одна вам дорога, либо сегодня, либо завтра, но лигыми вам не бывать.

— Зачѣм надувать, товарищ. Об этом вы не беспокойтесь. Мы не такіе люди.

— Коли так, слушайте. Я сам зеленый и, коли хотите, могу вас взять с собою. Для этого я сюда и прислаив, чтобы помочь желающим спастись от бѣлогвардейскаго произвола.

— Спасибо, товарищ. Только когда же мы двинемся?

— Да хоть сейчас. Вон уж сколько народу меня дожидается. Это все новые, — указав на компанію, с которой он сидѣл до сих пор, улыбнулся незнакомец.

— Коли так, идемте сейчас, — отвѣчал Федченко, поднимаясь из за стола.

Часам к двум ночи, группа новопринятых зеленых подошла к небольшой грунть палашей, расположенных в густом лѣсу, чуть ли не на вершине самой высокой горы. Пока они поднимались, какіе то люди их нѣсколько раз останавливали, но пошепталысь с проводником, безпреступственно пропускали.

— Кто идет? — громко окликнул их чей то голос из за кустов.

— Пахомычу водку принес, — отвѣчал проводник, продолжая двигаться к палашам.

— Ну, товарищи, — обратился он к приведенной им компаніи. — Дожитесь пока прямо под небушкой, а

завтра явитесь начальнику, тогда уж и шалаши себѣ по-
настройте. Лѣсу то много.

— Вот что, товарищ, — обратился к нему Федченко.
— Мнѣ нужно сейчас же переговорить с начальником.

— Это еще зачѣм? Сказано завтра, значит и ложись,
потому у нас насчет приказаніе строго.

— Дѣло важное до него есть. Не стану же я зря
человѣка беспокоить.

— Да какое дѣло те?

— Не могу объявить. Только самому начальнику ве-
дѣно передать.

— Так вы, что же, присланы что ли сюда.

— Известно присланы.

— Ну, ладно. Обоздните адѣсь. Сейчас доложу.

Мигнут через пять Федченко и Прохоров были введе-
ны в один из самых больших шалашей, гдѣ при свѣтѣ
зажженной лампы они увидѣли и ежащего на соломѣ моло-
дого, лѣтъ двадцати восьми — тридцати, человѣка с взлох-
маченой головой. Незнакомец внимательно оглядѣл их с
головы до ног.

— Общиге-га этих молодцов, — обратился он к
проводнику. — Нѣтъ ли при них оружія. А то кто их знает,
что они за люди и зачѣм к нам пожаловали.

— Теперь садитесь на чем стоите, да рассказывайте,
что вам надобно, — обратился он к ним, когда обыск был
заключен.

— Слышали ли вы, товарищ, об Иван Ивановичѣ
Тонкоруковѣ? — начал Федченко.

— Это тот буржуй, что недавно в Туаше прѣхал?

— Он самый.

— Так в чем же дѣло?

— Вот от него то мы и присланы.

— От него? Ко мнѣ? — удивился атаман шайки и даже привскочил на своей постелѣ.

— От него самого.

— Что же ему от меня нужно?

— Он хочет с вами свидаться и переговорить об очень важном дѣлѣ.

— О каком таком важном дѣлѣ можем мы с ним разговаривать? — возмущился атаман.

— Да вѣдь он вовсе не бурсуи, а только прикинулся им, чтобы легче было бы послужить народному дѣлу. Да и фамилія те у него вовсе не Тоншорукъ, а совсѣм другая.

— А ты, братец, не врешь?

— А чего мнѣ врать. Я вѣдь понимаю, что вы так на слово не повѣрите, а сперва провѣрить захотите, правду ли я вам говорю. Коли я вас обману, то петли мнѣ не миновать.

— Что вѣрно, то вѣрно, — улыбнулся атаман. — А какое же у него ко мнѣ дѣло?

— В точности те я не могу вам об'являть. Одно только знаю, что он хочет представить весь город Туапсе в наши руки.

— Ну, уж это ты, голубчик, врешь, — недоброжелательно поглядывая на собеседника, ствѣчал атаман. — Вѣдь з Туапсе река солдат находится, да кромѣ того два миноносца у пристали стоят.

— Эх, товарищ, кабы не было солдат и миноносцев, вѣдь вы бы и без Тонкорукова город то захватили бы.

— И то вѣрно, — усмѣхнулся атаман.

— Коли вы, товарищ, слышали о Тонкоруковѣ, то вѣрное знаете, что он в большом прѣятельствѣ с командантом.

— Это мнѣ извѣстно.

— Коли извѣстно, так смекайте. Когда миноносцы уйдут в море, с чем Тонкоруков всегда первый знает, он может устроить бачи и хорошенько подпоить начальников, а за солдат уж мы, вот с товарищем, отвѣчаем, — кивнув в сторону Прохорова, развивал свою мысль Федченко.

— Ладно, — убѣжденный его доводами, нѣсколько сложивше, отвѣчал атаман. — А как же мнѣ с вашим Тонкоруковым встрѣтиться?

— Об этом вопросѣ отдѣльно посплкуем, — отвѣчал Федченко. — Чтобы вам не было сомнѣній, вот мой товарищ. — опять кивнул он в сторону Прохорова, — пусть останется здѣсь и, в случаѣ моего предательства, пусть ваши ребята его повѣсят, а мы сейчас пойдѣм в город и прямо к Тонкорукову.

— Да ты что, бѣлены обѣлся? — вскричал, видимо взволнованный, атаман. — Ты хочешь, чтобы я сам петлю на себя надѣл? Сам в руки бѣлогвардейцев предался бы?

— Да вы послушайте, товарищ, — все также спокойно возразил Федченко. — Ну согласился-ли бы он на вѣрную смерть идти? — указывая на Прохорова, продолжал он. — Вѣдь, коль я вас заведу к бѣлошардейцам, так его-то повѣсят. Вѣдь, вѣрно?

— Пожалуй, ты прав, — задумчиво произнес аламан. — А зачѣм непременно сейчас-же идти надо?

— Да зачѣм, чтобы нас не хватились.

— Ладно, идем, — вдруг вставая с постели, рѣшительным тоном, как бы махнув рукой на свои опасенія, рѣшился аламан. — Эй, Водопьянов! — крикнул он.

— Вам чего? — появяясь у входа, произнесла чья-то темная фигура.

— Позови-ка шо мнѣ товарища Блазковца, да поскорѣе.

Не успѣл он закончить своего туалета, как в палатку вошел высокий, боренастый мужчина с наглым и отталкивающим лицом.

— Блазков! — обратился к нему аламан. — Сейчас я вот с ним, — указал он на Федченко, — отправляюсь в Туаше. Пусть за вами незамѣтно слѣдуют чело-вѣка трѣ, да чтобы они с револьверами были. В случаѣ предательства, если будет возможно, пусть мнѣ помогут, а если сдѣлать ничего нельзя будет, пусть моментально донесут тебѣ о случившемся. Только смотри, выбери людей посмѣлпленѣй. Этого-же молодца связать, — указывая на Прохорова, продолжал он. — Пусть себѣ лежит в моем палаткѣ. Худа ему не дѣлать, только повнимательнѣе сторожить, чтобы не убѣжал. Если со мною случится несча-

стве, меня предадут, то первое, что ты сделаешь — это похитить его, а уж послѣ начнешь размышлять, как меня освободить. Понимаешь?

— Ладно, товарищ. Все исполню.

Солнце уже взошло, когда, в сопровождении атамана, Федченко входил в калитку сада Тонкоружковской виллы.

— А это ты, Федченко, — пробормотал, просыпаясь, Тонкоружков.

— Я, товарищ. Вот товарища начальничка зеленых привел, как вы изволили приказать.

— Что-же ты сразу не сказал! — вскакивая с кровати, воскликнул тот. — Уж вы, товарищ, извините, — улыбнулся он атаману. — Я сию минутку буду к вашим услугам, а пока, пожалуйста, садитесь.

— Федченко, достань там из погреба закусить чегонибудь, да водочку рытаци.

Пока хозяин одѣвался, гости с жадностью уничтожали закуски и осушали бутылку.

— Вот я и попов, — входя в комнату и протягивая руку атаману, весело воскликнул Тонкоружков. — Ну-с, давайте поговорим о дѣлѣ.

— А мнѣ бы в рсту пора, — заявил Федченко. — Как-бы не хватилась.

— Хорошо, иди. Только как-же с Прохоровым? Вѣдь съ, вѣроятно, еще и сейчас в заложниках.

— Ничего, товарищ. Коли хватятся, скажу, что вы позвали. Вѣдь наш-то командир знает, что вы с комендантом в пріятельствѣ.

— Ну, действуй, действуй, — отвечал Тонкоружков, доставляя из стола какія-то бумаги.

— Так вот, товарищ, — обратился он к Юсто. — Если вы начальник мѣстных зеленых, то я не сомнѣваюсь, что вы присланы сюда красным командованіем, также, как и я.

При таком началѣ глаза атамана широко раскрылись от удивленія.

При таком началѣ, глаз атамана широко раскрылся, что вы свои какія-то цѣли преслѣдуете. Просто нашей помощью воспользоваться хотите.

— Э, нѣтъ! Не угадали, товарищ, — засмѣялся Тонкоружков. — Я здѣсь именно для того, чтобы руководить дѣйствіями всѣх отрядов зеленых. Да вот прочтите-ка эту бумажку.

— Вѣрно, — произнес атаман, окончив чтеніе. — Подписи товарищей Сорокина и Абрисимова мнѣ хорошо извѣстны. Совершенно вѣрно.

— Если для вас эта бумажка недостаточно убѣдительна, то вот посмотрите эту пачку документов. Здѣсь различныя удостовѣренія и предписанія, выданные мнѣ в разное время и разными лицами команднаго состава. Ну, что, убѣдились-ли вы теперь, что я вам говорю правду?

— Выполни, исполни, — отвечал атаман.

— В таком случаѣ, приступим к дѣлу. Во-первых, я рѣшил об'единить всѣ отряды зеленых, дѣйствующих на побережья, для того, чтобы их дѣйствія были успѣшнѣе и продуктивнѣе. Вас я попрошу об'язать начальников всѣх отрядов и показать им, как эти бумаги, так и мой

приказ о вступлении в командование ими. Сколько отрядов дѣйствует здѣсь сейчасъ?

— Три отряда, в том числѣ и мой.

— А какова их численность?

— У меня в отрядѣ всего восемьдесят человекъ. Во втором отрядѣ, оперирующемъ вот здѣсь, — указал он мѣсто на картѣ, — сто двадцать человекъ и в третьем, дѣйствующемъ между нами, сто пятьдесят человекъ.

— Прекрасно, значитъ всего триста пятьдесят человекъ. А какъ обстоит дѣло с вооруженіемъ?

— Вилитоки-то у всѣхъ есть, а вот пулеметъ только одинъ на всѣ три отряда.

— Прекрасно. Такъ вот, когда мы наладимъ связь, я предполагаю захватить дня на три, на четыре Туаксе. Здѣсь мы и оружія достанемъ и денегъ, и припасовъ.

— А вы не находите это предпріятіе слишкомъ рискованнымъ? Вѣдь здѣсь в распоряженіи коменданта цѣлая полурота, человекъ в сто пятьдесятъ. Всѣ они прекрасно вооружены и обучены. Цѣлая пулеметная команда входитъ в состав полуроты, а кромѣ того, почти все время здѣсь дежурятъ два миноносца.

— Все это пустяки, товарищъ, — перебилъ его Толкорубовъ. — Миноносцы уйдутъ вот сюда, — показал он мѣсто на картѣ. — И уйдутъ тогда, когда намъ это будетъ надо, такъ какъ одинъ изъ вашихъ отрядовъ сдѣлаетъ нападеніе вот на это прибрежное село, для освобожденія котораго немедленно выйдутъ миноносцы. Что касается мѣстной полуроты, то я, в назначенный день, устрою правительство, на которомъ будетъ все военное начальство. Называется,

трезвыми они не останутся. Солдатами-же займется два моих агента, те самые, которые ходили за вами. Денег у них хватит, чтобы напоит всех. Когда все будет готово и всё, кому надлежит быть пьяными, выпьются, я подралю вон тот стог сена, который специально для этой пьели и приготовлен мною. Отряд в сто пятьдесят человек я пошлю забирать сено, а вы и тот, что в сто двадцать человек, соберу здесь, в ближайших горах, чтобы по моему сигналу оба отряда могли-бы быстро спуститься в город.

— План не дурен, — одобрил атаман.

— Вот видите, — оживился Тонкоруков. — Относительно добычи, которую я надеюсь здесь получить, так она даст нам возможность увеличить раз в десять наши отряды. Всё запасы оружия и патронов перейдут к нам. Весь продовольственный склад и казначейство тоже. А сколько захватим мы от местных буржуа и купцов! Ах, да! — вдруг спохватился Тонкоруков. — Ведь я до сих пор не знаю ни вашего имени, ни имен двух остальных начальников отрядов.

— Федор Петрович Кулебяка, — отрекомендовался атаман. — Во время войны был прапорщиком, а до того служил в почтово-телеграфном ведомстве. Командир второго отряда в сто двадцать человек — Иван Петрович Грошев, какжется, тоже был прапорщиком. Третьим-же отрядом в сто пятьдесят человек командует бывший фельдшер — Николай Николаевич Мехси.

— Отлично, — записывая имена, отозвался Тонкоруков. — Теперь остается последяще дело, о котором сиб-

дует условиться. Это о связи. Я вас попрошу ежедневно присылать ко мне кого-нибудь из ваших людей с сообщениями от вас и за распоряжениями, могущими быть у меня. Было-бы желательно, чтобы ко мне являлся всегда один и тот-же человек, чтобы я мог его узнавать. Пусть каждый день приносит мне ~~будет~~ полевых писем, за что я каждый раз буду ему платить. Лучше всего, если он будет являться по утрам, ~~в девять часов~~ в девять с половиной.

— Будет исполнено, товарищ!

— Кажется, я все сказал. Нет-ли у вас каких-нибудь вопросов? Лучше спрашивайте прямо, чтобы между нами не возникало бы каких-нибудь недоразумений.

— Нет, товарищ. Дело вполне ясное.

— Тогда начинайте действовать.

ГЛАВА III.

Теперь мы должны попросить читателя вернуться несколько назад к забытому нами на маленькой желва-подорожной станции юнкеру Корсакову.

Только что расставшись с Натальей, он растянулся на своей скамейке и, закрыв глаза, собирался заснуть, как услышал прубый окрик какого-то, внезапно появившегося в дверях, солдата.

— Эй, товарищ, полно дрыхнуть-то! Подавай документы!

Корсаков поднялся и, порыскав в карманах, протянул свои документы.

— Товарищ комиссар! — крикнул солдат, собираясь в коридор. — Здесь вот еще какой-то человек.

— Сейчас! — раздался издали чей-то голос.

Через минуту вошел какой-то господин в статском с огромным красным бантом на груди. Просмотрев документы, он воззрился на юношу.

— А довольно таки неудачно вы выбрали профессию, — вдруг улыбнулся он.

Корсаков молчал.

— Так вы утверждаете, что вы часовой мастер? Не так-ли?

— Совершенно верно, — отвечал юноша.

— Бросьте дурака-то валять! — воскликнул незнакомец. — Ну, какой вы часовой мастер, коли вам самое большее восемнадцать лет?

— А ведь верно, — подумал Корсаков. — Как я раньше-то не сообразил этого?

— Ну-с, господин часовой мастер из Царицына, говорите правду, кто вы такой. — Рысьи глаза незнакомца так и впелись в несчастного юношу, ловя малейшее изменение в выражении его лица.

Корсаков равнодушно пожал плечами.

— Попрудитесь прочесть мои бумаги. Там написано, кто я такой.

— Упорствуете, юноша! — захихикал незнакомец. — Что-ж, это мне вприворот. Я очень люблю доискиваться правды. Ну, что за удовольствие, когда человек возьмет да и сознается сразу! Нет, я люблю потрудиться над разгадкой, как над сложной формулой.

— Что, в расход его, что-ли? — зѣвая во всю широкую и нетопленную комнату. Он был не первым. Здѣсь уже

— Нѣтъ. Зачѣм-же в расход? Это мы еще успѣем, а вот лучше обыщите-ка его чемоданчик.

Солдат принялся развязывать чемодан, а незнакомец, дѣлая вид, что наблюдает за этой работой, украдкой посматривал на юношу.

— Бѣлье, так, — произнес он, по мѣрѣ того, как различныя вещи появлялись из чемодана. — Сапоги, перчатки, больше ничего нѣтъ?

— Все выворотил, товарищ.

— Прекрасно. Теперь, посподвинь часовой мастер, потрудитесь все это уложить на мѣсто, взять ваш багаж и слѣдовать за мной.

— Так, значит, не сейчас в расход? — флегматичным тоном спросил солдат.

— Зачѣм-же в расход, коли мы завтра отвезем его в Царицын, на мѣсто жительства? Он вас и в свою мастерскую проведет. Не так-ли, юноша?

Коряков уязвлял свой чемодан и не отвѣчал ни слова.

Выйдя из вагона, всѣ трое прошли через станцію и остановились около небольшой хаты.

— Вот в этой гостинницѣ вы и переночуете, а завтра мы вмѣстѣ поѣдем к вам в Царицын. Мяк как раз туда надо ѣхать, так что буду вашим попутчиком.

Войдя в халу, Корсаков очутился в небольшой приятной и теплой комнате. Он был не первым. Здесь уже находилось несколько, расположившихся прямо на полу, плетников. Корсаков слышал как за ним заперли дверь и как арестовавший его незнакомец ко-то-то уговаривал получше стеречь арестованных.

— Влопался, — подумал он, усаживаясь на чемоданы в углу комнаты. — Что я буду делать, если меня и в самом деле привезут в Царицын? Ведь я никогда даже проездом не бывал в этом городе. Надо бѣжать. Бѣжать во что бы то ни стало. Но как?

Всю ночь он не смыкал глаз, строя всевозможные планы и сейчас же бросая их.

Начался рассвѣт. Проснулись лежавшие на полу люди и первое мышление с недоумѣнием оглядывались по сторонам, пока не вспоминали о своем арестѣ. Корсаков с любопытством оглядывал своих компаньонов. Трое из них были, повидимому, офицеры. По крайней мѣрѣ так он рѣшил. Двое еще совсем дѣти, вѣроятно, юнкера или кадеты. Проснувшійся же раньше всѣх, но не поднимавшійся со своего ложа, пожилой, с длинной каштановой бородой человек, получил от Корсакова чин полковника, а то и генерала.

С первыми лучами солнца, дверь в их комнату открылась и в нее вошел вчерашній незнакомец.

— Ну, товарищи мастеровые, — обратился он к арестованным. — Пожалуйте в вагон. Поезд уже подоит. Только вас и догоняемся.

В теплушкѣ, в которую зашли арестованных, помѣстилось человекъ десять вооруженных солдат. Поезд про-

нулся. В томительном ожиданіи прошел цѣлый день и фоль-ко ночью поѣзд подошел к какой-то большой станціи, впоследствии оказавшейся Царицыным. Конвойные митно спали, растянувшись на полу, и только один, раскуривая папиросу за папиросой, сидѣл у дверей, обняв свою винтовку.

— Вырвать винтовку, приколоть его и бѣжать, — мелькнула мысль в головѣ у Корсакова. — Нѣтъ, не годится. Одно-то я убью, но вѣдь он закричит, поднимет тревогу, разбудит остальных, так что я и дверей открыть не успѣю. Да и куда я дѣнусь в незнакомом городѣ, если даже и удастся бѣжать? Все равно поймают.

Долго сидѣл он, подперев голову руками и предавался отчаянію, но незамѣтно утомленіе взяло вверх над возбужденными нервами и он заснул вѣрным сном.

— Повдненько, поздненько изволит просыпаться рабочій народ, — вдруг раздался голос все того-же незнакомца. — Вставайте, вставайте, товарищи! Пора на работу, — продолжал он, хихикая и гримасничая. — Ну-с, товарищ часовой мастер, — вдруг обратился он к Корсакову вслѣд за другими, выпедившему из вагона. — Сейчас, если хотите, мы возьмем двух извозчиков. На одном сядем мы с вами, а на другом, для безопасности, поѣдут товарищи солдаты и всей компаніей двинемся в валу мастерскую. Только сообщите, пожалуйста, адрес, чтобы извозчиков подрядить.

— Окончательно поѣѣ, — подумал несчастный юноша, опуская голову.

— Что-же! Или домой слишком рано? Хотите пока в гостинницѣ остановиться? Ну что-же, я и на это со-

гласен. В постылищу, так в гостинищу. Только имѣйте виду, что у мѣря тут такая гостинища, на которой выѣски нѣтъ и она служит не для прѣзжающих, а для прѣзжающих и свѣго из нея не уѣзжающих, — захихикал он.

Осужденные конвойными, несчастные плѣнники прошли чуть-ли не к самому центру города и были введены на широкій двор, обнесенный со всѣх сторон высокой каменной стѣной. Двор сообщался с улицей через единственные ворота, сдѣланные из желѣзной рѣшетки и охранявшіяся дѣлым караулом. В глубинѣ двора стоял каменный сарай с двумя, тоже желѣзными, дверьми.

— Вот и гостинища, — пошутил незнакомец, вынимая из кармана ключ и открывая одну из дверей. — Пожалуйте сюда. Пожалуйте! Будьте, как дома.

Плѣнники очутились в темном потребѣ без окон. Сырой воздух был пропитан удручающим запахом гниющего мяса. Двери затворились. Шелкнул ключ и арестанты погрузились в полную темноту. Сверху толстая стѣна сарая почти не проникали звуки кипѣвшей там, на свободѣ, на улицах жизни. Лишь изрѣдка доносились свистки паровозов или пыхтѣніе проносившагося мимо автомобиля. Другіе звуки сюда не достигали. Не рискуя съѣсть на сырой, скользкій пол, арестанты размѣстились вдоль стѣн своей тюрьмы, шепотом переговариваясь и строя всевозможныя предположенія об ожидавшей их участи. В таком положеніи прошло часа три, как вдруг снова шелкнул замок. Дверь со скрипом открылась и тот-же незнакомец появился на порогѣ.

— Прошу всех выйти, — троекс крикнул он.

Один за другим узники вышли наружу, жмурясь от нестерпимо-яркого, как им казалось, солнечного свѣта.

— Сюда, сюда пожалуйте, — любезно распархляясь, указал незнакомец на раскрытую вторую дверь сарая.

При входѣ в помѣщеніе, ноги Корсакова чуть не подскокились. При свѣтѣ двух больших ламп, он увидѣлъ спускавшуюся с потолка веревку, проходившую через блок и намотанную одним концом на вращающійся барабан. Жаровню, стоящую неподалеку. Какой-то деревянный станок и цѣлый набор неизвѣстных ему инструментов.

— Застѣнок, — сообразил он, и сердце его заболело, как только что пойманная птичка.

Вслѣд за обреченными в застѣнок вошел незнакомец, соприобщаемый солдатом с винтовкой.

— Ну-с, начнем представлеіе, — весело обратился он к сполпившимся в углу осужденным. — Кто-же первый? Начнем хоть по старшинству. Выходите-ка сюда вы, ваше превосходительство, — обратился он к пожилому господину. — Выходите-же, выходите, да раздѣвайтесь донага. Простудиться не бойтесь, здѣсь не холодно.

Это была правда, так как раскаленная до красна бѣлка и желѣзная жаровня согрѣли помѣщеніе до того, что дышать было трудно. Даже солдат, развѣсив на крючкѣ шапку и въбитых в стѣну гвоздях, снял шинель и разстегнул ворот рубахи.

Поняв, что обращаются к нему, несчастный вздрогнул, обвел блуждающим взором остальных осужденных и сдѣлал было движеніе, чтобы выйти вперед, но вдруг ос-

тановился. Выраскение покорности и усталости сбѣжало с его лица. Глаза сверкнули энергіей. Он весь перемѣнился. Как будто бы гнѣвое и помолодѣл. Сложив руки на груди, он остался неподвижно стоять на своем мѣстѣ.

— Что-же вы медлите, ваше превосходительство? — захихикал незнакомец.

— Мерзавец! — вдруг произнес ошумевший. — Дѣлай свое гнусное дѣло, не помогать я тебѣ не стану.

— Спротливість? Вот это я люблю! Это мнѣ нравится! Впрочем, не беспокойтесь, ваше превосходительство. Если не хотите сами раздѣться, то я позову лакеев, — и, приотворив дверь, он позвал на помощь двух солдат, которые с бранью принялись раздѣвать осужденнаго. Через минуту, совершенно голый, он был подведен под опускающуюся веревку, которой ему за спиной связали руки.

— Ну-с, теперь начнем операцию, — захихикал незнакомец, вращая деревянный барабан, на котором была намотана веревка.

Но да она натянулась, руки несчастной жертвы стали подниматься и он, наклонившись вперед, остался на носках. Веревка натянулась еще, раздался трескъ выворачиваемых из суставов костей и спрадалец, не издавая ни звука, пошел в воздухъ. Ни одного стога не вырвалось из его скаптых губ, хотя перекошенное пестрятою мукой лицо свидѣтельствовало о сверх-естественном напряженіи воли.

— Что-же ты не кричишь с..... сын? — вдруг набросился палач на свою жертву, и, обняв его погг, повис

на них. — Не кричишь? Не кричишь? — задыхаясь, рыкрикивал тот, держа и раскачивая несчастного.

Палач был страшен. Глаза его налились кровью, на губах полыхнула пена и судорога ежесекундно кривила его лицо.

— Я же заставляю тебя кричать! — завизгнул он, и, подбѣжав к приготовленным инструментам, схватил какие-то щипцы и нагнулся к ногам повѣшеннаго.

Легкая судорога пробѣжала по тѣлу несчастнаго, когда палач поднялся с колѣн, держа в щипцах окровавленный потопъ.

— Все такъ же кричишь? Подожди-же! — борготал он, вырывая один за другим всѣ ногти на ногах своей жертвы, но тот продолжал молчать. Схватив длинную деревянную палку с гвоздем на концѣ, он приставил ее к глазу несчастнаго и воткнул гвоздь до самаго дерева.

По лицу истязуемаго заструилась кровь, но он попрежнему не издал ни единого звука. Палач в бѣшенствѣ посылал между ящиком с инструментами и повѣшенным. Вскорѣ все тѣло несчастнаго было покрыто ранами и ожогами.

— Вѣдь, не кричит ничего! — как-бы ища сочувствія, обратился он к группѣ застывших в ужасѣ приговоренных.

Долго еще длились мученія. Наконец, страдалец застонал, глубоко вздохнул и затих. Голова его свѣсилась на трудь и он перестал дышать. Опустив труш на землю, палач в изнеможеніи бросился на кушетку. Долго он от-

дышал, вздыхая, отдуваясь и охая, а когда поднимая, то был блѣден, как мертвец и шатался, как пьяный.

— Остальные завтра, — невнятно пробормотал он, выходя из сарая.

Пришедшие солдаты ствели арестантов в старое помещение и убрали труп мученика.

Всю ночь несчастные осужденные не смыкали глаз, с замираем сердца ожидая прихода своего мучителя.

На слѣдующій день таким-же образом, как и пожилой офицер, был замучен один из тѣх трех, которых Кюрасков считал офицерами.

Изыскивая всевозможные способы к побѣгу, Кюрасков замѣтил, что когда начинаются пытки, часовой от ворот входит в застѣнок и ворота остаются свободными.

— Только бы из застѣнка выскочить, — думал он.

Однажды, когда был на очереди послѣдній из офицеров, в пріотверстную, по причинѣ невозможной жары, дверь застѣнка раздались звуки военной музыки. Уже собиравшійся начинать свою ужасную работу, палач прислушался, а затѣм, падѣв пальто, вышел во двор.

— Боже, мой! — думал между тѣм Кюрасков. — Бѣдь завтра моя очередь.

Вдруг его вниманіе было привлечено сторожившим их солдатом, который высунул сперва одну только голову, а затѣм, как был без фуражки и шинели, приперев дверь, вышел на двор. Сердце Кюраскова забилося так, что он стал задыхаться. Ноги задрожали, но тѣм же менте, стуча зубами, он бросился к двери и, слегка пристѣворив ее, выскочил во двор. Часовой, палач и человекъ

двадцать каких-то солдат столпились в воротах, наблюдая что-то происходившее на улице, с которой доносилась музыка и пѣнье. В мгновеніе ока он надѣл шинель, остальную часовым, фуражку, папироташки и выскочил за дѣрзь. Осторожно подойдя к незагнѣвающим его солдатам, он начал пробираться к выходу, слегка расталкивая их. Выглянув на улицу, Корсаков увидѣл, что вся она была запружена двигающимися нестройными толпами солдат. Пѣнье каких-то революціонных пѣсен, гром музыки и развѣвающіяся в воздухѣ знамена так поглотили вниманіе стоящей в воротах группы людей, что они, не оборачиваясь, сторонились и пропускали еѵ.

— А не одобровать бѣлогардейцамъ, — доносились до него отдѣльныя фразы. — Ишь ты, почитай вся N-ская дивизія идет. Поворот, еще два полка с Москвы прибыло. Один имени Карла Маркса, а другой Розы Люксембургъ.

Лишь только Корсаков подошел к воротам и наступилъ, так сказать, критическій момент, он стал совершенно спокоееб. К нему вернулась вся бодрость и рѣшительность. Выбравшись на улицу, он нѣсколько, показавшихся ему вѣчною, мгновений простоял у ворот дѣлая вид, что наблюдает процессію. Наконец, увидѣвъ минутку, когда в другом концѣ неожиданно грянул оркестръ и всѣ невольно обернулись туда, он смѣшался с двигающейся толпой.

Пройдя шагов двадцать, окруженный такими-же сърыми шинелями, в какой был и сам, Корсаков обернулся на ворота, из которых только что вышел. То, что он увидѣл, заставило еѵ сердце болѣзненно сжаться. Вся толпа, находившаяся в воротах, окружив трех отбившихся вѣданных компаньонов, старалась их схватить.

— Несчастные! — мелькнуло в его головѣ, но тотчас острая радость собственнаго спасенія вытѣснила жадность из его сердца и он, больше не оборачиваясь, зашагал по улицѣ.

Не сдерживаемые дисциплиной, солдаты отправлявшейся за фронт дивизіи не соблюдали никакого порядка. Многие заходили в попадавшіеся по дорогѣ трактиры и, прислонив винтовки къ стѣнѣ, принимались закусывать, отставая, таким образом, от своих частей. От вниманія Корсакова не ускользнуло это обстоятельство и, замѣтив трактир, в котором столпилось уж очень много солдат, он вошел в него. Пробравшись къ стойкѣ, у которой он замѣтил пѣсколько прислоненных винтовок, он остановился. Постояв немного, как-бы ожидая очереди подойти къ стойкѣ, улупил минуту и, схватив одну из них, поспѣшил къ выходу. Если раньше и могли обратить вниманіе на молодого солдата, шедшаго без оружія, то теперь он ни чѣм не отличался от массы таких же, как и он, солдат.

— Товарищ, у юсти палирской, — вдруг обратился къ нему сосѣд, тоже молодой, еще безусый солдат.

— Нѣтъ, товарищ, всё рыцли, — стѣбчал Корсаков.

— А ты, товарищ, как сюда попал? — продолжал солдат. — Ты вѣдь не нашей дивизіи.

— Да я с Москвы. Карла Маркса полка.

— Здорово-же ты, братец, стетал. Московцы уж давно, я думаю, в вагоны посадились. Полк Карла Маркса в самую первую очередь ірузиться должен.

— Да кто-ж его зналъ, что они так скоро пройдут? Я было на одну минутку забѣжал в трактир, а как вышел, смотрю уже и вы идете.

— Хороша минутка! Ты, брат, не меньше часа в трактирѣ просидѣл. Ну, да бѣда не велика. Побѣдешь с нами.

Так как было довольно холодно, Корсаков перекинул винтовку за плечо и сунул заковенѣвшія руки в карманы шинели. Вдруг левая рука его ощутила какой-то предмет, лежавшій на днѣ кармана. Ощупав его, Корсаков убѣдился, что то был кошелекъ и довольно туго набитый. Не желая обращать на себя вниманія окружающих, он отперыл его, не вынимая из кармана, и, засунув палец внутрь, ощутил цѣлую пачку бумажек.

— Неужели деньги? — подумал юноша, осторожно вытаскивая одну из них.

Взглянув на нее, он убѣдился, что то был двадцатипятирублевый билет.

— Живем! радостно подумал он, снова пряча его. — Товарищ, а товарищ! — обратился Корсаков к тому солдату, который просил у него папиросу.

— Что тебѣ? — стозвался тот.

— Смерть курить хочется. Зайдем что-ли в лавочку?

— Да я бы зашел, кабы деньги были, — ствернулся солдат.

— Деньги-то у меня есть, — показывая двадцатипятирублевку, замѣтил Корсаков.

— Тогда другое дѣло, — сживился солдат, беря Корсакова под руку. — Зайдем, товарищ, в трактир “Революція”. Он сейчас тут за углом будет.

— А ты почему знаешь? — удивился Корсаков.

— Да мы вѣдь здѣсь, в Царицынѣ, считай пѣтый мѣсяц сидим. Все стпранки ждем. Так за это время я всѣ трактиры изучил. Потому то я сейчас и без денег.

— В “Революцію”, так в “Революцію”, — согласился Корсаковъ.

— Там, знаешь, товарищ, по стаканчику самогонши можно будет выпить. Меня там знают. Дадут.

— А нельзя ли там купить немножко побольше. Я бы хотѣл на дорожку бутылочку-другую захватить. Вѣдь в багонѣ-то скучно будет, — продолжал он, осторожно разглядывая вторую бумажку, вытащенную из кошелька. Та оказалась сторублевой

— Конечно, можно, — обрадовался солдат. — Коли хочешь, так рядом с трактиром есть колбасное заведение. Там и закуски можно купить.

Когда новые друзья вернулись в ряды двитавшейся дивизіи, карманы их шипелей сильно отдувались, а к штывкам винтовок были привязаны завернутые в газетную бумагу пакеты с разными закусками. Выпитый стакан самогонча подѣйствовал довольно сильно на голодного, измученного, да к тому же не пьющего Корсакова, так что ему стоило большого труда скрыть свое состояніе от окружающих. Приятная теплота разлилась по всему тѣлу, а на душѣ спазс весело и беззаботно.

— Какнибудь выкручусь и из этой передѣлки.

Выпившій не один, а три стакана, новый его пріятель был тоже нахеселъ.

— Переходил-бы ты в нашу роту, — обнявъ Корсакова, говорил он, когда они подошли к въезду.

— Да я бы рад, — отвѣчал Корсаков. — Только как же это устроить? Мы с тобой куда веселѣе бы было, чѣм в нашем болку.

— Это устроить совсѣм не хитро. Если хочешь, я берусь за это дѣло, — отвѣчал солдат. — Вот как придем на вокзал, я всуну одну бутылочку взводному, одну фельдфебелю и дѣлос в шляпѣ. Оно, конечно, нам меньше останется. Ну да не бѣда. Хватит.

— А что на вокзалѣ можно достать самоловки? — спросил Корсаков.

— Конечно, можно.

— Тогда же замѣй двух бутылок. Кушим еще.

Юрьков, как знали молодого солдата, оставив Корсакова перед вагоном, отправился к начальству. Через нѣсколько минут он уже возвратился и с самодовольством объявил, что дѣло устроено. Дѣйствительно, когда взводный стал перекликать людей, расположившихся в его вагонѣ, он выкликнул и фамилію Корсакова. Мало по малу хмель вывѣпрился из головы юноши и им начало овладѣвать безпокойство.

— А ну, как тот зѣбрь догадается, куда я укрылся, и придет искать меня по вагонам, — думал он, по минутно выглядывая из дверей.

К счастью, шобад не долго оставался на станціи и вскоре тронулся, постепенно ускоряя свой ход.

— Слава Богу, — думал бѣдный юноша. — Теперь-то уж спасен.

Еще пока поѣзд стоял на станціи, Юрков нѣсколько раз куда-то бѣгал и каждый раз приносил полныя бутылки и свертки с закуской.

— Не бѣда, — думал Корсаков, ошупывая замѣтно уменьшившійся в объемѣ кошелек. — Надо угостить моих новых сослуживцев. Потом мнѣ-же легче будет.

Продуктами, привезенными Юрковым, был завален почти весь угоз теплушки. Но как ни тѣсно было в ней, солдаты, предчувствуя угощеніе, не претендовали на занятое мѣсто. Дѣйствительно, только что поѣзд тронулся, Юрков, от имени Корсакова, всѣх их пригласил к общей трапезѣ.

— А я вѣдь я спирту достал двѣ бутылочки, — лиро подмигивая, шепнул своему другу Юрков.

Не прошло и часу, как из зашторной взводою Корсакова теплушки послышались пѣсни и звуки гармоньки. Корсаков был переем дня и с ним пріятельски бесѣдовал даже сам взводный. Юноша достиг своей цѣли и за один день стал своим человеком во взводѣ. Когда же, на другой день утром, он подвес взводному и отдѣленным начальникам по стакашчику разведеннаго спирта, припрятаннаго им с вечера, то уж совѣм завоевал их симпатіи.

Дойдя до станціи Лихая, поѣзд остановился и солдаты начали выпрыгиваться.

— На Новочеркасск пойдём, — говорил Юрков своему новому другу, шагая по снѣжной дорогѣ.

— Что-же я буду дѣлать? — мекну тѣм думал Корсаков. — Что я буду дѣлать, когда придется идти против своих? Перебѣгу. Только бы случай представился.

Но в бой ему не пришлось идти, так как в это время добровольцы очистили Донскую область и ушли на Кубань.

Размѣстившись в Ростовѣ и в ближайших станицах, дивизія Корсакова цѣлых два мѣсяца не двигалась с мѣста. Только в самом концѣ марта два полка ея были отправлены в Екатеринодар, на который в это время наступал Корнилов. Счастье и на этот раз не покинуло Корсакова. Так как, когда его полк прибыл в Екатеринодар, добровольцы уже стетупили и ему не пришлось подымать оружія против своих.

Стараясь разгрузить город от массы войск, стянутых в него, Сорокин начал отправлять эшелоны за эшелоном по разным направлевіям, причем без пуганицы дѣло не обошлось. Рота Корсакова оказалась опорной от полка и пошла сперва в Новороссійск, а затѣм в Туапсе. Деньги, Найденныя Корсаковым в карманѣ шинели, когда он их пересчитал, оказались солидными и в крупных купюрах, так что потраченное им в Царицынѣ на угощеніе взвода мало отразилось на его богатствѣ. Не раз ощущая кошель, он старался себѣ представить тѣх людей, которым эти деньги принадлежали раньше, чѣм попасть в карман сторожа застѣжка.

— Прибыльное занятіе избрал себѣ негодяй, — думал юноша. — Сколько крови и нечеловѣческих мучидѣли эти бумажки. Но какое бѣшенное счастье. Вѣдь паде-же было этому дьяволу в человѣческом образѣ забыть их в шинелѣ.

По природѣ нѣсколько расточительный, Корсаков не жалѣл денег, тратя их большей частью на своих сослуживцев, зато тѣ, в концѣ концов, привязались к нему, как к родному. Даже ротный командир, товарищ Грошев, любил поболтать и пошутить с симпатичным юзером. Словом, Корсаков сдѣлался общим любимцем, чѣм особенно гордился Юрков, как самый близкій его друг.

Прибыв в Туапсе, рота предалась полному бездѣлю и отдыху. Наступившая весна, да еще в таком райском уголкѣ, как Туапсе, дѣлала отдых особенно приятным. Случайно забытый своим начальством, Грошев не напоминал о себѣ. Он был очень доволен своим положеніем отдѣльнаго начальника.

Однажды комендантъ Новороссійска обратился к нему с просьбой с помощью против появившихся невдалекѣ банд бѣлогвардейцев. Не придавая особеннаго значенія тревогѣ коменданта, Грошев и тут не двинулся из Туапсе, послав в Новороссійск всего одну полуроту. Отдѣленные от желѣзнодорожных путей, красноармейцы не получали вѣстей о военном положеніи, воображая, что послѣ отступленія от Екатеринодара, остатки бѣлогвардейцев совершенно уничтожены, а потому их, как громом поразила вѣсть о взятіи бѣлыми Екатеринодара и о их наступленіи на Новороссійск. Обезпкоренный Грошев, немедленно по полученіи этих извѣстій, повел оставшуюся полуроту в Новороссійск, рассчитывая присоединиться к защищавшим его войскам до подхода бѣлых. Однако расчеты его не оправдались, так как, не доходя до города верст десять, он встрѣтил толпы бѣгущих солдат, сообщив-

ших ему о падении Новороссійска. Ему ничего не оставалось дѣлать, как повернуть назад и идти в Туапсе.

Уже перед самым городом, полурота Грошева проходила мимо, расположившихся на отдых, новороссійских бѣглецов. Вдруг в их толпѣ раздался выстрѣл, вслѣд за которым в рядах полуроты кто-то громко вскрикнул и упал на землю. Оказалось, что выстрѣл был случайным, происшедшій по неосторожности одного из бѣглецов. Пуля попала в ногу Корсакова, чуть выше колѣна. Кое-как соорудив носилки, его донесли до Туапсе и сдали в больницу. Все еще надѣявшійся на помощь, Грошев не собирався покидать города и, пополнив свою роту бѣглецами из Новороссійска, энергично принялся готовиться к оборонѣ. Всякій день, проходившій спокойно, он считал выигранным, так как был убѣжден, что успѣх бѣлых скоро прекратится и что с сѣвера, хотя бы из Ростова, о влѣтѣ котораго он не знал, подойдет подмога.

Раненый Корсаков лежал в больницѣ и чувствовал себя не важно. Послѣ тщательнаго осмотра раны, доктор объявил, что пуля разбила кость и что надежды на скорое выздоровленіе нѣтъ. Почти ежедневно его навѣщал, привязавшійся к нему всем сердцем, Юрков. По натурѣ добрый и отзывчивый, он был спрочно огорчен несчастіем друга и вслѣдствіи старался его утѣшить.

— Не беспокойся, — часто говорил он ему. — Бѣлогвардейцы до Туапсе не дойдут. Грошев говорит, что на днях обязательно подмога подойдет. А ежели и случится такая бѣда, то мы тебя не оставим. На плечах вынесем.

— Да я вовсе и не боюсь бѣлых, — пробовал его разуверить Корсаков. — Что они со мною, с казённой, сдѣлают?

— Что ты? — в ужасѣ восклицал Юрков. — Видно ты их не знаешь. Как найдут тебя, так сейчас и похвалят.

Цѣлая недѣля прошла спокойно, но о подмогѣ ничего не было слышно. Однажды Грошеву донесли, что в экипетах, выставленных им, в верстах в пяти от города, приблизился бѣлогордѣйскій разѣзд и, обстрѣлянный, скрылся по направлению на Новороссійск.

— Плохо дѣло, — думал он, шагал по кабинету своей буржуазной квартиры. — Куда мнѣ теперь дѣваться? Одно остается: набрать запасов и, не дожидаясь подхода бѣлых, двинуться в горы.

Так он и поступил.

Как ни просил Корсаков оставить его в больницѣ, по настоянію Юркова его взяли с собой. Сначала на лошадях, а затѣм на руках, его доставили в выбранное Грошевым мѣсто в горах.

Энергичный человек, Грошев, немедленно по прибытіи на мѣсто, разбил остаток своего отряда на группы и распредѣлил их на работу. Одну группу он послал в город и по ближайшим селам запасаться провизіей, другую заставил рыть землянки и окны, третья занималась хозяйственными работами и пасла цѣлое стадо овец и коров; отнятых у буржуев, четвертая проводила воду из струившагося нѣсколько выше источника и, наконец, пятая несла спорохваченную службу.

К счастью для Корсакова, в составъ оставшейся полуроты находился фельдшер, который и ухаживал за ним, время от времени спускался в город за медикаментами и совѣтами врача.

Не прошло и двух недѣль, какъ пустынное до того мѣсто обратилось в цѣлый поселок. Среди неприступных скал, закрытый густыми зарослями лѣса, он был совершенно незамѣтен со стороны. Открыть его было бы возможно, только уже войдя в него, но бдительные часовые не пропускали никого безъ разрѣшенія своего начальника.

Томительно тянулось время для Корсакова. Из разсказов своих сослуживцев он зналъ, что весь юг уже занят бѣлыми. Отдѣленный от них какими-нибудь тридцатью верстами, он все-же не могъ к ним попасть, такъ какъ благодаря своей ранѣ, былъ прикованъ к постели. Какъ ни медленно, но время все-таки шло и юноша поправлялся. Сперва на приготовленных Юковымъ костылях, а затѣм с палочкой, он начал двигаться по небольшому ровному пространству, на которомъ былъ расположен лагерь.

Мѣсяца три Прошевъ со своимъ отрядомъ не подавалъ признаковъ жизни. Но вот до него стали доходить слухи о недовольствѣ населенія новыми властями и о появленіи отрядовъ зеленыхъ, ведшихъ партизанскую войну съ бѣлогвардейцами. Однажды в его лагерьъ пріѣхалъ начальникъ одного изъ этихъ отрядовъ и, разъяснивъ обстановку, просилъ Прошева помочь захватить транспортъ с рыбой. Прошевъ согласился. Это было первое дѣло, совершенное имъ послѣ ухода из Туапсе.

Жизнь в Туалсе текла по раз заведенному порядку. Товжорукон стал совсем своим человеком в домъ коменданта и ни для кого не было сомнѣній в том, что он собирается сдѣлать предложеніе Татьянѣ Романовнѣ. Время от времени он устраивал вечеринки, пикники или экскурсіи, собирая под своей кровлей весь бо-монд города. Не сколько раз он пытался завести знакомства с братьями Орловыми, но тѣ благодаря какой то антипатіи, внушенной им Товжоруконным, всячески уклонялись и их знакомство с ним, дальше шапачнаго не шло. За послѣднее время, якобы по совѣту доктору, Товжорукон стал принимать довольно продолжительныя прогулки верхом по горным дорожкам. Если бы кто нибудь прослѣдил бы за ним, то убѣдился, что не так невинны были эти прогулки, как казались с перваго взгляда. Выѣзжая обыкновенно на утренней зарѣ, он посѣщал поселок зеленых и знакомился с мѣстностью. Из мѣсторасположеній трех своих отрядов, ему особенно понравилось то, которое принадлежало Прошеву и он поручил послѣднему выстроить там землянку и для него. На ея устройство денег он не искалъ. Прошло не болѣе двух недѣль и землянка была готова. В сторонѣ от других, окруженная со всѣх сторон зеленью, она была верхом искусства, на которое были способны солдаты. Состоя из трех комнат с дверями и окнами, она была вся покрыта коврами. Столы, стулья,

буфет с посудой, роскошный дамскій туалет, словом все то, что считалось необходимой принадлежностью богатаго дома, заключали в себѣ ея комнаты.

— Здравствуйте, Анна Павловна, — однажды, входя в комнату, гдѣ она сидѣла за рукодѣліем, привѣтствовала ее Тонкорубов.

— Ах, это вы, Иван Иванович, — улыбнулась она.

— Ах я опять къ вам с просьбой, извините за назойливость.

— Ладно уж. Ладно. В чем дѣло? — улыбнулась она.

— Видите ли в субботу день моего рожденія и мнѣ хочется отпраздновать его. Я был бы несказанно вам благодарен, если бы вы согласились, на этот день, быть хозяйкою в моем домѣ. Иначе, сами понимаете, мнѣ нельзя будет пригласить дам и барышень.

— Опять торжество! Опять празднество! — дѣлая вид, что сердится, возразила Анна Павловна.

— Так день то рожденія только один раз в году бывает, — защищался Тонкорубов.

— Ах вы транжира, транжира. Ну, да уже ладно. На этот раз соглашаюсь. Только вы сами составьте список кого хотите пригласить.

— Ах, Иван Иванович. Здравствуйте, — раздался молодой пріятный голос Татьяны Романовны, которая только что вернулась из города. — О чем это вы с мамой спорите.

— Да представь себѣ, опять затѣвает празднество.

— Будьте хоть вы судьей — улыбался Тонкорюков. — Развѣ не имѣю я права устроить маленькую вечеринку, по случаю дня моего рожденія?

— Ну, мама, пожалуй Иван Иванович и прав. На этот раз ему можно сдѣлать снисхожденіе.

— Благодарю вас, Татьяна Романовна, — поклонился тот. — Уж коли вы такъ добры сегодня, то помогите составить список приглашенныхъ.

— Что же. Давайте.

Молодые люди усѣлись за стол и вооружились карандашем и бумагою.

— А какъ вы думаете относительно Орловых? — спросил Тонкорюков

— Стоит ли ихъ приглашать? — возразила дѣвушка. — Вы припомните, сколько разъ вы ихъ приглашали и они каждый разъ находили благовидный предлогъ для отказа.

— Да. Я тоже думаю, что не стоит.

— Нѣтъ, господа, — имѣшалась Анна Павловна. — Уж коли вы будете приглашать моряков, Орловых не приглашать нельзя. Это будетъ по крайней мѣрѣ не вѣжливо. Не придутъ — такъ не придутъ, а написать два лишнихъ приглашенія не такъ ужъ трудно.

— Что же, Татьяна Романовна, давайте и Орловыхъ вблечимъ в список, — согласился Тонкорюков.

Вечером того же дня, в кабинетѣ на виллѣ Тонкорукова происходило совѣщаніе, нѣсколько в другом видѣ. За небольшим столиком, уставленным бутылками со всевозможными напитками, сидѣли, кромѣ самого хозяина, Кулебяка, Грошев и Мекси.

— Такъ вст, товарищи, — разливая в маленькія чашечки ароматичный кофе, говорит Тонкоруков. — Я назначаю временемъ захвата города ночь с субботы на воскресенье. Вас товарищ, — обратился он к Мекси, — я попрошу не позже утра субботы, занять село Рыбацкое, причем постарайтесь сдѣлать так, чтобы телеграфист успѣлъ бы передать сюда — в Туаше о вашемъ появленіи. Я полагаю, что к вечеру субботы миноносцы будутъ уже в Рыбацкомъ. До утра вряд ли они чтонибудь предпримут. Впродолженіи воскресенья, вы постарайтесь вести с ними бой и сдавъ село только к вечеру переходите в село Подгорное. Такимъ образом, воскресенье и понедѣльник миноносцы проведутъ в вашемъ обществѣ и самое раньше, это к вечеру вторника явятся сюда. Из Подгорнаго, задержавшись в нем по возможности дольше, ведите отрядъ домой, а сами приѣзжайте к товарищу Грошеву, у котораго поселись и я. Вас Грошев, я попрошу к утру субботы перейти с вашимъ отрядомъ к товарищу Кулебяка. Там вы вступите в командованіе обоими отрядами и к вечеру субботы расположите их вот на тѣх холмах, — указал он пальцемъ на картѣ. — Часа в два, в три ночи я подожгу стог сѣна. Увидѣвъ этотъ сигналъ спускайтесь в город, но по возможности без шума. Товарища Кулебяка с его отрядомъ оставьте в моемъ саду, а сами идите к казармамъ полуроты. Арестуйте и перевяжите всѣх. Затѣмъ займите

полицейскій участок. Когда это все будет сдѣлано, выставьте караулы: у плѣнных, предварительно собрав их в одно мѣсто, у казначейства и у складов. Кроме того, всю ночь, впредь до новаго моего распоряженія, держите на улицах патрули. Для вас, товарищ Кулебяко, особых распоряженій нѣтъ. Вмѣстѣ с Грошевым, по моему сигналу вы вступите в город и расположившись в саду будете ждать моих распоряженій. Все, что удастся нам здѣсь захватить, я предполагаю переправить к вам, товарищ Грошев, и уже у вас в лагерь произвести дѣлеж. Нѣтъ ли каких вопросов или возраженій, товарищи?

— Я вас хотѣлъ спросить, товарищ, как поступать с жителями и частным имуществом? — освѣдомился Грошев.

— Не трогать. Ничего не трогать. Захватив город, я сам наложу контрибуцію на мѣстных богачеев, но чтобы произвола ни под каким видом не было бы.

— А бѣлогвардейцы и их имущество? — в свою очередь освѣдомился Кулебяко.

— Бѣлогвардейцы другое дѣло, они для нас вне закона. Впрочем они всѣ бѣдны, как церковныя крысы. Что с них возьмешь?

— Ну, авось найдется чѣм поживиться, — улыбнулся Грошев. — Если не сами бѣлогвардейцы, то бѣлогвардейки могут за них отвѣтить, — засмѣялся он.

— Это можете, — в свою очередь засмѣялся Тонкоруков. — Ах да, вѣдь чуть было не забыл. Команданта и офицеров полуроты необходимо арестовать в первую очередь, а уже потом заниматься остальными.

Еще с пол часа сидѣли гости и изрядно нагрузившись, покинули хозяина.

Как Тонкоруков предполагал, так и случилось. Около двѣнадцати часов дня в субботу, встревоженный коменданг сообщив Глѣбу о занятіи зелеными Рыбачкаго и ровно в четыре часа, оба миноносца покинули Туапсе. На этот раз праздник у новорожденного как то не клеился. Причина была в том, что большую часть кавалеров, обыкновенно составляли, отсутствовавшие в этот день, моряки. Танцы были вялы и не оживленны, а потому часу в двѣнадцатом гости уже были приглашены к ужину. Если первая часть вечеринки не удалась, зато вторая, т. е. ужин, была восхитительна. Обиліе закусок и вин прямо поражало. Вскорѣ подстрекаемые хозяином и подвыпившим комендантом, гости разошлись во всю. Даже дамы давно не пившіе шампанскаго, увлекшись вкусным напѣтком, слепка захмѣлѣли, а командир полуроты и двое его помощников были буквально пьяны. Во втором часу ночи Анна Павловна, видя, что муж захмѣлѣл окончательно, стала прощаться. За ней поднялись и другіе. Ровно в два часа, проводив послѣдних гостей, Тонкоруков пошел во двор и поджег сѣно. Огонь быстро распространяясь, вскорѣ охватил весь стог и точно опромненным факелом освѣтил окрестности. Войдя в дом, Тонкоруков прошел в свою спальню и быстро переодѣлся в военный костюм. Спрятав в карманы по револьверу, он вышел в сад и усѣвшись на скамейку, принялся ждать. Вскорѣ он услышал чьи то крадующіеся шаги, а через минуту перед ним стоял, словно выросшій из земли, Федченко.

— Ах это ты. Ну, как дѣла?

— Все пьяны, товарищ. На часах Прохоров остался.

— Прекрасно. Садись-ка сюда на скамейку, до дождем наших.

Только что на колокольнѣ пробило четыре, как в саду стали появляться какіе то тѣни.

— Товарищ Кулебяко! — крикнул Тонкоруков.

— Здѣсь, — отозвался тот, выходя из кустов.

— Пдѣ Прошев?

— В городѣ, как вы приказали.

— Прекрасно. Назначьте мнѣ десять человек из самых надежных. Сейчас я с ними произведу один арест и они отвезут арестованных в поселок Прошева. Вы же с остальными выставьте заставу на Новороссійской дорогѣ

— Слушаюсь, товарищ.

Через полчаса, сопровождаемый десятью зелеными, Тонкоруков стучался у дома Орловых.

— Кто там? — послышался голос Наташи.

— С миноносца письмо, — отвѣчал Тонкоруков.

— Погодите минутку, я сейчас одѣнусь.

Дверь отворилась и с ламповою в руках, перед Карягиным, как мы снова будем его называть, появилась Наташа.

— Здравствуйте, Наташа Владиміровна, — входя в дверь, произнес он, глядя на ошеломленную дѣвушку.

— Что вам надо? — наконец воскликнула она. — Почему вы, господин Тонкоруков, выбрали такое неурочное время для визитов.

— Я не Тонворужков. Я Карягин.

— Карягин! — воскликнула она, блѣднѣя.

— Да. Я тот несчастный Карягин, который не может вас забыть с самого Румынского фронта. Только чтобы найти вас, я покинул блестящую карьеру в столицѣ. Только ради вас, как вѣчный жид, я скиталюсь по этому проклятому югу. Ради вас я совершил массу преступлений и готов совершать их без конца, только бы вы были моей. Я служил в Добровольческой арміи только для вас, только для того, чтобы вас из нея вырвать, но моя попытка чуть не стоила мнѣ жизни. И вот я снова рискую и буду рисковать, только бы вы согласились быть моею. Я...

— Подите прочь! — гнѣвно вскрикнула Наташа, направляясь к дверям, в которых появилась взволнованная Екатерина Петровна с цѣплявшимся за ея юбку Славой.

— А... коли так, — мѣняя тон, снова заговорил Карягин. — Если вы добровольно не подчинитесь, то я вас силой заставлю.

— Посмотрим, — отвѣчала дѣвушка, бросаясь к письменному столу и выдвинув ящик, схватила револьвер. — Посмотрим, господин Карягин, — наводя оружіе прямо ему в грудь, крикнула она.

— Напрасный труд, — не двигаясь с мѣста, возразил тот. — Знайте, что Туапсе захвачено зелеными, которыми командую я. Посмотрите в окно и вы увидите цѣлый отряд, приведенный мною за вами. Если вы меня убьете, то мои люди буквально растерзают не только вас,

но и их, — указывая на Екатерину Петровну и Славу, продолжал он.

Бросив быстрый взгляд в окно, Наташа увидѣла чуть-ли ни цѣлый взвод вооруженных людей.

— Он прав, — подумала она, опуская револьвер. — Боже мой, что же мнѣ дѣлать? Неужели я должна шокориться и стать наложницей этого негодяя? Ни за что! Но что-же дѣлать? Не могу-же я предать на смерть Екатерину Петровну и Славу. Будь, что будет, — вдруг рѣшила она. — Пока соглашусь, а там я найду способ или бѣжать, или умереть.

— Слушайте, негодяй! — наконец, обратилась она к терпѣливо ожидавшему ея рѣшенія Карягину. — Не желая жертвовать жизнью невиннаго ребенка, я принуждена согласиться, но знайте, если бы не он, я с наслажденіем развозила бы вашу подлую голову.

— Это меня мало интересует, — хладнокровно отвѣчал тот. — Теперь же я попрошу вас поторопиться собрать необходимыя вещи. Даю вам на сборы полчаса.

— Федченко! — крикнул он, выходя на крыльцо.

— Здѣсь! — отвѣчал тот

— Я тебя назначаю начальником конвоя. С этими десятью товарищами ты, посадив барыню в коляску, с полной осторожностью отвезешь ее в Прошевскій поселок. Когда дойдете до Крутого под'ема, положите барыню на носилки и на рукахнесите до поселка. Только смотри, Федченко, чтобы барыня не бросилась в пропасть. Слѣди за ней. Когда дойдете до поселка, там вы найдете одного товарища, кажется, Корезков его фа-

миля. Он вас проводит к моей землянкѣ, в которой ты и загреешь плѣнницу. Да помни, пока я не явлюсь, береги ее, как зеницу ока. Чтобы день и ночь около землянки был бы часовой. Да и сам старайся порѣже отлучаться. Повимаешь?

— Слушаю, товарищ!

В это время, прислушивавшіеся к разговору, зеленые подошли к Карягину.

— Что-же это такое, товарищ? — заговорил один из них. — Мы только и ждали занятія Туапсе, чтобы погулять немножко. Шутка сказать, почитай полгода изгор не вылѣзали, а теперь из-за одной дѣвченки десять человек не погибают города. Воля ваша, но мы в горы не пойдём.

— Это что-же, бунт? — опуская руку в карман, спокойно возразил Карягин. — Я вам должен сказать, — продолжал он спокойным голосом, — что никаких протестов или недобровольств я не потерплю. Нынче время военное. Каждый повиноваться это должен. Приказано и сделано, а разгневшись, да обсужденій и в заводе быть не должно. Ну-с, так по мѣстам!

— Мы не пойдём! — слова возразил тот же зеленоеармеец.

Млзловеніе и Карягин, вынувъ револьвер, в упор выстрѣлили в непокорнаго. Несчастный, не пивнуче, попалился на землю, а остальные застыли в ужасѣ.

— По мѣстам! — проревѣл Карягин, направляя револьвер на ошелмленных людей.

Приказывать в третій раз уже не пришлось, так как устранившиеся бунтари бросились в коляскѣ и, обвуржив ее, застыли на мѣстах. Ваглянув на часы, Карягин снова вошел в комнату.

— Пора, — произнес он, не глядя на несчастную, прощающуюся с рыдавшей Екатериной Петровной и испуганным Славой, двушкой.

Захватив небольшой узелок, Наташа сѣла в коляску, а рядом с ней помѣстился Федченко.

— Трсагай! — приказал Карягин, и коляска покатилась.

Грошев в точности исполнил приказаніе Карягина. Арестовавъ в первую очередь коменданта и офицеров, он захватил врасплох сплскую полуроту и обезоружил ее. Небольшое сопротивленіе оказала полиція, но и та скоро сдалась, не получая поддержки.

На утро проснувшіеся жители Гуансе с ужасом узнали, что они находятся во власти зеленых. Ожидали насилій и убійств, но, к своему удивленію, скоро убѣдились, что ни грабежей, ни убійств нѣтъ и что в городѣ царит образцовый порядок. Только квартиры офицеров и исправника были ограблены дотиста. В типографіи мѣстного листка слѣдно набирались и печатались объявленія, приказы и воззванія, подписанные вождем народной арміи Матвѣем Карягиным. В вышущемъ к вечеру бюллетенѣ был цѣлый список богатых людей с обозначеніем против фамиліи каждаго цифры, которую он должен внести в

казну народной арміи не позже слѣдующаго дня В. прес-
тивном случаѣ, как говорилось в бюллетенѣ, против ос-
лушников, как против врагов народного дѣла, будут при-
няты жестокія мѣры.

С ранняго утра из продовольственнаго и оружейна-
го складов тянулись за город напряженные до верку под-
воды. Карягин на своем автомобилѣ поспѣвал повсюду.
Он торопился, как можно скорѣе закончить грабеж, что-
бы успѣть уйти до прибытія миноносцев.

Сластолюбивый Прошев при арестѣ коменданта за-
мѣтил хоршецькую Татьяну Романовну и рѣшил взять
ее себѣ.

— Кончу аресты и вернусь за ней, — рѣшил он.

Дѣйствительно, на другой день обезумѣшіе от стра-
ха женщины были встревожены вторичным появленіем
зеленых.

— Вы арестованы, — обратился вошедшій Прошев
к испуганной дѣвушкѣ. — Захватите с собой необходи-
мое бѣлье и какія хотите другія вещи.

— И я арестована? — спросила Анна Павловна.

— Ну, нѣт. На что вы сдались? — улыбнулся тот.
— Вы можете оставаться дома.

Страшная мысль мелькнула в головѣ несчастной
женщины. Она начала догадываться о готовящейся судь-
бѣ ея дочери. Сопровождаемая Прошевым и налутствус-
мая рыдавшей матерью, Татьяна Романовна вышла на
улицу.

— Куда вы меня ведете? — воскликнула она замѣтив, что они направляются к дверям лучшей гостиницы города.

— Не беспокойтесь барышня, — отвѣчал ей спутник. — Для вас помѣщеніе здѣсь отведено. Не вести же мяѣ васъ в грязный участок.

Поднявшись по лѣстницѣ, они вошли в один из лучших номеров.

— Пока я не вернусь, вам придется посидѣть здѣсь в одиночествѣ, — пропуская плѣшницу вперед, промолвил он.

Несчастливая дѣвушка поняла все.

— Сжальтесь! Ощутите, — рыдала она, бросаясь на колѣни.

— Перестаньте красавица, а то у вас глазки опухнут, — отвѣчал Грошев, ничуть не тронутый ея отчаяніем. — Да и чего вы в самом дѣлѣ беспокоитесь? Самое большее недѣльки двѣ поддержку вас в неволѣ, а затѣм вы снова вернетесь к шапѣ и мамѣ.

— Сжальтесь! Сжальтесь! — ломая руки, продолжала она молить своего мучителя.

— Напрасно вы просите. Все равно я вас не выпущу, — рѣшительным тоном заявил Грошев, выходя из комнаты и запирая дверь на ключ.

В этот день, как раз в той гостиницѣ, в которой томилась несчастная дѣвушка, Карягиным был назначен пріем контрибуціи. Еще задолго до назначеннаго времени в коридорах гостиницы уже толпились торопившіеся вы

купить свои головы мѣстные богатеи. В назначенный час автомобиль Карягина подкатил к под'взду.

— Боже мой! Да еѣдь это Тонкоружков, — воскликнула Татьяна Романовна, которая, надѣясь на случайное избавленіе, не отходила от окна.

— Иван Иванович! — вдруг услышал Карягин знакомый голос и подняв голову, увидѣл в окнѣ третяго этажа взволнованное личико своей невѣсты.

— Спасите меня! Ради Бога! — взмолилась она. — Я нахожусь в ужасном положеніи и если не вы, то погибну безвозвратно.

Быстро сообразив, что дѣвушку захватили или Грошев или Кулебяко и не желая возстановлять их против себя, тѣм болѣе, что по этой части у самого рыльце было в шулу, Карягин рѣшил не вмѣшиваться в это дѣло.

— Ах это вы? — отвѣчал он холодно. — Что же вы так вслушаетесь? Ваш плѣн это пріятный плѣн любви, — нагло усмѣхнулся он, вбѣгая по ступенькам лѣстницы.

ГЛАВА V.

Коляска, в которой сидѣла Наташа, под коловое зеленых медленно кателась по шоссе. Федченко нѣсколько раз пытался заговорить с плѣнницей, но та упорно молчала. Часам к двѣнадцати дня, поровнявшись с еле замѣтной тропинкой, вившейся по горам, коляска остановилась и Федченко прилеялся отвязывать носилки.

— Не надо носилок, я сама пойду, — произнесла Наташа, выскакивая на дорогу.

— Нѣтъ барышня, какъ приказалъ начальникъ, такъ и будетъ, — рѣшительно заявилъ Федченко. — Сказано несли на носилкахъ, значитъ и понесемъ.

Наташѣ пришлось покориться. Она легла на подставленные носилки и четверо конвойныхъ, поднявъ ихъ на плечи, запагали по тропинкѣ. Часа четыре продолжалось это восхожденіе, пока путешественники не очутились в поселкѣ, в которомъ ихъ встрѣтилъ Корсаковъ.

— Не вы ли товарищъ Корсаковъ? — обратился къ нему Федченко.

— Я самый.

— Проводитт-ка насъ в землянку, что выстроили для новаго начальника.

Когда Корсаковъ отворилъ дверь землянки, носилки опустили и Наташа встала на ноги. Корсаковъ моментально узналъ ее, но какъ ни велико было его удивленіе, не подавъ виду, что знаетъ ее.

— Входите барышня, — обратился къ ней Федченко. — Это и есть ваша новая квартира.

Когда дѣвушка скрылась за дверью, онъ снова обратился къ Корсакову.

— А гдѣ бы у васъ тутъ оговька разложить, да состряпать себѣ чего нибудь.

— А вотъ в той землянкѣ очагъ устроенъ. Тамъ и провизія есть.

— Вотъ это дѣло. Вѣдь со вчерашняго вечера прошки не рту не было. Такъ мы пойдемъ отдохнуть с дороги, а ужъ вы, товарищъ, не отхсдите отъ землянки. Начальникъ

приказал пуще глаза беречь эту барышню. Головой, говорит, отвѣтит мнѣ виновный, коли она убѣжит или что-нибудь собой сдѣлает.

— Ладно. Подежурю, — отозвался Корсаков.

Убѣдившись в том, что конвойные занялись приготовленіем пищи, Корсаков вошел в землянку.

— Здравствуйте, Наталія Владиміровна, — обратился он, к неподвижно сидѣвшей дѣвушкѣ.

— Кто вы? — испуганно произнесла она.

— Не узнаете? А помните юнкера, котораго вы спасли от смерти во время выступленія большевиков в Москвѣ.

— Корсаков! Как же вы сюда попали? — радостно воскликнула она.

— Об этом послѣ. Лучше поговорим о вас. Как вас то счастье? — отвѣчал юноша. — Долго оставаться в землянкѣ мнѣ нельзя. Чего добраго замѣлят. Давайте разговаривать воя через то окно. Я снаружи, а вы изнутри.

Выйдя из землянки и залерев ее на ключ, молодой человек улегся на землѣ у самаго окошка.

В коротких словах они рассказали друг другу все, что с ними произошло.

— Если вы рѣшили меня спасти, — говорила Наташа, — то бѣгите в Туапсе. На днях туда придут два миноносца, одним из которых командует мой жених Глѣб Николаевич Орлов, а другим его брат — Николай. Расскажите им все, а уж они найдут способ меня спасти. Только как же ваша нога? — спохватилась она. — Сможете ли вы дойти до Туапсе?

— Смогу. Нога моя обрѣпла настолько, что я и так собирался на днях бѣжать к бѣлым. Только вот в чем дѣло то: вѣдь как минноносцы придут, зеленые сейчас же оставят город и Карягин много раньше вашего жениха явится сюда.

— Но что же дѣлать? — ломала руки Наташа. — Может быть мыѣ вмѣстѣ с вами бѣжать?

— Нѣтъ, Наталія Владиміровна. нас двоих обязательно поймают. Вѣдь их здѣсь десять человек вас стережет. Один то я хитростью проберусь, а с вами мыѣ не уйти.

— Но что же дѣлать?

— Слушайте. Если вы не боитесь, то у меня есть маленькій план.

— Говорите. Скорѣй говорите.

— За послѣднее время, чтобы окрѣпла нога, я часто бродил по горам вокруг лагеря и вот, верстах в пяти отсюда, нашел большую, совершенно скрытую от глаз незнающаго человѣка, пещеру. Если не боитесь провести в ней сутки — другія, то, когда ваши тюремщики побѣдают, я их об'явлю, что ухожу в одно близлежащее село. Что мол от начальника имѣю такое приказаніе. Все равно они не здѣшніе и о наших порядках ничего не знают. Выйдя из лагеря, я просижу до наступленія ночи в горах, недалеко отсюда. Ночью же, приду за вами и отвѣдя вас в пещеру, отправлюсь в Туалсе. По крайней мѣрѣ, когда обнаружат ваш побѣг, то не подумают, что я вам помогал и если даже нагонят меня на дорогѣ, никому в голову не придет меня задерживать.

— Я согласна. Ваш план мнѣ очень нравится. Только не найдется ли у вас револьвера, чтобы я могла защищаться в случаѣ надобности.

— Хорошо. Ночью я принесу. А пока досвиданія. Ваш тюремщик сюда идет.

Подопешдній Федченко застал Корсакова мирно дремавшим у дверей землянки.

— Эй, товарищ! — обратился он к нему. — А гдѣ здѣсь у вас вода? Ту, что была в задушкѣ, всю выпили.

— Что? Уже пообѣдали? — потягиваясь, произнес юноша. — Вода вон в тѣх кустах протекает. А вы возьмите-ка ключ от землянки, потому что мнѣ идти пора.

— Это куда-же?

— Да тут, верстах в десяти, сельцо одно есть, так туда почта для начальника приходит. Вот я и хожу за ней.

— Что-же, вы надолго идете?

— Нѣтъ, завтра жъ обѣду назад буду.

Взяв ключ и сходяв за водой, Федченко растянулся у входа в землянку, а Корсаков, всунув в карманы шару револьверов, направился по тропинкѣ, спускавшейся вниз.

Пройдя с полчаса и убѣдившись, что из поселка его не видать, он круто свернул и стал выбираться галерх без дороги. Часа через полтора он уже лежал недалеко от поселка, скрытый густыми зарослями кустарника и высокой травой.

Нѣсколько раз Федченко заходил к Наташѣ, то приносил ей пищу, то воду, а то и просто так, без дѣла,

справляясь, не надо-ли ей чего. Вечером, с помощью своих подчиненных, он завалил озна землянки валявшимися тут-же дровами и, подстелив шинель, улегся спать у самых дверей, тогда как остальные зеленые разместились в свободных землянках.

Медленно тянулось время для Наташи. Не зажигая огня, она сидела на атаманьѣ, напряженно прислушиваясь к доносившимся до нея звукам.

— Вѣрно готовится ко сну, — соображала она.

На площадѣ, по краю которой были расположены землянки, времяами слышались неторопливые шаги и мало по малу стихавшіе разговоры. Наконец, все утихло. Блѣдательное ухо дѣвушки, кромѣ крика ночных птиц, да громкаго храла Федченко, не улавливало ничего.

— Скоро-ли? Скоро-ли? — думала она, стараясь успокоить бѣшеное слоное сердца. — Нѣтъ. Не слѣдует торопиться. Пусть повѣроче заснут, а то может рухнуть всё преддѣііе.

— Ну, теперь пора, — подумал Корсаков, поднимаясь с земли.

Он прекрасно слышал, что происходило в поселкѣ, и, по его предположенію, всѣ обитатели его давно уже спали. Луна еще не всходила и земля была окутана непрошцаемым мраком. Тишина стояла мертвая. Но вот что-то хрустнуло в сосѣдних с землянкой кустах. Раздался шорох раздвигаемых вѣтвей и на полянѣ появилась такая-то тѣнь. Не слышными шагами Корсаков прокрался в свою землянку и вскорѣ появился снова, держа в

руках топор. Останавливаясь на каждом шагу, еле ступал, приближался он к спящему Федченко.

— Какое счастье, — соображал он, — что я в первый момент не отдал оба ключа этому солдату. Ну, что бы я теперь дѣлал?

Совѣм близко подкрался он и остановился между дверью и спящим, который в эту минуту что то быстро заговорил. Корсаков поднял топор, готовый опустить его на голову спящаго, если тот проснется. Но Федченко, провормотав что-то несуразное, повернулся на другой бок и через нѣсколько мгновений, втеченіе которых Корсаков так и стоял с поднятым топором, снова захрапѣл. Медленно, еле двигаясь, он вставил ключ в сувальжину и повернул его. Лепкій шум, вызванный этим, обезпокоил спящаго и тот перестал храпѣть. Корсаков снова засыл на вѣсть. Наконец, когда Федченко снова захрапѣл, он нажал ручку и отворил дверь. Перед ним, вся трепещущая, стояла Наташа. Знаком показал ей юноша, чтобы она выходила. Не дожидаясь новых приглашеній, она, как привидѣніе, скользнула наружу и застыла, ожидая Корсакова. Он также осторожно закрыл дверь и, повернувшись, вынул его из сувальжины. Снова раздавшійся шум опять потревожил спящаго и тот снова что-то забормотал. Как и раньше, Корсаков застыл над ним с поднятым топором.

Через минуту оба бѣглеца, юркнув в кусты, потонули в их зарослях. Только треск валежника, да шум раздвигаемых вѣтвей могли бы выдать бѣглецов, но поселок спал и никто их не слышал.

— Теперь мы почти в безопасности, — вышлолосо произнес Корсаков, подсаживая Наташу на почти отвѣсную скалу. — Держитесь руками за кусты. Вот так. Взбѣди? Ну, теперь я.

Взошедшая луна освѣтила путь бѣглецов.

— До утра они вас не хватятся, а когда замѣтят баше исчезновѣніе, то им и в голову не придет искать вас в этом направленіи. Все же нам надо торопиться, чтобы мыѣ до разсвѣта отойти как можно дальше.

— А далеко еще до пещеры? — видимо утомленная, спросила дѣвушка.

— Нѣтъ. Не больше полверсты осталось. Вот в этих кустах, — произнес он.

Еще мигнут десять молодые люди шли, буквально продираясь сквозь заросли.

— Боже! Какая труппа! — произнесла Наташа. — Как вам удалось найти эту пещеру?

— Совершенно случайно. Забрался я однажды сюда и лег отдохнуть в этих кустах. Смотрю: ежик ползет. Ну и взбрела мыѣ фантазія прослѣдить его. Вот этот-то ежик и вывел меня к пещерѣ. Вот она! — воскликнул он, раздвигая кусты и останавливаясь перед черным, зіявшим у основанія отвѣсной скалы, отверстием.

— А не страшно туда лѣзть? — заколебалась Наташа.

— Чего-же бояться?

— А вы были в ней хоть раз?

— Всю ее, от выхода до конца, обшарил. Да походите-ка, я сейчас опять туда влѣзу, а потом уж и вы.

— Идите сюда, Наталія Владиміровна. Здѣсь очень хорошо и мягко, как на постелѣ, — донесся из пещеры его, слегка заглушенный, голос.

Ободренная Наташа вползла вслѣд за ним. Юноша чиркнул спичку и освѣтил гранитные своды и покрытый мхом пол. Пещера имѣла вид бутылки: узкая при входѣ, она расширялась потом.

— Теперь вам не страшно?

— Ничуть. Только вы, на всякій случай, оставьте мѣхъ спички.

— Извольте. Ну, всего хорошаго. Я поспѣшу в Туапсе, а то, кажется, поздновато уже. Часа через два слѣзать начнет. До свиданія!

— Помогай вам Бог!

Выбравшись из пещеры, Корсаков зашатагал по одному ему извѣстной тропинкѣ. Солнце уже взошло, когда он вышел на шоссе.

— Вряд-ли так далеко будут ее искать, — соображал он, слегка прихрамывая на начинавшую болѣть ногу. — Впрочем, они еще не хватились. Вряд-ли раньше восьми часов этот солдат вздумает входить в землянку, а к этому времени я уже под Туапсе буду.

Не прошел он и получаса, как навстрѣчу стали попадаться повозки, пруженныя всяким добром и сопровождаемыя зелеными его страда.

— Ба, Корсаков! — привѣтствовали его встрѣчные. — Это ты куда-же собрался?

— Соскучился по Туалсе. Хочу его навѣстить, — отвѣчал он. — Однако, не мало добра награбили, — думал Каяша, оглядывая подводы.

Нагоняец, показалось Туалсе. Очутившись в городѣ, он первым дѣлом отправился в трактир, так как сильно проголодался. По улицам то и дѣло попадались, весело привѣтствовавшіе, патрули его отряда. Утолив голод, он пошел на пустынный берег моря и, сторожа появленіе миноносцев, растянулся на песокѣ.

ГЛАВА V.

Разсчет Карягина насчет времени возвращенія миноносцев не оправдался, так как, подойдя к Рыбацкому, Глѣб, не досидавая утра, свез десант и атаковал белевых, не ожидавших его появленія. К утру Мекси был вынужден перейти со своим отрядом в Подгорное, куда немедленно отправился и Глѣб, послав Колю с моря обстрѣлять противника. Удобное для обороны, село Подгорное позволило Мекси задержаться в нем до вечера и лишь с наступленіем темноты он отступил в горы.

Переютивав на берегу, моряки вернулись на свои зорабли, но еще не сразу вернулись домой, так как в машинѣ “Боевого” произошла какая-то поломка, с починкой которой провозились до вечера.

Выйдя из Рыбацкаго, миноносцы пошли в Туалсе и часам к четырем утра вошли в Туалсинскую бухту.

— Товарищ, а, товарищ! — будил Карягина Прохоров.

— В чем дело? — открывая глаза, спросил тот.

— Минюносцы идут. Сейчас с наблюдательного поста сказали.

— Минюносцы? Так рано? — удивился Карягин.

— Идут, товарищ. Уже к пристани подходят.

— Вот так штука, — быстро одеваясь, думал он.

— Где разсыльные?

— Ждут приказаний.

— Зови их всех сюда.

В комнату ввалились двенадцать разсыльных.

— Бегите-ка, товарищ, — обратился к одному из них Карягин. — Бегите, передайте начальнику караула, чтобы сигнал к отступлению давал. Чтобы был в набат. А вы все бегите по своим частям, будите всех, чтобы все сейчас-же уходило из города.

Разсыльные разбежались.

— Поди, Прохоров, осведлай коней. Сейчас їдем.

Выйдя на веранду, при свѣтѣ луны Карягин увидѣл минюносцы, входившіе в гавань.

— Ну, еще не меньше получаса провозятся, — рѣшил он. — А пока соберутся прослѣдовать, еще часа два пройдет, а за полтора и слѣд-то наш простынет.

Не торопясь, он вернулся в комнату и зажег спиртовой бѣфейник.

— Кончилось мое буржуйское житье. — улыбнулся он. — Довольно, прогулял. Теперь заживем тихой семейной жизнью.

— Коня готовы, — доложил Прохоров.

— Садись, залуся, — обратился к нему Карягин.
— Времени у нас еще много.

— Но минувосцы к пристани уже подходят.

— Пусть себѣ подходят. Нам торопиться не приходится.

Напившись кофе, Карягин, в сопровождении Прохорова, выѣхал со двора. Несмотря на ранній час, улицы были оживлены двигающимися в полном порядке зелеными. На одной из улиц к Карягину подѣхал, сидевший также верхом, Кулебяко.

— Домой, товарищ? — обратился он к нему.

— Домой, домой. Дальше нам нельзя здѣсь заспживаться. Так вы помните мои приказанія? Значит, по выходѣ из города, вы с вашим отрядом будете ждать, пока не пройдут все грошевы. Впрочем, я сам вам скажу, когда можно будет уходить.

Проѣзжая мимо гостиницы, в которой вчера он принимал контрибуцію, Карягин услышал истерическій гонь знающего голоса. Стоявшая у под'езда извозчицы пролетка, в которую усаживали, бывшуюся в истерикѣ, жевщигу, все объяснила ему. Слегка поморщившись, он двинулся дальше.

ГЛАВА VI.

Между тѣм, лишь только Глѣб опшартовался к пристани, на палубу минувосца вошел, ожидавший его, Корсаков.

— Могу-ли я видѣть командира? — обратился онъ къ вахтенному начальнику.

— По какой дѣлу?

— Передайте, что по очень важному дѣлу от Наталіи Владиміровны Воробьевой.

Через минуту, сидя в каютѣ, Корсаков рассказывал Глѣбу обо всем происшедшем.

— Так вы говорите, что и сейчас еще город занят селеными?

— Да, только перед самым вашим приходом они начали отступать.

— А за убойнице Наталіи Владиміровны вы вполнѣ спокойны?

— О, да Только какой-нибудь случай может выдать ее.

— Отлично. Сейчас я высажу десант и начну преслѣдованіе.

— Если бы мнѣ позволите доложить, то я посоветовал бы вам другой план.

— Говорите.

— Если сейчас начать преслѣдованіе, то они все равно успѣют уйти, так как в аррьергардѣ они оставили довольно сильный отряд, с которым вам придется вести бой и без поддержки вашей артиллеріи. Я бы думал, что лучше всего оставить их спокойно уходить, слѣлав вид, что вы не знаете о их присутствіи. Тѣм временем я провел бы вас горными дорожками к самому их лагерю, но толь-

во с другой стороны. Оплотать вы не можете, так как зеленым предстоит еще большая работа — втопнуть все награбленное наверх.

— А скажите пожалуйста, — вдруг сдѣлался Глѣб подозрительным. — Нѣтъ-ли у вас какого-нибудь доказательства того, что вы говорите правду?

— Вот записка, — улыбнулся юноша, подавая ему клочок бумаги: “Рѣчь ему. Твоя Наташа”, прочел Глѣб знакомый почеркъ.

— Хорошо. Будем дѣйствовать по вашему плану, — согласился он.

В коротких словах Глѣб передал о случившемся Николаю.

— Слушай, Коля, десант поведу я сам, а ты вступишь в командование обоими миноносцами. До утра ничего не предпринимай. Что дѣлать, потом сам увидишь. На всякій случай, послѣ моего ухода, убери сходы и приготовь пулеметы, чтобы не стать жертвой нечаяннаго нападенія.

Между тѣм матросы приготовились к походу и через полчаса небольшой отряд Глѣба, сойдя на берег, скрылся в темнотѣ. Когда взошло солнце, моряки были уже далеко от Туапсе.

— Дорожка эта, которой я вас веду, нѣсколько неудобна, это правда, — говорил Керсаков шагавшему рядом с ним Глѣбу. — Зато она гораздо короче той, по которой пошли зеленые. Кромѣ того, она выходит как раз къ той пещерѣ, в которой укрылась Наташя Владиміровна.

Отряд подвигался довольно медленно, так как напруженные тремя пулеметами и ящиками с лентами, люди быстро уставали и приходилось делать частые привалы. Было часа четыре дня, когда отряд вышел к тем кустам, за которыми находилась пещера. Разрѣшив людям отдохнуть. Глѣб в сопровожденіи Корсакова начал пробираться сквозь заросли. Сильно билось его сердце, когда он подходил к пещерѣ.

— А ну, как ее нашли? -- думал он, обливаясь холодным потом.

Когда Корсаков раздвинул послѣдніе кусты и открылся вход в пещеру, Глѣб крикнул срывающимся голосом, наклонившись над входом:

— Наташа, ты здѣсь?

— Здѣсь, Глѣбушка, здѣсь! — послышался веселый голосок дѣвушки, и через минуту она сама появилась у входа. — А как я перепугалась! — говорила она, освобождаясь из объятій жениха. — Я уже думала, что это зеленые идут и приготовилась стрѣлять из вашего нагана, — обернувшись она к Корсакову. — Никак не ожидала вас так скоро.

— Ну, идем-же к моему десанту, — ушлекая ее вперед, произнес Глѣб. — Я думаю, ты не прочь закусить.

— Ах, я прямо умираю от голода. Вѣдь ты подумай, как мы поужинали в субботу, так с тѣх пор я ничего и не ѣла, кромѣ одного маленькаго кусочка хлѣба в земляничѣ у Карягина. А гдѣ-же он? Гдѣ зеленые? — вспомнив о своем мучителѣ, забеспокоилась она.

— Не беспокойся, дружок. Хотя они и не наказаны еще, но сегодня мы с ними рассчитаемся.

Введя весь свой отряд в кусты и выставив часовых, Глѣб принялся угощать Наташу взятой с собою провизіей. Радостная и веселая, она не переставала щебетать, рассказывая Глѣбу о только что минувшем и о своем знакомствѣ с Корсаковым, о ихъ соимѣстномъ путешествіи на Дон и повторила ему рассказъ юноши обо всемъ происшедшемъ с нимъ послѣ его ареста.

— Давайте-ка теперь поговоримъ о дѣлѣ, — обращаясь къ офицерамъ и Корсакову, началъ Глѣб. — Сейчас я думаю отправиться съ вами, юнкеръ, съ вами, Кудиничъ, и съ вами, Бутеневъ, поближе къ лагерю и осмотрѣть его. В заиспешности отъ того, что увидимъ, мы и предпримемъ рѣшеніе. На время моего отсутствія, командованіе десантомъ поручаю вамъ, Александровъ.

Вскорѣ всѣ четверо скрылись, потонувъ в зелени кустовъ. Осторожно пробираясь за Корсаковымъ, развѣдчики рыползли на зубообразной утесъ, откуда лагерь былъ видѣнъ, какъ на ладони.

— На этомъ утесѣ, — пояснилъ Корсаковъ, — обыкновенно днемъ и ночью стоитъ часовая, но сегодня зеленые безпечны. Имъ и в голову не приходитъ, что преслѣдователи могутъ быть такъ близко, да еще со стороны горъ.

Между тѣмъ в лагерьѣ царило оживленіе. На мулахъ, на ослахъ, а то и просто на спинахъ людей поднимались грузы и укладывались в штабеля. В лагерьѣ распоряжался Грошевъ, в то время какъ Карягинъ с отрядомъ Кумлежко.

находился внизу. На шоссе, готовый встрѣтить преслѣдователей, если они появятся.

— Прекрасно, — произнес Глѣб, — тщательно осмотрѣв мѣстность. — Вот что, Кудинъч. Наступление мы предпримем ночью, перед восходом луны. Десантъ я раздѣлю на двѣ части. С одной пойду я сам и займу спущенку этих кустов, с другой-же частью пойдете вы и займете вершину вон того хребтика. Вас-же, Бутенев, я попрошу взять всѣ пулеметы и забраться на этот утес. Время атаки я выберу сам. Думало, что мы ее начнем с восходом луны. Теперь слушайте. По моему сигналу: трем револьверным выстрѣлам и свистку, вы, Бутенев, откроете огонь вот по этому району, что прилегает к большой землянкѣ. Когда-же услышите крики “ура”, то перенесите огонь на другую половину площади. Это я говорю относительно двух пулеметов, третій-же пусть непрерывно дѣйствует по той тропинкѣ, по которой сейчас двигаются люди. Вы же, Кудинъч, все-таки не должны спрѣлать до тѣх пор, пока не увидите зеленых, спасающихся вниз по тропинкѣ. Помните о пулеметах Бутенева, вы постараетесь перебить бѣглецов. Все-ли понятно, господа? Нѣтъ-ли вопросов?

Но вопросов не оказалось. Также безшумно, как и появились, всѣ четверо исчезли в зарослях.

ГЛАВА VII.

— Странно, — между тѣм думал Карягин, наблюдая за оставленным в арьергардѣ отрядом Кулебяко и за разгрузкой телѣг. — Странно, что до сих пор нѣтъ пре-

слѣдовація. Впрочемъ, с какими силами пойдетъ противъ меня Орловъ? С сдѣими командами его мивноосцевъ, безъ поддержки судовой артиллеріи, я по крайней мѣрѣ не рискну бы связываться с сильнѣйшимъ противникомъ, да еще в незнакомой мѣстности. Комедантскую полуроту считать нельзя. Она такъ деморализована, что еще не скоро будетъ в состояніи воевать.

Уже начинало темнѣть, когда послѣдняя подвода была разпружена и ея поклажа перенесена в лагерь.

— Товарищ Кулебяко, — крикнулъ Карягин. — Оставьте здѣсь для наблюденія небольшой караулъ, а сами съ стрядомъ отправляйтесь в лагерь.

— Слушаю, товарищ!

Шагая по горной тропинкѣ, Карягин отдался сладкимъ мечтамъ о предстоящемъ блаженствѣ.

— Накотеч-то, — думалъ онъ. — Вѣдь только подумать, сколько я изстратилъ энергии для этого момента. А она сидитъ себѣ в землянкѣ и заливается горючими слезами. Ничего. Стерпится — слобится. Не даромъ существуетъ эта мудрая пословица. Женщина, прежде всего, пѣнитъ в мужчинѣ силу. Если онъ честенъ, добр, хорош, но слабъ — грошъ ему цѣна въ ея глазахъ. Другое дѣло, если онъ силенъ и удачливъ. Самыя отвратительныя подлости она ему прѣститъ. Да не только прѣститъ, но еще и восторгаться имъ будетъ.

В самомъ радужномъ настроеніи вошелъ онъ в лагерь. Но каково-же было его бѣшенство, когда передъ нимъ предсталъ блѣдный Федюшко. Сохранявшій хладнокровіе в самыя тяжелыя минуты жизни, на этотъ разъ Карягин не выдержалъ.

— Повѣшу тебя, подлеца! — топая ногами, кричал он. — Как ты прозѣвал? Ворона! Вѣдь я тебѣ, своту, десьть человек дал для охраны. О, негодяй! О, подлец! — кричал он в иступлении.

— Да она, товарищ, не могла далеко уйти. Завтра, чуть свѣтъ, снова все кругом обыщем, — пробовал его успокоить Федченко.

Нѣсколько придя в себя, Карягин задумался.

— Пожалуй, этот негодяй прав. Далеко-ли она могла уйти, меньше чѣм за один сугки? По этим горным тропинкам и сельному мужчинѣ тяжело ходить, тѣм болѣе ей, слабой дѣвушкѣ.

— Слушай, скотина, — обратился он к злосчастному тюремщику. — Завтра, чуть свѣтъ, освѣдася моего шоя, да посадиш на лошадей тѣх десять человек. Понимаешь?

— Так точно, товарищ!

Лагерь медленно засыпал. Гул голосов затих. Временами слышалось рканье и пофыркиванье лошадей, да порой из землянки Прошева доносились истерическія рыданія несчастной Татьяны Романовны. Мало по малу стихли послѣдніе звуки и лагерь окончательно заснул.

Карягину не спалось. Казалось, воздух его землянки еще хранил в себѣ ея запах. Зеркало, казалось, еще отражало ея тѣнь и вся землянка была полна ею. Не в силах заснуть, он вышел наружу. Необъятное небо раскинуло над лагерем свой, сверкающій, как алмазами, иридами звѣзд, шатер. Тишина стояла мертва. Налетавшій изрѣдка легкій вѣтерок еле шевелил листву, произво-

дя невнятный шорох и наполняя воздух удушливо-сладким запахом пѣвлов. Полный тяжелой задумчивости, скрестив руки на груди, Карягин облокотился об угол своей землянки, да так и застыл, подавленный неудачей. Уже с полчаса стоял он таким образом, как вдруг ему показалось, что в близлежащих кустах кто-то двигается.

— Кто там может быть? — подумал он, прислушиваясь. — Вѣроятно, ктонибудь из отряда Кулебяко выбрал там себѣ ночлег, — рѣшил он, и уже болѣе не обращал вниманія на доносившійся, время от времени, шум сухих вѣток.

Время шло, а он все продолжал стоять в той-же позѣ. Ночь начинала блѣднѣть и на востокѣ появилось зарево от восходившей луны.

— Но, чу, что это? — Там, в кустах, он ясно слышит, как двигаются люди. Даже нѣсколько невнятных слов, произнесенных в полголоса, долетѣло до него. Между тѣм из-за горизонта показался краешек луны и свѣтъ ея прерѣзал мрак ночи, заливая землю мягким, задумчивым свѣтом.

— Кто там? — обернувшись к кустам, крикнул Карягин, дѣлая нѣсколько шагов в их направленіи.

В этот момент, один за другим, раздалось три револьверных выстрѣла и рѣзкій свист прервал тишину ночи. Не успѣвъ Карягин сообразить в чем дѣло, как со скалы, возвышавшейся над лагерем, затрепала пулеметы. Лагерь мгновенно ожил. Крик, стоны, колыбы, ругательства и трескотня выстрѣлов, все смѣшалось в один непрерывный гулъ. Обезумѣвшіе, со сна вчето не понимав-

щие, люди бросались прямо под пулеметы и гибли десятками. Прижавшись к стѣнѣ землянки, Карягин нѣсколько минут оставался неподвижным, а затѣм, опредѣлив направление выстрѣлов, бросился к тому утесу, с котораго раздавался трескъ пулеметов, и стал карабкаться почти по отвѣсным камням.

Поднимаясь все выше и выше, луна как днем освѣтила страшную картину хаоса и смерти, какую теперь представлял собою лагерь. На центральной площадкѣ пѣлыми горами лежали тѣла убитых и раненых. Кто еще оставался цѣл, бросился бѣжать вниз по тропинкѣ и гиблод огнем Кудрякова. То в одну, то в другую сторону бросались обезумѣвшіе люди и падали пораженные невидимым врагом.

Вот грянуло “ура” и из кустов, словно дьяволы из преисподней, появились моряки, уничтожая штыком тѣх, кого пощадила пуля. Побѣда была полная. При свѣтѣ луны Глѣб осмотрѣл, весь заваленный горами мертвых тѣл, лагерь. Приказав прекратить огонь и собрать пленных, он пошел к землянкѣ Карягина. Чиркнувъ спичку, он зажег стоявшую на столѣ лампу.

— Так вот она, темница моей Наташи, — думал Глѣб, осматривая комнаты. — Какое пекло, однако! С каким комфортом устроил свое логовище.

— Можно войти? — вдруг раздался знакомый голос, и, не дожидаясь отвѣта, в землянку вошла, сопровождаемая Корсажским, Наташа. — Как дѣла? — обратилась она к жемуху.

— На голову разбили, — отвѣчал тот довольным тоном.

— А гдѣ Карягин?

— Пока он еще не обнаружен, но сейчас Кудипов регистрирует плѣнных. Может быть он среди них. Если среди плѣнных его не окажется, то завтра, при свѣтѣ дня, поищем между ранеными и убитыми.

— Глѣб Николаевич, — появился в дверях, лскій на поминѣ, Кудипов. — Я осмотрѣл всѣ щели, но больше никого не нашел.

— А сколько их всѣх?

— Всѣх восемьдесят девять человек и в том числѣ семнадцать легко раненых.

— Карягина поймали?

— Нѣт. Его я не видѣл.

— Жал.

— А что прикажете дѣлать с плѣнными?

— перевяжите их всѣх. Пусть ползат до утра

— А как-же раненые?

— Да что-же с ними дѣлать? Вѣдь у нас доктора нѣт. Да и перевязочных матеріалов на всѣх не хватит.

— Матеріалов-то сколько хотите, — отозвался Кортсаков. — Запас их еще давно сдѣлан зелеными.

— Я их перевяжу, — рѣшительно заявила Наташа. — Не звѣри-же мы, в самом дѣлѣ. Развѣ можно отказывать в помощи страдающим людям?

— Там, среди штырных, фельдшер есть, — заявил Кудинов.

— Фельдшер? Давайте его сюда. Сейчас мы это дѣло наладимъ, — обрадовался Глѣб.

— Глѣб Николаевич, — снова заговорил Кудинов, отводя его в сторону. — Вѣдь Татьяна Романовна здѣсь.

— Какая Татьяна Романовна?

— Да комендантская дочка.

— Как она сюда попала?

— Силой взяли ее из Туапсе. Она тут, в землянкѣ пачальника. Об то ее и похитил.

— Боже мой! Вот несчастная дѣвушка! — воскликнул Глѣб.

— Что такое? Какая дѣвушка? — вспрепугалась Наташа.

— Представь себѣ, эти негодяи привезли сюда дочку нашего коменданта и Бог знает, что с нею сдѣлали.

— Цѣ-же она?

— Тут. Е одеой из землячок.

— Ах, несчастная! — воскликнула Наташа. — Ведите меня к ней. Ее нельзя в таком несчастіи оставлять одну. Знаешь, Глѣб, поручи ты мнѣ санитарную часть. Я и эту дѣвушку в работѣ приспособлю. Ей же легче будет.

— Что-же, я согласен.

— Василій Семенович, — обратилась Наташа к Кудинову. — Я вас очень прошу, приспособьте одну из землянок под переходочный пункт и пусть фельдшер начинает перевязки, а меня проводите к этой несчастной. Как

только я ее усложню, то приду помогать. Кстати, как ее зовут?

— Гатьяной Романовной. Только она никого к себе не допускает. Ни с кѣм говорить не хочет. Лежит лицом вниз и молчит.

— Ничего, ничего. Идемте скорѣе.

Растрепанная и растерзанная, лежала несчастная дѣвушка, упиравъ лицо в подушки. Полныя мрачнаго отчаянiя мысли наполняли ее бѣдную голову.

— Умереть бы!.. Умереть бы!.. — изрѣдка шептали ей губы. — Ах, если бы они пришли раньше!.. Что мнѣ дѣлать? Боже мой, что мнѣ дѣлать? Опозоренная, обезчещенная, как я им всѣм в глаза посмотрю? О, проклятый, проклятый!.. Что ты со мною сдѣлал?..

Вдруг кто-то вошел в землянку и по шуршанiю платья она, к крайнему удивленiю, догадалась, что то была женщина.

— Полно убиваться, — заговорила Наташа. — Вы еще так молоды, вся ваша жизнь еще впереди. Вы и не замѣтите, как забудете то, что с вами произошло. Вѣдь вы же не виноваты. Ну, развѣ можно уберечься от бѣшенн^{ой} собаки, а вас именно бѣшенн^{ая} собака укусила.

Несчастная продолжала лежать, не поднимая головы и не отвѣчая ни слова.

— Ну, случилось и случилось, — продолжала Наташа. — Надо примириться с фактом. Вѣдь жизнь так хороша. У вас впереди еще столько радостей и горестей, а вы от первого же, не спорю, крупнаго несчастья уже пали духом. Встряхнитесь, возьмите себя в руки. Вот там,

на дворѣ сколько людей лежит, корчась от страданій и напрасно ожидая помощи. Подумайте, как страдают они и вам ваша мука покажется легче.

Под влиянемъ ласковыхъ словъ Наташи, сердце несчастной стало согрѣваться и она вдругъ разразилась бурными рыданіями.

— Успокойтесь! Успокойтесь, моя бѣдная дѣвочка! — шептала Наташа, цѣлуя ея мокрыя щеки.

— Ку... ку... куда я те... те... теперь пожуь, — всхлипывала та. — Опозоревная! Что мнѣ теперь остается в жизни? Кто меня полюбит такую?

— Полно, полно! — отрывая отъ плечушки ея голову и кладя къ себѣ на колѣни, продолжала Наташа. — Развѣ любовь только в этомъ и заключается. Стыдитесь! Человѣкъ, который васъ полюбитъ, только пожалѣетъ васъ, узнавъ о вашемъ несчастіи. Если же онъ иначе къ вамъ отнесется, то значитъ онъ васъ не любитъ и самъ не достоинъ любви.

Мало по малу, Татьяна Романовна начала успокаиваться, а затѣмъ можно было видѣть, какъ обѣ дѣвушки, крѣпко обнявшись, сидѣли рядомъ и о чемъ-то шепотомъ переговаривались.

— Давайте-ка я приведу васъ в порядокъ, — принимаясь оправлять костюмъ и укладывать волосы все еще всхлипывавшей Татьяны Романовны, произнесла Наташа.

— Вотъ теперь вы совсѣмъ молодецъ, — оглядывая и цѣлуя ея, сказала она. — Умойтесь-ка, освѣжите лицо и идемте перевязывать раны.

— Но, вѣдь я не умѣю, — стозввалась та.

— Ничего. Вы будете мнѣ помогать, а то одной мнѣ будетъ трудно.

Не прошло и полчаса, как в устроенном Кудиновым перевязочном пунктѣ закипѣла работа. Фельдшер и Наталша дѣлали перевязки, а Татьяна Романовна помогала им, подавая то іод, то вату, то бинт или поддерживая раненых.

Распорядившись постановкой караулов, Глѣб разрѣшил своему отряду отдых, а сам, при помощи Корсакова, принялся разбираться в письменном столѣ и в чемоданах Карягина. Сначала ему попало нѣсколько незначительных писем, а затѣм цѣлая пачка документов, по которым он прослѣдил всю службу Карягина у большевиков, начиная с самаго Петербурга.

— Нечего сказать Хорош гусь!

Вскрыв один из чемоданов, Глѣб убѣдился, что в нем были только одни деньги, поверх которых лежал какой-то список. “Контрибуція” прочел он, поднося его к лампѣ. “Взято из казначейства” столько-то, слѣдовала довольно крупная сумма. “Внесено частными лицами” и дагѣ слѣдовали фамилии с обозначеніем суммы внесенных денег.

— Не душно распорядился, — улыбнулся Глѣб. — Только самые богатые попали сюда.

— Этакіе мерзавцы, — обратился он к Корсакову. — Вы представьте себѣ. Когда дѣлался сбор добровольных пожертвованій в пользу нашей арміи, то эти толстосумы отдѣльвались рублями. Самое большее, если рублей сто что-нибудь даст. Теперь же, под угрозой такого негодяя, как Карягин, десятки тысяч уплатили мерзавцы. Впрочем, этих денег они не уявят. Имн я сам распоряджусь. Только в казначейство верну.

Между тѣм луна начала блѣднѣть и на востокѣ загорѣлась заря

— Ох, устала! — входя в землянку под руку со смущенной Татьяею Романовной, вскрикнула Наташа.

— Здравствуйте, барышня, — протягивая руку освобожденной вольнице, произнес Глѣб. — Что и вас она втянула в работу? — указывая на Наташу, продолжал он.

— Какая масса равных, — между тѣм продолжала Наташа. — Все ты виноват! — улыбаясь и показывая кулачек, говорила она. — Ууу, противный! Сколько людей искалѣчил. А нѣтъ-ли чего поѣсть? Мы с Татьяной Романовной, как волки голодны.

— Конечно, есть, — отвѣчал Глѣб. — Там, в столовой, поджидая вас, я давно спиртовой кофейник поставил.

— Татьяна Романовна, скорѣе идите сюда. Посмотрите-ка, что здѣсь есть, — уже из столовой звала ее Наташа. — Смотрите-ка кофе, консервированное молоко, хлѣб, сыр, масло, ветчина, да вѣдь это цѣлый пир. Спасибо тебѣ, Глѣбушка, — усаживая Татьяну Романовну и садясь сама, благодарила она жениха.

— Да ты не меня, а Каряпина благодари. Это вѣдь все он приготовил, а я только на стол накрыл, да кофе согрѣл. Кстати, среди равных не было его?

— Нѣтъ, мы его не перевязывали.

— Надо посмотрѣть среди убитых.

— Признаться, я думаю, что он убѣжал, — произнесла Наташа. — Не такой он человек, чтобы не приготовить себѣ зранѣе пути отступленія.

— Посмотрим, — отвѣчал Глѣб. — Во всяком случаѣ, ядовитые зубы этой гадины пока что вырваны. А гдѣ же Корсаков? Отчего ты его не пригласила закутить? Николай Константинович! — крикнул он в другую комнату, гдѣ бѣдный, забытый юноша, забившись в угол, просматривал какую-то книгу. — Идите-же кофе пить. Чего вы там прячетесь? Надо и офицеров пригласить на кофе. Сходите-ка, юноша, да позовите... — но он не дожидаясь своей фразы, поймав умоляющій взгляд Татьяны Романовны, обращенный к Наташѣ.

— Не стоит их звать. — отозвалась послѣдняя. — А то и я, и Татьяна Романовна такія растрепанныя, что, право, совѣстно на глаза посторонним людям показаться. Лучше давай сдѣлаем так: когда мы нашьемся кофе, то отправимся с ней в спальню и отдохнем немножко, а ты тогда пригласи сюда кого хочешь.

— Отлично, — согласился Глѣб. — Только вы ложитесь бы обѣ по настоящему. Раньше обѣда я отсюда не тронусь. Надо же людям дать отдохнуть, да и самому вздремнуть часочек.

Когда дѣвушки удалились в спальню, он послал Корсакова за офицерами, а сам, устѣвшій за письменный стол, принялся за письмо к Николаю.

“Милый Коля. Благодаря Бога, мнѣ удалось на голову разбить зеленых и сейчас, вмѣстѣ с Наташей, я сижу в их лагерьѣ. По полученіи этого письма, немедленно распорядись, во-первых, чтобы в больницѣ приготовили мѣста для шестидесяти семи раненых. Во-вторых, протелеграфируй Менишикову о случившемся. В третьих, вышли ко мнѣ по возможности большее число подвод и ра-

бочих, снабдив их посылками, и, в четвертых, предупреди коменданта: если он излив, а если нѣтъ, то коменданту, что их дочь, Татьяна Романовна, находится у меня и сейчас в полной безопасности. Представь себѣ, Коля, несчастная дѣвушка стала жертвой гнуснаго насилія одного из зеленых командиров и теперь страдает ужасно. Я полагаю, оставив здѣсь полосу моего отряда под командой Кудина для охраны раненых и наработавшаго имущества, сегодня послѣ обѣда выступить в Туалсе. Ах да, вышли мнѣ навстрѣчу какой-нибудь экипаж для дам. Брѣшко яму твою руку. Глѣб”.

Окончив письмо, он обратился к закусывавшим офицерам.

— Кто из вас, господа, умѣет хорошо ѣздить верхом?

— Я, — отозвался Кудинов.

— Я, я, я, — заявили остальные.

— Э, да вы всѣ кавалеристы, как я погляжу. Я вас выбираю, Александров. Как закусите, прикажите осѣдлать одного из наших дѣльных коней и скачите с этим письмом в Туалсе к Николаю Николаевичу. А вы, Кудинъ, осмотрите убитых.

— Осмотрѣл, но Карягина среди них нѣтъ.

— Сбѣжал такн, вегодай. А жаль, очень жаль!

ГЛАВА VIII:

Проводив десант, Коля приказал убрать сходы и приготовился к отраженію атаки. Предосторожность эта оказалась излишней, так как никакого нападенія не по-

следовало. Лишь только взошло солнце, во главѣ маленькаго отряда он отправился в город. Жители еще спали, все еще считая себя во власти зеленых. Убѣдившись, что в городѣ все тихо и никаких зеленых нѣтъ, он отправился к казармам полуроты. Выломавъ запертую дверь, он вошел въ помѣщеніе, наполненное спящими солдатами, городовыми и какими-то статскими. Проснувшійся фельдфебель, увидѣвъ офицера, быстро вскочил на ноги и подошел к нему.

— Здорово, братец.

— Здравія желаю, господин лейтенант.

— Что это у вас такое? В чем дѣло?

— Так что зеленые, господин лейтенант.

— Какіе зеленые? Гдѣ зеленые?

— Город захватили зеленые, господин лейтенант.

— Сейчас, братец ты мой, я весь город обошел и никаких зеленых не видѣл.

— Надо быть, этой ночью ушли.

— Ну, хорошо, расскажи же теперь мнѣ толком, что здѣсь надѣлали зеленые и гдѣ комендант?

— Господин комендант и всѣ господа офицеры разстрѣляны, а окромя этого, никакого безобразія зеленые больше не устроили. Говорит народ, что еще казначейство ограбили, да с купцов контрибуцію взяли.

— А что же вы, полурота, дѣлали? Как вы их допустили, зеленых-то?

— Да тут дѣло такое вышло, господин лейтенант. Подпоили нас наперво, а потом уж и вошли в город.

— Да кто подпоил-то?

— А вы знаете господина Тонкорукова?

— Ну, знаю.

— Бѣдь он то и есть предводитель то ихній.

— Чей предводитель?

— Да зеленых.

— Ты что-то путаешь, братец.

— Никак нѣтъ, господин лейтенант. Он то, Тонкорук-ков, всѣм дѣлом и заворачивал. Сам все начальство под-поил, а двсе его лакеев, что у нас в полуротѣ служили, тѣ напоили нас, а потом спящих и перевязали. Да Тонкорук-ов-го, это фальшивая фамилия. По настоящему его Карягиным звать.

— Ага, понимаю. Вот что, голубчик. Будь своих лю-дей и веди их на пристань к миноносцам за елитовками. Там я и ротного командира вам назначу.

— Слушаюсь, господин лейтенант.

Пород просыпался и удивленные жители убѣждались в том, что снова вернулась старая власть, а о зеленых и помину нѣтъ. По улицам расхаживали патрули мѣстных солдат, а на стѣнах появились объявленія Николая о приня-тіи на себя обязанностей коменданта. Как только эти об-явленія стали извѣстны публикѣ, как миноносец Николая стали осаждать заплатившіе контрибуцію мѣстные телесто-сумы. Они буквально требовали принятія мѣр к поимкѣ зеленых и къ возвращенію им ушаченных денег. С чувст-вом глубокаго возмущенія слушал их Коля.

— Господа, — заливляя он им каждый раз. — Мѣры в поимкѣ разбійников приняты и безусловно, если ваши деньги будут найдены, вам их вернут. А вот не будете ли вы добры, если желаете, конечно, сдѣлать пожертвованіе в

пользу семейств убитых офицеров. Вѣдь они остались буквально нищими.

Рѣдко, рѣдко кто подписывал двадцать-тридцать рублей, а нѣкоторые не только ничего не давали, но даже возражали еще, что офицеры сами виноваты в своей гибели, так как не достаточно аккуратно исполняли свои обязанности по охранѣ жителей.

Протелеграфировавъ Меньшикову о случившемся и спечатавъ выписку Товкорукова, Коля отправился наѣздить мать. Слезами встрѣтила его безутѣшная старушка.

— Бог милостив, мамочка, авось удастся спасти Наташу. — Тут Коля сообщил о Корсаковѣ и о ночном походѣ, предпринятом Глѣбом.

— Дай-те Бог, — шептала обрадованная старушка. — Но какая она чудная дѣвушка! Вѣдь, кабы не пожалѣла меня и Слазу, непременно всадила-бы пулю в лоб этого негодяя.

Цѣлый день Коля провел в хлопотах и только поздним вечером смог зайти домой, чтобы провести с матерью вечер. Только что он усѣлся за чай, которым его угостила Екатерина Петровна, как в передней зазвенѣлъ звонок.

— Кто это еще принесло? — недовольным тоном произнес он.

— Здѣсь ли живет лейтенантъ Орлов? — спросила открывшую дверь Екатерину Петровну какая-то дама.

— Да. Здѣсь.

— Скажите ему, пожалуйста, что его просят вдова бывшего коменданта.

— Ах, это вы? Заходите, пожалуйста, — засуетилась старушка.

— Коля! Коля! — зрала она сына. — Иди сюда спорѣй. Тут тебя спрашивают по важному дѣлу.

— Чѣм могу служить? — раскланявшись, спросил Коля.

— Я к вам с огромной просьбой, — начала Анна Павловна. — Я вдова бывшаго коменданта.

Тут, на мгновеніе, голос ея сорвался и она подошла платок къ влажнымъ глазамъ.

— Простите ради Бога, что я сам до сих пор не побывал у вас, — спохватился онъ. — Но, повѣрьте, я не имѣлъ за цѣлый день ни одной свободной минуты. Так что же прикажете? Для вас я постаралось сдѣлать все, что только возможно.

— Видите-ли, эти негодяи мало того, что убили моего мужа, но еще надругались над дочерью и увезли ее съ собою. Умоляю вас, верните мнѣ ее.

Тут она больше не выдержала и разрыдалась.

— Вѣрните мнѣ мою дѣвочку, мою мученицу, — съвзвось рыданія шептала она, простирая къ Колѣ трясущіяся руки. — Вы тоже мать, — вдруг обратилась она къ плачущей Евалеринѣ Петровнѣ. — Вы понимаете меня. Умоляю вашего сына вернуть мнѣ дочь.

— Сударыня, сударыня, — нѣсколько раз пытался заговорить тоже взволнованный Николай. — Всѣ дѣла прячаты. Еще ночью мой брат, во главѣ цѣлаго отряда, отправился преслѣдовать разбойниковъ. Я глубоко увѣрен, что дня через два он вам вернетъ вашу дочь.

— Спасибо вам. Спасибо вам, — шептала несчастная жѣница.

— Знаете что? — вдруг обратилась к ней Екатерина Петровна. — Бѣдь вы одна теперь остались в кватирѣ?

— Одна, совсѣм одна, — отвѣчала гостя.

— Переходите, пока что, жить к нам. Мѣсто у нас найдется, а и вам и мнѣ будет веселѣе. Я вѣдь тоже все это время одна. Только с внуком. Вот как вернутся наши дѣти, тогда вы и переедете к себѣ, а пока я вас съезд прошу погостить у нас.

— Я же вас стѣсню, — нерѣшительно возражала Анна Павловна.

— Ничуть не стѣсите. Увѣрю вас.

— Мама права, — поддержал ее Коля. — Безусловно вы должны переѣхать к нам и переждать здѣсь до возвращенія дочери. Я сейчас распоряджусь, чтобы вам подали лошадь, на которой вы перевезете необходимыя вещи.

— Если позволите, то и я с вами поѣду, — заявила Екатерина Петровна, пожимая руку несчастной женщины.

Через час Анна Павловна водворилась у Орловых. Коля ушел на митинг, а обѣ жепщицы долго еще сумерничали, дѣлясь своими несчастьями.

— Я уж и не знаю, — говорила Анна Павловна, — чѣм мы с Таней жить будем. Нам и то нехватало жалованья покойника, так что время от времени приходилось продавать что-нибудь из драгоценностей. Теперь и продавать уже нечего. Эти звѣри ограбили нас до чиста. Даже часы-браслетку сняли у меня с руки. Все серебро, кольца, часы, все забрали.

— Не унывайте, Анна Павловна. — Коли Бог даст жизнь, Он и средства к ней даст. На все Бог Святая до-

ля. Бог вы, может быть, стчайиваетесь и не надѣйтесь на то, а уж Он о вас позаботился. Только не падайте духом. Терпите и вы увидите, что жизнь еще вам улыбнется.

— Куда уж мнѣ жить, дорогая Екатерина Петровна. Я то свою жизнь прожила. Танечку, Танечку мнѣ жалко. Ну, положимъ, вдвоем с нею мы заработаем на жизнь, но подумайте только: такая молоденькая, она уже должна забыть о всѣх радостях жизни, которых еще даже не видала и всю жизнь только о кускѣ хлѣба заботится. Для нея даже на семейную жизнь, послѣ насилія, жертвою котораго она стала, нѣтъ надежды.

— Тяжело, Анна Павловна. Слов нѣтъ. Но мнѣ кажется, что вы слишком мрачно смотрите на вещи. Бог даст папше командованіе выдаст вам пособіе и пенсію назначит. Может быть, мой Глѣб кое-что из похищенных у вас цѣнностей стобьет у разбойников. Глядишь и легче станет. Что-же касается насилія, которому подверглась ваша дочь, то как ни ужасно это, все таки падать духом не слѣдует. Если встрѣтится ей хорошій человек и полюбит ее, то, узнавъ о ея несчастіи, только пожалѣет. Погубьте.

Только глубокой ночью разошлись старушки по своим комнатам.

— Вот вслѣдствію несчастная женщина, — думала Екатерина Петровна, укладываясь спать. — А что-то с моим Глѣбом теперь? Жив-ли он? — Но ея материнское сердце не предчувствовало бѣды и вскорѣ она спокойно заснула

Ранним утром слѣдующаго дня Колѣ подали телеграмму Менышикова: “Утром в Туапсе выходит пароход “Ольга” с новыми чинами администраціи и ротой пѣхоты. Телеграфируй результат операціи, предпринятой Глѣбом”.

— Слава Богу, — подумал он. — Наконец-то я освобожусь от губернаторских обязанностей. Так надоѣло возиться со всеми этими кушчишками, судейскими крючбками и прочей гадостью. Однако, как ни противно, а за работу приниматься надо. Я думаю, меня и то уже ждут в комендантском управленіи.

Через полчаса он уже сидѣлъ в кабинетѣ коменданта и подписывал какіе-то приказы об арестѣ таких-то и об освобожденіи таких-то. Около одиннадцати часов утра ему передали, доставленное Александровым, письмо Глѣба.

— Ай-да Глѣб! Вот так молодец! — крикнул он радостно.

Толпившіеся около него чиновники были крайне поражены такою непринличной веселостью коменданта в присутствіи мѣстѣ и в присутственное время. Там не мѣжѣ, они были сильно заинтересованы.

— К черту бумаги! — пересаживаясь с кресла на стол и болтая ногами, крикнул он.

Чиновники ошочительно смутились.

— Полная побѣда, господа! Брат пишет, что на голову зеленых разбил. Ура!.. — крикнул он, вызываяще поглядывая на чиновников. — Что-же вы не кричите? Или не рады? — на секунду прервал он свой крик.

Дѣлать было нечего и чиновники, стоя с потупленными головами, закричали “ура”. Насладившись их сму-

щеніем, Коля внезапно оборвалъ крик, снова сѣлъ въ кресло и, принявъ дѣловую, начальническую видъ, принялся отдавать распоряженія по тѣмъ пунктамъ, которые значились въ письмѣ. Дѣло и тут не обошлось безъ бумажекъ, такъ что только въ первомъ часу, подписавъ послѣднюю, онъ поспѣшилъ домой.

— Поздравляю! Поздравляю! — размахивая письмомъ, еще издали кричалъ онъ сидѣвшимъ въ напесадникѣ старушкамъ. — Письмо отъ Глѣба! Полная побѣда! Зелёные разбиты на голову и ваша дочь въ полной безопасности.

— Да погоди ты, сумасшедшій, — произнесла ожившаяся Екатерина Петровна. — Дай сюда письмо, — и, надѣвъ очки, она начала внимательно читать вслухъ. — Вотъ видите, гаша дочь, Татьяна Романовна, находится при сынѣ и въ полной безопасности.

— Слава Господу Богу! — перекрестилась та.

— Когда же они прїѣдутъ? Какъ ты думаешь? — спросила она сына.

— Не раньше какъ къ пяти, къ шести часамъ. Впрочемъ, можетъ быть и раньше, такъ какъ я послалъ за новымъ барягинскій автомобиль. Ну, мама, надо приготовить что-нибудь этакое, чтобы достойно встрѣтить побѣдителей. Вотъ что я придумалъ, слушай. Часа черезъ три сюда придетъ пароходъ съ новой администраціей, такъ что къ вечеру я освобожусь отъ своихъ губернаторскихъ обязанностей. Къ этому времени и ваши здѣсь будутъ. Вотъ ты и сосрѣдай ужины съ закусками. Хорошо, мамочка?

— Ахъ, ты пьяница! — качая головой, улыбалась Екатерина Петровна. — Тебѣ только бы выпить. Ну да ужъ, ладно. Все устрою.

... — Спасибо! Вот спасибо! — воскликнул он, поднимая мать на руки и кружась с ней по полисадиночку.

— Оставь, безбожник! — протестовала та. — Ох, голова кружится, — дѣлая вид, что сердится, говорила старушка.

— Ну, мнѣ пора, — сказала мать в кресло, задвигая Николай. — До свиданья. Так не забудь-же на счет ужина, а водки и вина я сам принесу, — уж издали крикнул он.

Около четырех часов дня у квартиры Орловых остановился автомобиль, из которого вышли Наташа, Татьяна Романовна и Глѣб с довольно объемистым чемоданом в руках.

— Танечка! — воскликнула Анна Павловна, бросаясь навстрѣчу дочери и заключая ее в объятія.

Мать и дочь, припав друг к другу, неутѣшно рыдали.

— Что с тобой? — налетѣв, выговорила двупушка?

— Нѣтъ у тебя папы. Сироты мы с тобой несчастныя, — снова залилась она слезами.

Екатерина Петровна и Слава обнимали и целовали Наташу.

Глѣб, чтобы не уѣхать жевшицам изливаться своею горе, отпустив автомобиль, вошел в комнаты.

— Мама! — налетѣв, крикнул он. — Оставь их вдвоем. Пусть себѣ наплачутся до сыта. Я сейчас уѣду на минюсец, во часика через два вернусь, а пока спрячь куда-нибудь этот чемодан. Только имѣй ввиду, что он набит доверху.

— Господи! Да откуда у тебя столько денег!

— Это не мои, мамочка. Это я у зеленых отсбрал. Ты очень хорошо сдѣлала, что взяла к себѣ комендантшу. Пусть пока проживет у нас, а там видно будет.

— Да, Глѣбушка. Уж очень мнѣ стало жаль несчастную женщину. Вѣдь ты подумай только: мужа убили, ограбили, да еще дочь на позор увезли. Знаешь, о них тебѣ надо будет позаботиться. Вѣдь онѣ теперь нищія.

— Не безпокойся, мама. Я уже подумал о них и общаю тебѣ, что нуждаться онѣ не будут.

— Дай-же я тебя поцѣлую за это, милый ты мой сыночек.

В то самое время, как Глѣб подходил к пристани, в гавань входил пароход “Ольга”, а Николай, в ожиданія его подхода, разгуливал по пристани.

— А! Глѣб! — радостно воскликнул он. — Поздравляю с побѣдой. Расскажи-же, как это тебѣ удалось?

В коротких словах Глѣб передал ему о происшедшем сраженіи.

— Здорово! Право, молодец! Ну, а Карягин гдѣ?

— Бѣжал вегодѣй.

— Вот это жаль. Я с удовольствіем собственноручно бы его повѣсил.

— Это что за пароход? — прервал брата Глѣб.

— Ах да, вѣдь ты еще не знаешь. Это “Ольга”. Он везет роту пѣхоты и чинов новой администраціи.

— Что-ж ты раньше не сказал? Вѣдь мнѣ надо представиться новому коменданту.

— Ничего. Успѣется. Да вѣдь и мнѣ тоже надо, так какъ пока что вѣдь я комендант.

— И то правда. Так пойдем вместе.

Между тем пароход опшвартовался и, лишь только опустили на берег сходни, братья вобьжали на палубу.

— Гдѣ здѣсь комендант Тушсе? — обратился Глѣбъ к одному из находившихся на палубѣ офицеров.

— А вот тот полковник, что стоит на кормѣ.

Пройдя на корму, братья приблизились к высокому, худому, с пѣлои коншой рыжих волос человеку в полковничьих погонах.

— Позвольте, господин полковник, представиться. Старшій лейтенант Орлов, начальник полудивизиона миноносцев, — проговорил Глѣбъ, прикладывая руку к козырьку.

Показав прстянутую ему руку, он представил и Николая, как временнаго коменданта города.

— Очень пріятно познакомиться, господа, — отвѣчал полковник. — Я надѣюсь, что вы мнѣ поможете разобраться в этой путаницѣ, которая, без сомнѣнія, здѣсь царит.

— С удовольствіем, на сколько сможем.

— А теперь же посовѣтуете-ли мнѣ, глѣ бы я мог устроиться на ночь, так как пароход уходит через полчаса.

— Об этом не беспокойтесь. В гостиницѣ “Европа” для вас и ваших офицеров отведено шесть комнат, а на пристани стоит автомобиль, — отвѣчал Коля.

— Спасибо. В таком случаѣ, можно будет сейчас же и ѣхать?

— Если желаете. Что касается вашей роты и багажа, то здѣсь-же, на пристани, дожидаются подводы.

— Еще раз благодарю вас, господа. Я не рассчитывал на такую любезность с вашей стороны.

Через четверть часа новый комендант, в сопровождении обоих братьев, адъютанта и востового, уже под'езжал к гостинице. Номер, отведенный ему, состоял из двух комнат: спальни и кабинета, в котором Коля уже приготовил целую кипу бумаг для передачи их новому начальнику.

— Сначала я вас буду просить рассказать, — обратился последний к братьям, — что здесь произошло и в каком положении дело находится сейчас.

Гл'б начал подробно излагать ему события, начиная с самого появления в Туатсе Гонкорукова и кончая сражением в горах и полным уничтожением зеленых. Он освятил его в положение, оставленного в поселке зеленых, десанта, охранявшего грузы, и в принятые меры для вывоза как этих грузов, так и раненых.

— Теперь, господин полковник, обо всем происшедшем в городъ вам расскажет брат, исполнявший все это время обязанности коменданта города.

Коля приступил к рассказу, именуя подавая одну бумагу за другой. Когда он подал целую кипу заявлений ограбленных Карягиным кушцов, требовавших возвращения им денег, комендант снова обратился к Гл'бу.

— А что, лейтенант, удалось ли вам отбить деньги?

— Часть я отбил и именно те, которые были взяты из казначейства. Что же касается денег, отображенных у кушцов, то о них я никаких сведений не имею.

— А почему вы р'шили, что отображенные деньги именно те, которые взяты из казначейства?

— Во-первых, по суммѣ денег, а, во-вторых, по надписи на пакетѣ, в котором онѣ находились.

Окончивъ дѣла, комендантъ пригласилъ-было братьевъ поужинать, но тѣ, сославшись на усталость, уклонились и часамъ к десяти уже подходили к своей квартирѣ.

Наплакавшись изволю Анна Павловна и Татьяна Романовна принялись благодарить Екатерину Петровну за гостеприимство, собираясь отирамьяться домой.

— Нѣтъ, нѣтъ, — запротестовала послѣдняя. — Сынъ мой не позволилъ васъ отпускать. Мѣста для всѣхъ хватитъ, а завтра еще увидимъ, что предпринять. Кстати, вот вы, Анна Павловна, жаловались на то, что остались безъ средствъ, а вы знаете, что сказалъ мнѣ сынъ? Онъ далъ мнѣ слово, вы нуждаться не будете.

— Спасибо ему. Что-же для этого онъ думаетъ сдѣлать?

— Этого я не знаю. Одно мнѣ извѣстно, что онъ позаботится о васъ.

Приведя себя в порядок, обѣ дѣвушки принялись похотѣть Екатерину Петровну готовить ужинъ и накрывать на столъ, такъ что, когда, нагруженные бутылками и всевозможными сластями Коля и Глѣбъ вошли въ комнату, ихъ уже ждалъ накрытый и разукрашенный свѣтами столъ.

Анна Павловна хотѣла было уклониться отъ ужина, но ее уговорили этого не дѣлать. Ужинъ прошелъ весело и оживленно. Даже Татьяна Романовна, поддавшись общему настроенію, нѣсколько развеселилась.

Прошло два дня. Моряки, оставленные Глѣбомъ в носолѣбъ зеленыхъ, вернулись. Имущество снова переезжали в

город. Деньги, принадлежавшія казначейству, Глѣб сдал. Все успокоилось и жизнь в Туалсе, мало по малу, начала входить в свою обычную колею. Однажды к Глѣбу явился ад'ютантъ коменданта, с просьбой зайти в управление.

— Садитесь, пожалуйста, — протягивая руку, пригласил его комендантъ. — Я вас встревожил вот по какому дѣлу. По просьбѣ спрабланных зелеными кунцов, я шарядил маленькое слѣдствіе, которое выяснило, что атаман зеленых рѣкъ награбленные деньги уложил в один чемоданъ и до самаго поселка в нем их и вез. Затѣмъ этот чемоданъ былъ перенесенъ в его землянку, в которой его увидѣли нераспокобавнымъ. Первымъ-же человѣкомъ, послѣ бѣгства атамана, вошедшимъ в землянку, были вы

— Что вы хотите этимъ сказать? — в упоръ глядя на коменданта, спросилъ Глѣбъ.

— Да видите-ли, — отвѣдя глаза, отвѣчалъ тотъ. — Я надѣялся, что вы сможете мнѣ дать еще какія-нибудь свѣдѣнія по этому вопросу.

— Лучше всего, господамъ полковникамъ, если меня допросятъ ваши слѣдователи. Впрочем, я не отказываюсь и с вами поговорить на эту тему. На вашемъ мѣстѣ, я посоветывалъ бы потерпѣвшимъ жулицамъ заняться изслѣдованіемъ мѣста, на которомъ находится лагерь зеленыхъ.

— То-есть, какъ изслѣдованіемъ мѣста?

— Очень просто. Въ которомъ часу зеленые увидѣли своего начальника в послѣдній разъ?

— Часовъ в девять.

— Мое наступленіе началось в три часа ночи. Слѣдовательно разбойничій атаманъ имѣлъ шесть часовъ в своемъ распоряженіи. Я глубоко увѣренъ, что, отдѣливъ ваятыя в

казначействѣ деньги, и ассигновавъ ихъ на текущіе расходы, остальные онъ закопалъ гдѣ нибудь поблизости. Вотъ почему я безусловно совѣтую начать раскопки вблизи лагеря, да при томъ поскорѣе, такъ какъ разбойникъ непременно явится въ поселокъ за этими деньгами.

Во все время разговора Глѣбъ не опускалъ своего, сдѣлавшагося стальнымъ, взгляда съ юморданта.

— Взятку получилъ, — думалъ онъ. — Иначе не сталъ бы такъ хлопотать изъ за этихъ мерзавцевъ. Чтобы ты ни дѣлалъ, голубчикъ, — думалъ онъ, — этихъ денегъ я не отдамъ, а употреблю ихъ по своему усмотрѣнію. Ручаюсь, что это будетъ справедливѣе, нежели вернуть ихъ купцамъ, которые пользуются всеми благами жизни за спиной нашей арміи, палецъ о палецъ не ударили, чтобы помочь ей. Или хотя бы нѣсколько облегчить положеніе защищающихъ, ихъ же интересы, людей.

— Да, вашъ совѣтъ заслуживаетъ вниманія. Я непременно имъ воспользуюсь.

— Это все, зачѣмъ вы меня звали? — подилялся Глѣбъ.

— В сущности, да. Вы меня извините, что обезлюбилъ васъ.

Глѣбъ поклонился.

— А вы все таки пошлите этихъ толстосумовъ. Пусть покопаютъ землю. Авось найдутъ потерянные деньги. Такъ имѣю честь кланяться.

— Глѣбъ Николаевичъ! Вамъ телеграмма, — крикнулъ вахтенный начальникъ, когда Глѣбъ проходилъ мимо мѣноносца.

Войдя на палубу, он вскрыл депешу: “С обоими миноносцами, по возможности скорѣе, иди в Новороссійск. Бери семью. Имѣю для тебя другое назначеніе. Меньшиков” прочел Глѣб.

— И прекрасно, — соображал он. — Здѣсь мнѣ уже надоѣло.

— Завтра со “Страшным” идем в Новороссійск. Прикажете приготовить к походу к одиннадцати часам утра. Да не забудьте передать об этом распоряженіи на “Страшный”. Кроме того, я попрошу вас приготовить мѣшачку, так как в моей помѣстятся четыре дамы и один ребенок.

— А надолго мы идем? — полюбопытствовал Пелидов.

— Этого я не знаю, хотя, пошлдимому, в Туапсе не вернемся.

— Ну-с, медам, — входя на веранду, гдѣ сидѣли всѣ четыре дамы, обратился к ним Глѣб, — завтра в одиннадцать часов мы окончательно покидаем Туапсе и идем в Новороссійск.

— Как так? Почему? — удивилась Екатерина Петровна.

— Не знаю причинъ, но вот телеграмма Меньшикова. Успѣете уложиться? Надо, чтобы вы со всѣми вещами уже были бы погружены на миноносец до 11 часов.

— Это то пустяки. Долго ли нам собратся? — вскринул голос, отъѣчали Наташа и Екатерина Петровна.

— Бѣдняга мы с тобой, бѣдняга, — обращаясь к дочери, произнесла Анна Павловна — Тешерь уж совсѣм одиночками остаемся.

Объ женщины видимо тронулись, так как за последние дни всей душой привязались к Орловым. Кроме того их путала новая, полная труда и лишений жизнь, даже без хотя бы моральной поддержки новых друзей.

— Относительно вашего будущего я давно с вами хотел переговорить, Анна Павловна, да все почему то откладывал, — обратился к ней Рубо. — Идемте в комнату. Там уютнее. По моему мнению, вам нѣтъ никакого смысла оставаться здѣсь, — начал он, усаживаясь къ письменному столу; тогда как дамы прижавшись друг к другу, помѣстись на оттоманихъ.

— Так вѣдь мы же...

— Позвольте, позвольте, — перебил он Анну Павловну. — Я уже распорядился, чтобы и для вас приготовили мѣсто на мяноосць. Вы хотели мнѣ возразить, что у вас нѣтъ денег, но об этом подумал и рѣшил не возвращать ограбленным кушам тѣх денег, которые они улагали ввидѣ контрибуции зеленым. Эти пузатые толстосумы, пользуясь защитой и покровительством нашей арміи, копейки не пожертвовали на ея насущныя нужды. Вы знаете, тут без меня Коля устроил подписку в пользу сирот убитых в Туалсе офицеров. Так вы можете себя представить, такіе гроши были собраны, что их даже на похороны не хватало. Так вот, этими деньгами, я рѣшил распорядиться сам. Во первых, отиралю по кругленькой суммѣ вдовам и сиротам. Во вторых, обозначу вас. В третьих, выдам наградные болѣе нуждающимся, офицерам и матросам моего отряда, а что останется внесу в фонд Добровольческой арміи. Вѣрно ли я придунал?

— Прасильно! Молодец Глѣб! — обнимая жениха, воскликнула Наташа. — Так и надо поступать с этими негодяями.

— Вот извольте, Авня Павловна, вашу часть, — доставая из стола завернутую пачку и передавая ее ошеломленной женщинѣ, промолвил он. — Я думаю, что этих денег, если их умѣю расходовать, хватит вам на нѣсколько лѣт.

— Глѣб Николаевич. Голубчик. Вы для нас с Таней столько сдѣлали, столько сдѣлали, что я не нахожу слов благодарности, — прослезилась Анна Павловна.

— Но у меня есть к вам просьба, — перебил ее Глѣб. — Никому не говорите об этих деньгах, иначе навлечете на меня серьезные неприятели.

— О, не беспокойтесь. Никому никогда не скажем.

— Вот и отлично. Теперь вам остается выбрать город, в который вы переедете из Новороссійска. Впрочем это и дорогою еще можно будет рѣшить. И так, мадам, к десяти часам утра я пришлю сюда полводу за багажем, а пока прошу извинить. Пойду на миновосец. Кое чѣм еще надо распорядится.

Ровно в одиннадцать часов утра, слѣдующаго дня, оба миновосца вышли из гавани. Погода стояла дивная. Вѣтерок чуть-чуть полоскал поднятые флаги.

— Как хорошо, — произнесла Наташа, сидя вдвоем с Татьяной Романовной в пез-ленгах, разставленных на борту.

— Да, чудно хорошо, — отвѣчала та, устремив задумчивый взгляд на горизонт. — Посмотрите, — наконец

произнесла она. — Я никак не могу различить границы между водой и небом, до того не замѣтно сливаются их края. Да теперь я понимаю, почему моряки так любят море. Оно дѣйствительно прекрасно.

До самаго ужина просидѣли молодья дѣвушки на палубѣ, в то время как старушки, от одного вида моря страдавшія морской болѣзью, не выходили из каюты. Под вечер на горизонтѣ показались Новороссійск и вошли в гавань, оба миноносца ошвартовались у пристаней.

Сойдя на берег братья отправились являться начальству.

— Добро пожаловать, гости дорогие, — привѣтствовал их Меньшиков, котораго они застали в столовой, за заставленными бутылками столом и окруженнаго офицерами порта. — Давайте скорѣе чарку, — обратился он к собутыльникам.

В то время, как Глѣб рапортовал о прибытіи, ему уже наливали огромную серебряную чару.

— Чарочка моя, серебряная, — раздалась восторженная пѣсня, лишь только церемонія рапорта окончилась.

— Если у вас все благополучно, то о дѣлах давайте завтра говорить, а сегодня будем веселиться.

— Слава Богу, благополучіе полное.

— В таком случаѣ, на сегодня, к чорту дѣла.

— По какому случаю у тебя сегодня такое ширшество?

— Так ты еще ничего не знаешь. Сегодня мы рѣшили отпраздновать назначеніе на пост командующаго флотом вмѣсто Шпалива нашего балтійскаго старика вице-адмирала Бахтѣева. Эта церемѣна, сам понимаешь, вмѣ-

ет большое значение для флота. Вѣдь под командой Шнагина прямо противно было служить. Ты вѣдь поминишь, что при занятіи Крыма вѣмцами, наш флот ушел сюда, в Новороссійск. В это время флотом командовал Шнагин. Бмѣсто того, чтобы до конца раздѣлить судьбу его, Шнагин отправился в Москву к Троицкому. Капитан то объяснилъ ему, видишь ли, понадобились. Последствія этой трагедіи ты знаешь. Половина, если не больше кораблей затлилась у входа в Новороссійск, а остальные, под командованіем капитана перваго ранга Тухмакова, ушли назад в Севастополь. Если бы не Тухмаков, то по всей вѣроятности ни один корабль не миновал бы Новороссійскаго кладбища.

— Очень пріятная вѣсть, — оживился Глѣб. —

Бахтенева я хорошо знаю. Это честный и умный старик.

— Представь себѣ и он тебя знает и хочет назначить начальником личнаго состава.

— Для этого ты меня и вызвал?

— Разумѣется.

— Признаться я не особенно стремлюсь в штаб.

— Э, нѣтъ брат. Нравится тебѣ это или не нравится, а принять назначеніе ты должен, так как нам необходимо имѣть своих людей в штабѣ.

— Ну ладно, завтра еще поговорим об этом. Утро вчерашнее мудренѣе.

Ширлишка затянулась до поздняго вечера и только на: разсвѣтѣ братья пошали на свои корабли.

Встав на другое утро Глѣб застал в кабинетѣ все общество.

— А вѣдь мы должны в Севастополь отправляться, — объявил он, поздоровался с дамами. — Я назначен в штаб командующаго флотом. Откровенно говоря, это назначеніе мнѣ не по душѣ, но есть причины, по которым я не могу отказаться.

— Что-ж в Севастополь, так в Севастополь, — отозвалась Наташа. — А ты знаешь, Анна Павловна тоже в Крым ѣдет. У нея в Симферополь оказались дальніе родственники.

— Ну что-ж, значит вмѣстѣ поѣдем, — улыбуясь Глѣб.

Пока пили чай, в кают-компаніи появился Коля.

— А вы знаете, куда я отправляюсь? Ни за что не отгадаете. Сейчас заходил ко мнѣ Меньшиков и передал предложеніе командующаго флота ѣхать в Кайспійское море, начальником дивизіона быстроходных катеров.

— Зачѣм же так далеко? — запротестовала Екатерина Петровна. — Не соглашайся Коля. Мало тебѣ кораблей в Черном морѣ?

— Нельзя мамочка. Там боевая служба, а здѣсь чорт знает что.

— Какая же там боевая служба? С кѣм же там воевать? — не сдавалась она.

— Как с кѣм? У большевиков в Астрахани пѣрый флот собирается. Из Балтики нѣсколько миноносцев перетянули по Мариньской системѣ, да и коммерческіе пароходы возвращают. О, там еще будет драга.

— Да ты то затѣмъ лѣзешь в эту драку? Мало тебѣ твоей раны? Пусть теперь и другіе повоюют. Ты полное страхо на оддых имѣешь.

— Брось мамочка. Все равно уже поздно, такъ какъ я уже согласился.

— Жаль, что намъ придется разстаться, — промолвилъ Глѣбъ. — А когда ты ѣдешь?

— Завтра сдамъ миноносецъ, а послѣзавтра выѣзжаю.

— Значитъ одновременно с нами?

— Да, вы в Севастополь, а я в Петровскъ.

На другой день, сдамъ миноносецъ новому командиру, Глѣбъ со всѣми дамами, перешол на коммерческій пароходъ, доставившій его в Севастополь.

ГЛАВА IX.

— Совсѣмъ, какъ в другой атмосферѣ чувствуешь себя, — часто говаривалъ Глѣбъ, возвращаясь со службы. — Ну и офицеры пошли. Такъ и нароят устроиться на тепленькое мѣстечко. Кандидатовъ в коменданты заграничныхъ пароходовъ, хоть отбавляй, а чуть займнешься о боевомъ мѣстѣ, такъ всѣ оказываются больными, а то иностранно-подданными. Недавно приходитъ ко мнѣ мой товарищъ по выпуску Борисъ Оркинъ. Я, говоритъ, къ тебѣ, какъ къ старому товарищу. Выбери для меня мѣстечко получше. Я было обрадовался. Вот, думаю, порядочный человекъ. Бросилъ работу и давай ему свободныя вакансіи в Авсвскомъ и Каспійскомъ вторяхъ перечислять.

— Да ты все смѣешься, — вдругъ перерываетъ онъ меня. — Вѣдь это все боевыя мѣста, а я устал отъ войны.

Ты маѣ лучше, она какомънибудь пароходѣ, который вѣ
Константѣвополь идет, мѣстечко коменданта устрой.

Прямо, какъ холодной водой меня обдал.

— Потрудитесь, говорю я ему, выйти воя. Вы ду-
маете обидѣться? Ничуть не бывало. Пожал плечами, да
в ушел преспокойно.

Между тѣмъ тучи на горизонтѣ Добровольческой ар-
міи сгущались. Дойдя до Орла, она остановилась и вдруг
начала отступать и чѣмъ дальше, тѣмъ быстрее. Постепен-
но были оставлены Орел, Харьков, Купянск, Таганрог,
Ростов и Екатеринодар. Все, что могло двигаться, броси-
лось в Новороссійск ища спасенія на переполненных па-
роходах. Началась ужасная, не поддающаяся описанію,
драма, слѣпная эвакуація в Крым. Не подготовленный,
заранѣе флот, разумѣется не мог перевезти такую массу
людей, да еще всѣх сразу. Ничего нѣтъ удивительнаго в
томъ, что многие остались на берегу. Только благодаря
ряду случайностей и энергій молодого генерала Слащева,
защищавшаго перешеекъ, самый то Крым удержался и
пріютил всѣх, кому удалось выбраться из Новороссійска.
Деморализованные, распущенные скочили с пароходов
части, такъ что пришлось потратить не мало энергій, что-
бы нѣсколько подтянуть ихъ передъ отправкой на фронт.
Заключивъ эвакуацію и видя крушеніе своихъ надежд,
Деникин покинулъ армію, сдалъ командованіе генералу Вран-
гелю. Энергичный, прямой, честный, Врангель скоро вну-
шилъ всѣмъ, кто еще его не зналъ, полное къ себѣ довѣріе.
Возстановилъ дисциплину и укрѣпил фронтъ.

— Еще не все потеряно, — частенько говорил печальный Глѣб, возвращаясь со службы. — Конечно шансов на окончательную побѣду мало. Но развѣ их было больше, когда мы отступали от Екатеринодара?

Однажды он вернулся домой, совершенно разстроенным.

— Что с тобой? — спросила его встревоженная Наташа.

— Представь себѣ. Бахтенов уходит и на его мѣсто Врангель назначил Шпагина. Не могу я теперь оставаться в штабѣ. Я рѣшил взять отпуск. Со Шпагиним служить я не буду.

— Чего же ты так разстраиваешься? Конечно бери отпуск. Отдохни немного, а за это время, может быть что-нибудь и придумаешь. Куда нибудь и устроишься.

— Да о себѣ, Наташа, я уже не так и беспокоюсь. Меня то в любой боевой отряд примут с удовольствием. Вот хотя бы в Азовское море к Казбекову. Минѣ прущо, что флот попал под команду “краснаго адмирала”, как в свое время называли Шпагина большевистскія газеты.

— Конечно это очень неприятно, но стоит ли из-за этого портить свои нервы? Ну, поѣдешь в Азовское море. Ты говорил, что Казбеков честный человек. Вот под его начальство и отправляйся. Что же касается Шпагина, то вряд ли он долге останется на этом мѣстѣ. Врангель не глупый человек и повѣрь быстро его раскусит.

Так Глѣб и поступил. Взял мѣсячный отпуск и первую его половину он посвятил полному отдыху.

— А не воспользоваться ли нам моим отпуском и не сыграть ли свадьбу? — однажды во время прогулки

но въморью, обратился къ невѣстѣ Глѣб. — Въдь мы откладывали ее до сих пор, из за денег. Денег у нас все равно не будет, а на свадьбу, пожалуй, хватит.

— Что же, я согласна, — отвѣчала дѣвушка. — А куда ты дѣл?... Я давно уже хотѣла спросить тебя об этом. Куда ты дѣл твои деньги, что от зеленых обѣил?

— Я как предполагал, так с ними и поступил. Во первых, обезпечил Анну Павловну с дочерью, во вторых, уже из Новороссійска отправил по солидиному кушту трем семьям убитых офицеров и семью начальника стражи. Затѣм выдала напрады всѣм членам “Боевого” и “Страшного”. Снабдил деньгами Корсакова, когда он выказал желаніе ѣхать на фронт, а остальных сдал в казначейство на пополненіе ресурсов арміи. Призваться, теперь я жалѣю, что сдѣлал эту глупость. Все равно эти деньги, или красными достались, или разошлись по частным рукам.

— А я с тобой не согласна. Пусть они пропали, но за то у тебя совесть чиста. Въдь для себя ты ничего не взяла? Не все ли равно, куда дѣлешь сдавныя тобою деньги.

— Что же. Может быть ты и права, — задумчиво отвѣтил Глѣб.

В маленькой церкви на Николаевском бульварѣ совершался обряд вѣнчанія. Глѣб и Наташа стояли у аналоя, окруженные небольшою группою самых близких друзей, так что церковь казалась почти пустой. Екатерина Петровна и прѣлжательная къ этому времени Анна Пакостова в церковь не пошли, а остались дома для устройства встрѣчи молодых. Прѣлжательная с матерью Татьяна Романовна была единственною дружкою у Наташи. Шаферами Глѣб при-

гласил Меньшикова, так же как и он оставитися во у
дѣл, послѣ назначенія Шпагина командующим флотом,
Нелидова, Кудишова и Бутенева. Всѣ офицеры "Боевого",
которые в этот день оказались в Севастополь, так же
были приглашены.

— Это что за оборванец, там в углу? — обратился
Кудишов к Нелидову, в то время, как вѣнцы взяли Мень-
шиков и Бутенев.

— Право не знаю. Так. Любопытный прохожій, я
думаю.

— Чего-ж он так смотрит, точно сѣсть молодца
хочет?

— А Бог его знает. Да чего вы волнуетесь?

— Понимаете, уж очень знакомая у него рожа. Толь-
ко не могу припомнить, гдѣ я его видѣл, — шопинутно
оглядываясь на незнакомца, отвѣчал Кудишов.

Узлекшись своим наблюдением, он не слышал как
Меньшиков просил смѣнить его и лишь тогда кто то
толкнул его, он взял вѣнец из рук уставшаго шафера.

— Кто это такой? — силится он припомнить. —
Гдѣ я его видѣл?

Вдруг яркое воспоминаніе Гвалсе и веселых пещеров
у Тонкорукова, как лучами солнца, озарило его сознание.

— Да вѣдь это Карягин, — чуть не крикнул он,
оглядываясь на оборванца и опуская вѣнок на голову
Наташи.

— Будьте внимательнѣй, — лепнул ему Меньши-
ков, поправляя вѣнец.

— Смѣните меня ради Бога, — шопотом попросил
тот.

— Вѣдь мы только что взяли вѣнец. Что с вами?

— Скорѣй смѣните, — слова взмолился Кудинцов.

Пожав плечами, Меньшиков стал на его мѣсто, а Кудинцов нащупывая в карманѣ револьвер, направился в тот угол, гдѣ только что стоял незнакомец. Каково же было его разочарованіе, когда он убѣдился в том, что угол пуст. Окинув внимательным взглядом всю церковь, он высочил на паперть, но там никого не было.

— Удрал. Из под самага носа удрал, — разводил руками, кипячители он. — И как я его раньше не узнавал. Вѣроятно он поймал на себѣ мой взгляд и повял, что я узнал его.

Обряд был окончен. Молодые, стоя на амвонѣ, принимали поздравленія.

— Что с вами, Кудинич? — замѣтил его разстроенное лицо, спросил Глѣб.

— После скажу, Глѣб Николаевич.

По выходѣ из церкви, молодые поѣхали покататься, а шаферы и гости отправились на квартиру Орловых. Когда паперть опустѣла, из за угла церкви показался какой то, в сильно поношенном рабочем костюмѣ, человек. Остановившись у ворот, он с ненавистью наблюдал за отъѣзжавшей каретой. Сказав кулаки, он молча погрозил им ей вслѣд.

Свадебный пир протекалъ очень скивленно. Для этого случая Глѣб не покупился. Обяніе литей радозвало сердца, давно не пивших морячков. Языки вскорѣ развѣвались. Бутенев, обладавшій мелодичным тенорком, пѣлъ застольныя и свадебныя пѣсни, а прочіе гости ему подтягивали.

— А ты знаешь послѣднюю новость? — вдруг обратился к Глѣбу Мельников. — Контр-адмирал Федоров вчера из Сибири прибыл в Иркут.

— Что ты говоришь? Вот кого не ожидал! Что же он, вѣроятно, у Кочага служил?

— Да, он в штабъ у него состоял.

— Какая досада, что я раньше этого не зналъ. Я обязательно пригласилъ бы его на свадьбу.

— Так вѣдь и сейчас не поздно. Если хочешь, кто-нибудь из молодежи может за ним слетать. Он тут недалеко остановился.

— Я был бы очень благодарен.

— Кудинич, — обратился Мельников к послѣднему. — Смотайтесь за ним, голубчик. Скажите, что старший лейтенант Орлов только во время самой свадьбы узналъ о его прибытии и просит его к столу.

— Кто это Федоров? — спросила Наташа мужа.

— Федоров, это один из орлов Балтійскаго флота. Гордость флота. Нѣтъ такого балтійца, который бы его не зналъ. Бывшій командир нашего лучшаго миноносца и Георгіевскій кавалер.

Дети сломя голову, слегка подвыпившій Кудинич, еще в дверях передней, нос к носу столкнулся с тѣм незнакомцем, котораго видѣлъ в церкви. Нѣсколько мгновеній оба молча смотрѣли друг на друга. Затѣм незнакомец повернулся и пошел к выходу.

— Стой! — закричал Кудинич, хватая его за воротник. — Я узналъ тебя, негодяй! Ты Карягин!

Незнакомец быстро увернулся и ударив Кудинича кастетом в плечо, бросился бѣжать и моментально скрылся.

за углом. Когда опшеломленный ударом Кудинов добѣжал до угла, то незнакомца и слѣд пррстыл.

— Что то Кудинова долго нѣтъ, — начал безпокоиться Глѣб. — Как бы с пьяных глаз не натворил бы он чего.

Вдруг в передней задреб ежжал звонок и векорѣ, сопровождаемый Кудиновым, в комнату вошел Андрей Михайлович Федоров.

— Простите, что я так поздно, — идѣлая ручку Наташи, извинился он. — Впрочем я не виноват, так как не знаи не только о свадьбѣ, но даже о том, что вы, Глѣб Николаевич, здѣсь в Севастополѣ.

Завязалась общая беседа. Федоров много рассказывал про трагедию Колчака и расспрашивал о старых своих соплатателях.

— Я не сказано рад, что встрѣтил вас, — нѣсколько времени спустя, говорил он Глѣбу. — Меня назначали командовать морскими силами Азовскаго моря, вмѣсто заблѣвшаго Казбекова. И вот сколько я ни искал кандидатов в начальники штаба, до сих пор ни на ком не остановился. Не встрѣть вас, пожалуй, я так без начальства штаба и уѣхал бы в Керчь. Впрочем, об этом еще дамъвам поговорить, а пока позвольте выигить за здоровье нашей новой морской дамы.

— Что это Кудинов сидит такой мрачный? Не бст ничего и не пьет, — наклонившись к мужу, спросила Наташа.

— Кудинович! — крикнул Глѣб. — Чего это вы приуныли?

— Неприятность одна случилась, Глѣб Николаевич.

— Какая там неприятность? Рассказывайте в чем дѣло.

— Не могу. Развѣ одному вам, — выразительно косясь на Наташу, добавил он.

— Что еще такое, — улыбнулся Плѣб, вставая из за стола и извиняясь перед гостями. — Ну, в чем дѣло? — спросил он, когда, выйдя в сосѣднюю комнату, остался с Кудиновым наединѣ.

— Я сегодня два раза Карягина встрѣтил, — выпалил тот.

— Полно Кудиныч врать. Это вам послѣ воды померещилось.

— Да нѣтъ же, Плѣб Николаевич. Я и сейчас, как стеклышко, трезв. Карягин на вѣнчаньи присутствовал.

Тут он подробно рассказал все, что с ним произошло. Плѣб задумался.

— Спасибо, что предупредили, — наконец произнес он. — Надо принять какія шибудь мѣры.

— Ну вот. Теперь и ты грустный, — упретнула его Наташа, когда он вернулся к столу. — Что случилось?

— Ничего особеннаго, дружок. Потом расскажу, а сейчас не стоит вспоминать о неприятном.

Далеко за полвочь затянулася ширушка и гости разошлись только перед самой зарей.

— Так я вас очень прошу, либо завтра, либо послѣ-завтра улучшить минуточку и забѣжать ко мнѣ, — прощаясь, говорил Федоров Плѣбу.

— Теперь рассказывай, что произошло, — обратилась Наташа к мужу, когда ушли гости и они остались в тѣсном домашнем кругу.

— Ничего особеннаго, — повторил Глѣб. — Карягина видѣл сегодня Кудянов.

— Карягина? — в один голос воскликнули дамы.

— Представьте себѣ. Да еще при каких обстоятельствах, — Глѣб рассказал изволнованным женщинам всѣ подробности.

— Глѣбушка. Миѣ жутко, — прижимаясь к мужу, воскликнула Наташа.

— Не бойся, Наташа. Пověрь, что я сумѣю тебя защитить. Кроме того, на днях мы переедем в Керчь, так что этот негодяй, хоть на время потеряет наши слѣды.

На другой день Глѣб посетил Федорова.

— Так вот, Глѣб Николаевич. Я вас прошу принять должность начальника моего штаба и, в случаѣ согласія, даю вам недѣльный отпуск. Затѣм в ваше распоряженіе я пришлю какой вибудь из кораблей, на котором вы, конечно с семьей, отправитесь в Керчь. Согласны?

— Я очень благодарен вам за честь и с удовольствіем принимаю предложеніе.

— Вот и отлично. Сегодня же я проведу в штабѣ приказ о вашем назначеніи, а пока, миѣ бы хотѣлось у себя поздравить вас с женитьбой. Давайте-ка раздадим флакончик шампанскаго, который я специально для этого случая приготовил.

Сидя за стаканом вина, они рассказывали друг другу все, что пришлось пережить за послѣднее время.

— Однако ваша жизнь, как захватывающій роман, — произнес Федоров, выслушав повѣствованіе Глѣба. — Что же так и исчез этот Карягин?

— Какое исчез. Вы вчера слышали, как один из офицеров вызывал меня в соседнюю комнату.

— Да. А что?

— Он мне сообщил, что в день моей свадьбы, два раза встретил его. Один раз в церкви, во время венчания, а другой на лестнице квартиры, когда мы сидели за столом.

— Да. Очень интересен этот тип. Знаете что? На вашем месте я, не теряя времени, сейчас же выехал бы в Керчь. Там не так то легко будет ему действовать.

— Это, пожалуй, самое лучшее было бы, но раньше чем послезавтра выехать я все же не смогу.

— Ну что-ж. Я вам оставлю один из тральщиков. На нем вы и отправитесь, когда будете готовы.

На том и порешали.

— Наташа, мама, будьте готовы. Послезавтра мы удем в Керчь. Только, ради Бога, никому об этом не говорите.

— Значит уговорился с Федоровым? — спросила Екатерина Петровна.

— Да. Вопрос решен.

На другой день Екатерина Петровна и Наташа двинулись в город за покупками. Глеб не оставлял их ни на минуту, всюду следуя за ними. Один раз ему показалось, что в проходившей толпе как будто бы мелькнула знакомая фигура Карягина, но так как это длилось всего одну секунду, то он не мог бы поручиться, что не ошибся. По возвращении домой, на улицу никто уж больше не выходил, а в шесть часов утра их вещи грудились на присланный из штаба автомобиль. Весь багаж уже на паро-

ходъ. Вот раздалась команда командира и тральщик начал медленно отходить от переполненной збывками пристани. Наташа и Глѣб стояли на палубѣ, любуясь красивым, освѣщенным первыми лучами восходившаго солнца, городом.

— Глѣб! Смотри! Вот он! — хватая мужа за руку, в ужасѣ воскликнула Наташа.

Взглянув по указанному направлению, Глѣб увидал Карягина. Окруженный группой каких то оборванцев, он стоял у самого края пристани.

— Подойдите снова к пристани, — приказал Глѣб командиру.

— Что ты хочешь дѣлать? — воскликнула Наташа.

— Арестовать его.

Но пока тральщик разворачивался, Карягин исчез.

ГЛАВА X.

Осторожно как кошка, цѣпляясь за каждый выступ, все выше и выше взбирался Карягин на утес. Пули сюда не залетали, но почти над самой его головой трещали пулеметы и слышались разговоры пулеметчиков. Занятые стрельбой, моряки не замѣтили как из за обрыва показалась человѣческая фигура и догнавшись до верхней площадки утеса, легла на нее, а загѣм точно змѣя, поползла и скрылась в ближайших кустах.

— Ничего не понимаю, — разсуждал он сам с собой. — Откуда они взялись? Как они успѣли? Не иначе, как один из зеленых предал. Простой горец не смог их провести. Мало знать горныя тропинки, надо было

хорошо знать и расположение самого лагеря. Это предательство. Впрочем не все ли равно? Важно то, что я разбит на голову. Теперь начинай-ка сыновья.

Проклиная всѣх и вся на свѣтъ, он побрел в горы, рассчитывая пробраться к Мекси.

— Хорошо еще, что я догадался припрятать часть денег, — соображал он. — Вѣдь без денег, прямо хоть пропадай.

На другой день, измученный и голодный он добрался до Мекси. Гот встрѣтил его довольно холодно.

— Как же вы допустили такую неосторожность, — начал он выговаривать своему начальнику. — Ну развѣ можно было не выставить караулов со всѣх четырех сторон?

— Кто же мог ожидать нападенія со стороны гор, да еще так скоро? — оправдывался Карягин.

— Нѣтъ, товарищ. Не умѣете вы вести партизанскую войну. Правильная война одно, а партизанская совсѣм другое. Вот взгляните, как несется сторожевая служба у меня. Муха не пролетит, чтобы я не знал. Эх вы! Оба страда погубили. Я вам вот что скажу. Отдохните здѣсь у меня, да поскорѣе уходите, так как люди уж очень злы на вас. Как бы до самосуда дѣло не дошло.

Карягин цѣлый день шпассал въ землянкѣ Мекси, затѣм переодѣлся в предложенный ему костюм рабочаго и горными дорожками отправился в Туансе. Постоянныя преслѣдовавшія его, как только он приближался къ цѣли, т. е. къ обладавѣлю Натаней, разожгли его срасть шевѣротно. Сцѣлали его форменным маньяком.

— Надо бѣжать, и подальше, — говорило ему благо-
разуміе. — Не ровен час, ктонибудь узнает. Вѣдь в
Туапсе меня всякая собака знает. Э! будь, что будет, —
тут же возражал он сам себѣ. — Не могу я отступить,
не могу оставить надежду. Оставить надежду, это значит
жить перестать. В ней, в этой чудной дѣвушкѣ, весь смысл
моей жизни. Я чувствую, что если откажусь от нея, то или
покончу с собой, или брошусь в пьянство и все равно
погибну. Нѣтъ, пока я жив, я не прекращу попыток. Не
может же не везти постоянно. Авось подберется какой
нибудь случай и счастье мнѣ улыбнется.

Был уже полдень, когда он вошел в Туапсе. Про-
бираясь среди двигавшейся и шумѣвшей толпы, первое
время, он чувствовал себя довольно неловко, опасаясь
встрѣчи со знакомыми. Но мало по малу безпокойство
прошло и чтобы утолить голод он зашел в первый попав-
шійся ему трактир. Там было людно. Извозчики, рабочіе,
солдаты мѣстнаго гарнизона сидѣли за столиками, громко
разговаривали и переругивались. Выбрав один из наи-
болѣе уединенных столиков, он потребовал обѣд и в ожи-
даніи подзачи, стал прислушиваться къ разговорам.

— А что же атамана то ишняго не поймали? —
спрашивал жалой то парень.

— Не, — отвѣчал другой. — Ушел он. Атаман то.

— Вѣрно в горах укрывается, — замѣтил первый.

— А кто-ж его знает, куда он схоронился. Сказы-
вают, что там, в горах, у него еще одна шайка есть.
Вѣрно ж пей и отправился.

— А ловко моряки их отдѣлали, — ухмыльнулся
парень.

— Чего там ловкаго, — презрительно скривил губы какой то солдат. — Кабы они настоящее сражение дали, это другое дѣло. А то какая там трудность, коли зеленый перебѣзчик горными дорожками к самому лагерю их съвел, а они, как тѣ спать полегли, на сонных и напали. Это не шпунка. Ты вот по настоящему разбей непріятеля. Чтобы значит окопаться, да подготовку сдѣлать, а потом в атаку итти.

— А гдѣ теперь миноносцы? — раздалось из другого угла трактира.

— В Новороссійск ушли.

— А на долго?

— Да мнѣ один матросик сказывал, что уж больше сюда не вернуться.

— Вот это что, — подумал Карягин. — А вѣдь и в самом дѣлѣ в гавани то я их не видѣл.

Расхлябавшись, он вышел и направился в гавань.

— Да, пусто, — разговаривал он сам с собой. — Если эти солдаты правы и миноносцы сюда не вернуться, так и Натшши здѣсь нѣтъ. Орлов и семью нацѣрное захватил с собою.

Чтобы провѣрить свои предположенія, он медленно пошелъ к квартирѣ Орловых.

На одном из окон был приклеен бѣлый билетик, извѣщавшій о том, что квартира свободна.

— Надо идти в Новороссійск, — рѣшил он, направляясь к кустам ближайшаго холма. — День просиджу здѣсь, а ночью схожу за деньгами и двинусь.

С наступленіем темноты он отправился к выдѣ, в которой раньше жил и юркнув в пролом забора, очутился в саду.

— А не дурно я здѣсь пожил, — думал он, пробираясь между кустами. — Кажется тут, — прошептал он, останавливаясь в зарослях. — Вот и отмѣтка, — вытаскивая из земли калую то шалочку, продолжал он шептать.

Через нѣсколько минут, раскопав руками землю, он поднял довольно об'емистый, завернутый в клеенку, пакет.

— Ну-с, прощай Туапсе. Прощай вила Тонкоруюва. Спице спокойно. Я отправляюсь в неизвѣстную даль и уж вряд ли вернусь, чтобы вас беспокоить.

Через нѣсколько дней он добрался до Новороссійска. Радостно забилося его сердце при видѣ стоявших у пристани миноносцев.

— Она здѣсь. Она здѣсь, — шептали его губы.

Страсть совершенно поглотила его. Чтобы он видѣл, как бы ни был занят, образ Натанн не покидал его. Она всегда была перед его глазами. То гнѣвная и непреклонная, какою видѣл он ее там в горах Румыніи, то смущенная и подавленная, какою была при арестѣ в Туапсе, то задумчивая, то веселая и смѣющаяся, какою не раз он ее видѣл, проѣзжая мимо квартиры Орловых, в бытность свою Тонкоруювым.

В Новороссійскѣ он без труда устроился в маленькой и грязной гостиницѣ, прод'явив подложный паспорт на имя слесаря Ивана Петровича Минаева. Пообѣдав в трактирѣ, в надеждѣ что нибудь узнать, он отправился к

пристаням. Особенно интересовал его адрес, по которому Орлов поселил свою семью. До позднего вечера проброчил он около миноносцев. Было уже совсем темно, когда, раздосадованный неудачей, он вернулся домой. На другой день, он снова повторил свой опыт, но сколько ни ждал Орловых не видѣл. Мимо него проходило много офицеров и матросов, но тѣх, кого ему было нужно, он так и не встрѣтил. Уже собираясь идти домой, он вдруг услышал интересный для него разговор, шедших на миноносец двух офицеров.

— Я ему написал, что если представится возможность, пусть меня переводит к себѣ в Севастополь, на какую угодно должность, так как при новом командирѣ я все равно служить не могу.

— А по какому адресу ему надо писать?

— Да просто Севастополь, штаб флота, старлейту Глѣбу Николаевичу Орлову.

— Вот оно что, — прошептал Карягин. — Значит я напрасно здѣсь торчу. Надо пробираться в Крым.

На слѣдующее утро, предприняв какое то рѣшеніе, он отправился к пристаням, у которых обыкновенно стояли коммерческіе пароходы. Разузнать, какіе из них пойдут в Севастополь, было не трудно и вскорѣ он поднимался на палубу одного из них.

— Я бы желал поступить к вам матросом, — обратился он к капитану.

— Что же, если военное начальство разрѣшит, то можно. Вакансія палубного матроса у меня есть.

— А что же мнѣ нужно сдѣлать, чтобы получить это разрѣшеніе.

— Пройдите в управление военного порта, представьте паспорт, свидетельство о том, что вы свободны от воинской повинности и рекомендацию какогонибудь известного лица. Вот и вся музыка.

— Ну, это мне не подходит, — сходя на берег, разсуждал он. — Попробую-ка я устроиться пассажиром. Авось удастся.

Но у билетной кассы его ждало разочарование, так как билеты продавались только тем, которые имели от военных властей разрешение на выезд. Как ни бился Карягин, но из его хлопот ничего не вышло. Даже зайцем устроиться, несмотря на крупную сумму, которую он предлагал, не удалось.

— Никак не возможно, — обильно отвѣчали ему матросы. — Уж очень у нас строго. Командант парохода во все щели заглядывает и если найдет зайца, то всем беда. Вон на "Кювлин", педѣли двѣ тому назад, поймали зайца, так всю администрацию и всех матросов сослали на фронт — в солдаты.

Однажды, уже совсем отчаявшись, Карягин в последний раз старался уговорить одного матроса провезти его зайцем.

— Да чего вы так стараетесь именно из Новороссийска выехать. Отсюда выехать труднее всего, — говорил матрос, наотрѣз отказавшись везти его на пароход. — Если у вас деньги есть, так поѣзжайте в Тамань, а оттуда на рыбацкой лодкѣ, без особых хлопот, переберетесь в Керчь. Вот вы и в Крыму.

— А вѣдь вѣрно, — подумал Карягин. — Там наверное не так строго.

Поблагодарив матроса за совѣтъ, на слѣдующій же день он отправился в Тамань.

— Не легкая это теперь штука, — говорил старый рыбак, к которому обратился Карягин. — Опасная это штука, — повторил он.

— Да в чем опасность то? — удивился Карягин. — Вѣдь за одну ночь ты и меня перевезешь и назад вернешься.

— Так то оно так, если только сторожевых катеров не встрѣтим, а коли встрѣтим, да у тебя нужнаго документа не окажется, то и тебѣ и мнѣ тюрьмы не миновать, а уж лодку то мою обязательно отберут.

Послѣ долгих переговоров, старик наконец согласился.

— Ну, ладно паренек. Вечером, чуть станет смеркаться, приходи ко мнѣ. Уж так и быть. Повезу. Только смотри не опоздай. До луны мы на том берегу должны быть, а то как раз в лапы сторожевых катеров попадемся.

До сих пор, все это время стояла чудная, безвѣтренная погода, но в тот день, послѣ обѣда, набѣжали тучи, пошел дождь и загудѣл вѣтер.

— Не могу сегодня, — говорил рыбак, явившемуся к нему Карягину. — Ишь как ревет. Шторма. Настоящая шторма. Какой же дурак в такую погоду в море выходит. В такую погоду, милый ты человек, за тѣх-то находится в морѣ, Богу надо молиться. Потому что они у самых дверей смерти стоят.

Цѣлых десять дней потерял Карягин, ожидая подходящей погоды.

— Ну, сегодня пойдем, — однажды заявил Карягину рыбак. — Коли к вечеру, свѣжить не будет, приходи. Повезу.

Черная, непроглядная ночь охватила путешественников, лишь только лодка отошла от берега.

— И как это он видит, — удивлялся Карягин, глядя на рыбака, силуэт которого чуть вырисовывался на кормѣ.

Сначала лодка шла спокойно. Ровный, хотя и сильный, вѣтер, надувая паруса, гнал ее с головокружительной, как ему казалось, быстротой. Черная, мрачная вода кипѣла у самой верхней кромки борта. Казалось, что вот-вот она зальет лодку, но твердая рука стараго моряка поворачивая руль то в ту, то в другую сторону, то натягивая, то отпуская паруса, удерживала грозную стихию. Время шло и лодка вышла из за прикрывавшаго ее мыса. Теперь ее стало бросать, как перышко. То влетая за гребни невидимых валов, то падая к их подножью, казалось, что она с трудом продолжает свой путь.

— Ну, паренек, — старался заглушить вой вѣтра, крикнул рыбак. — Сейчас самое опасное мѣсто. Здѣсь то и бродят сторожевые катера. Теперь не зѣвай. Как я тебѣ крикну "паруса долой", так ты не раздумывай, а опускай их вниз. Авьось не замѣтят.

В напряженном молчаніи прошло еще около получаса, как вдруг приставя руку к уху старик стал прислушиваться.

— Так и есть, — пробурчал он. — Катер идет.

Лодка все еще продолжала мчаться вперед, когда Карягин услышал характерный, ритмический шум, работающего мотора.

— Паруса долгой! — крикнул рыбак.

Карягин моментально спустил их.

— Сядись на дно, — скомандовал рыбак, опускаясь и сам.

Предоставленная самой себе лодка стала параллельно шедшим из Азовского моря волнам и ее качало равномерно. Между тем шум мотора приближался и становился явственнее.

— Коли пройдет вдалекѣ, то не бѣда. Не увидит. А коли близко, то дѣло дряннѣе.

Нѣсколько минут прошло в напряженном молчаньи.

— Ну, благодари Бога, паренек, — подвигаясь на свое мѣсто, произнес рыбак. — На этот раз пронесло. Не замѣтили. Подымай паруса.

Слова надутьлись поднятые паруса и лодка понеслась по старому направлению. Чем ближе подходили к Керченскому берегу, тем качало меньше и вскорѣ качка прекратилась вовсе. Как огромная ночная птица, лодка безшумно скользила по черной водѣ.

— Теперь безопасно, — промолвил рыбак, убирая паруса и садясь на весла.

Из темноты ночи вдруг стала вырисовываться темная тѣнь берега, а через нѣсколько минут киль лодки зашуршал по песку и она остановилась. Расплатившись с рыбаком, Карягин раздѣлся и забрал одежду влѣз в воду.

— Смотри будь осторожнѣе, паренек. По берегу стража ходит. Не попадись.

Очутившись на берегу, Карягин постарался как можно дальше отойти от моря. Идти пришлось без дороги, по цѣлинь. Когда взошло солнце, он уже шагал по шоссе в Керчь. Остановившись на постоялом дворѣ и отдохнувъ до вечера, он справился узнавать на свет поѣздов в Севастополь. Оказалось, что поѣзд отправляется только на другой день вечером, так что эти сутки ему пришлось провести в Керчи. Съѣ наконец в поѣзд Карягин успокоился. Самое трудное казалось было пройдено. Он снова близок к цѣли. Но ему не везло.

На переговѣ между какими то двумя станціями, его поѣзд налетѣл на товарный и потерпѣл крушеніе. Получившаго сильныя ушибы всего тѣла, его почти в безсознательном состояніи, отвезли снова в Керчь, гдѣ ему пришлось почти полтора мѣсяца проваляться в больницѣ. Здѣсь в Керчи, он узналъ о катастрофическом отступленіи Деникина и об оставленіи Ростова.

— Крах добровольцев неизбежен, — думал он. — Мнѣ необходимо быть около нея, во время калитулэціи. Тогда то она не избѣжит моих рук.

В бреду ли болѣзни, наяву ли он не переставал думать о Наташѣ. Всѣ его мысли, желанія и стремленія, как лучи в фокусѣ, сходились в одном пунктѣ и этим пунктом была она. Но вот он в Севастополѣ. Его привѣд совнал с прибытіем войск и бѣженцев из Новороссійска, а потому ему было очень легко замести слѣды своего прошлаго.

— Из Новороссійска прибыл — обыкновенно, — от-
пѣчал он, на вопросы докучливой полиціи.

Без труда нашел он Глѣба и узнал его квартиру.
Часто прохаживаясь вокруг нея, надѣясь увидѣть Наташу,
он обсуждал план ея захвата.

— Самое лучшее, это дожидаться краха бѣлых на
перешейкѣ. Тогда она, без всякаго с моей стороны усилія,
как зрѣлый плод упадет въ мои руки.

Однако, не только блужданіем по улицам занимал-
ся он в это время. Познакомившись в трактирах с се-
вастопольскими рабочими, он проник в мѣстную больше-
нистскую организацію и вскорѣ стал там своим человѣ-
ком. Огромную услугу в смыслѣ завоеванія довѣрія боль-
шевиков сыграл случайно сохранившійся у него документ,
выданный из Смольнаго. Между тѣм время шло, а краха
добротольцев не предвидѣлось.

— Нѣтъ, — раздумывал он. — Так дѣйствовать
нельзя. Чего добраго, затянется эта война на долгіе мѣ-
сяцы, а за это время мало-ли что может произойти. Наз-
начат Орлова на заправичный пароход, тогда уж все про-
пало. Нѣтъ, надо дѣйствовать.

И он начал дѣйствовать. Через большевистскую ор-
ганизацию он нашел одного моряка, бравшагося за боль-
шія деньги доставить его на шхунѣ в Одессу. Там-же у
большевиков подобрал он себѣ товарищей, бравшихся
заѣсть с ним идѣвать налет на квартиру Орлова, вы-
красть Наташу и доставить ее на шхуну.

— Готова моя паутина, — разговаривал он сам с
собой, проходя по Нахимовскому бульвару, только что по-

вончив переговоры со своими сообщниками. — Компания мои, кажется, люди надежные. Не струсят. Народ бывалый. У каждого, я думаю, по несколько десятков убийств есть на совести. Орлова, конечно, придется убить, иначе без поговори не обойдется. Эта хитрая лиса чутьем угадает, по какому направлению надо меня преследовать. Что-ж, развѣ дрогнет моя рука?

Разсуждая таким образом, он очутился около маленькой церкви, к которой в этот момент подѣхала карета. Из кареты вышел морской офицер, а за ним молоденькая дѣвушка в подѣвничном нарядѣ.

— Наташа! — чуть не вскрикнул Карягин, останавливаясь, как вкопанный. — Свадьба.. Вѣнчаются... — пронеслось в его головѣ.

Как во снѣ послѣдовал он за прѣѣхавшими в церковь и стал в углу, никѣм не замѣченный. Богу одному известно, что творилось в его душѣ во время обряда. Он был готов растерзать Пѣбу. Зубами его загрызть. Потруженный в свои переживания, он не обращал вниманія на окружающих. Вдруг, взгляд его встрѣтился со взглядом Кудинова и он почувствовал, что тот узнал его. Незамѣтно выйдя из церкви, он зашел за угол и спрятался за колонну, не в силах уйти из опаснаго мѣста. Он видел, как вслѣд за ним выскочил Кудинов и, озираясь во всѣ стороны, кого-то искал. Дождавшись когда обряда и отъѣзда молодых, болѣе не в силах сдерживать своего бѣшенства, он вышел к воротам и погрозил кулаком увѣщавшему Пѣбу.

— погоди. Скоро ты мнѣ отплатишь за это, — прошептал он сквозь стиснутые зубы.

Как потерянный, бродил он вокруг квартиры Орловых, из которой до него доносились веселые крики и возгласы: "горько", бѣшенством наполняя его измученное сердце. Сам не понимая зачѣм, как лунатик, влекомый невѣдомой силой, он стал подниматься по лѣстницѣ и уже открыл дверь в вестибюль, когда увидѣл сбѣгавшаго вниз Кудинова. Медленно повернувшись, не торопясь, он пошел к выходу. Окрик Кудинова и прикосновение его руки внезапно вернули ему силы и вывели из оцѣпененія. Быстро увернувшись, он ударил Кудинова кастетом и пустился бѣжать. Трудно описать душевное состояніе Карягина послѣ только что описаннаго эпизода. Жестокая ревность, жгучая ненависть и неудовлетворенная страсть терзали его сердце. Всю ночь, точно маятник, проходил он по стѣсннмъ комнатамъ и лишь поздним утром, когда город уже проснулся и началась обыденная жизнь, не раздѣваясь, сбросилъ он на кровать и заснул крепким сномъ. Проснувшись только вечером, он отправился к капитану нанятой им шхуны, надѣясь уломать его ускорить день отъѣзда. Напрасно. Капитан и слушать его не захотѣлъ.

— Что со мною случилось? — думал он, сидя на большомъ камнѣ противъ квартиры Орловых. — ~~Куда~~ ~~иде~~ ~~шло~~ мое славнокровіе, моя выдержка? Я ~~стал~~ ~~былъ~~ другимъ человѣкомъ. И какъ это проклятое чувство ~~уцѣпи~~ ~~ло~~ ~~сь~~ и захватило меня! Гдѣ мои мечты о карьерѣ? Все брошено, все забыто. Только одна — она моя пѣль. Только одну — ее мнѣ надо. Но, Боже мой, какъ тянется время! Еще три дня. Три дня я долженъ ждать, в то время какъ она принадлежитъ другому. Здѣсь, за окномъ, их

тнѣдо. Я чувствую, я почти вижу, как они пѣлуются. А я должна терпѣть и молчать...

Это не первую ночь он проводил на этом камнѣ. Как только замерала дневная жизнь города, он являлся сюда и не уходил до разсвѣта. Однажды, погрузившись в свои мысли, он просидѣл таким образом до самаго утра, как вдруг подкатившій к квартирѣ Орловых автомобиль вывел его из задумчивости

— Куда это они? — встревожился он, и, подойдя к шофферу, осторожно спросил его: — Куда это господин Орлов так рано собрался?

— В Керчь сейчас ѣдет.

— В Керчь? Это зачѣм-же?

— А он туда начальником штаба назначен, — любезно отвѣчал шоффер, закуривая предложенную ему шашлику. — Миѣ приказано перевезти его со всей семьей и багажем на тральник "Вепрь".

— В Керчь? Начальником штаба? — недоумѣвающим тоном спросил Карягин, уставившись на шоффера широко раскрытыми глазами.

— Ну да. В Керчь, — с удивленіем оглядывая страннаго незнакомца, отвѣчал тот.

— А как-же шхуна? — растерянно пробормотал Карягин.

— Какая шхуна?

Но тот уже не отвѣтил, а, сломя голову, кинулся на постоный двор, гдѣ жили его сообщники.

— Что за сумасшедшій! — пожал плечами, произнес шоффер, с интересом наблюдая бѣгущаго незнаком-

ца. — Вѣроятно, маленько того, — произнес он, повертѣвъ пальцем у лба.

Безсонная ночь и вѣчно напряженная на одном и том-же мысль до того разстроили нервы Карягина, что он уже плохо сознавал то, что дѣлал. Вбѣжав в комнату своих сообщивиков, прутаясь и сбиваясь, он принялся торопить их на пристань.

— Да что случилось? — торопливо отвѣчая, спрашивали его.

— Дѣло есть. Серьезное дѣло, — отвѣчал он, чуть не бѣгом поспѣвая на пристань.

— Чудно! — промолвил один из шайки, все таки торопясь за своим начальником.

Когда вся компанія появилась на пристани, тральщик уже уходил.

— В чем-же дѣло, товарищ? — пристали к Карягину его компаньоны.

— Опоздали, — отвѣчал тот, скрестив руки и устремив взгляд на мачту парохода, гдѣ он ясно видѣлъ стоявших рядом Наташу и Глѣба.

— Да что надо-то было? — не оставляли его тѣ в покоѣ, но он, не отвѣчая, круто повернувшись и пошел с пристани.

— Эй, товарищ! Этак не годится! Взбудоражил нас. Чуть не через весь город бѣгом протоптал, да так и уходишь. Ты бы хоть в трактир нас сводил. Право.

Карягин внезапно остановился.

— Идѣте в трактир! — крикнул он. — Идѣте!

Через полчаса вся компанія сидѣла за столом и, несмотря на ранній час, с жадностью уничтожала содержимое бутылок, цѣлой батареей выставленных перед ними. Карягин пил много, но почти ничего не ѣл. Вначалѣ разговоры не клеились, так как мрачное состояніе его отразилось на всѣх окружающих, но вскоре алкоголь развязал его язык и вся компанія подпала невозможной галдеж. Было еще совѣм рано, когда мертвецки-пьянаго Карягина его собутыльники бросили на кровать. Утомленный бессонными ночами и выпившіи уж очень много, он проснулся лишь на другое утро с болѣвшею и ливавшею головой. Все происшедшее накалиуѣ ему казалось каким-то сном. Еще передвигая ноги, он спустился в трактир и потребовал себѣ водки. На этот раз хмель на него не дѣйствовал. Он не пьянѣл. Зато головная боль исчезла и мысли стали яснѣй. Припомнив вчерашнее, он не возновался, а прилягся довольно хладнокровно обсуждать все случившееся.

— Нѣтъ. Тут ничего не подѣлаешь. Я только время теряю понапрасну. Ни мало не медля, мнѣ слѣдует перебраться к красным и дѣйствовать отсюда. Все равно добровольцы долго не удержатся, а опасность, что Орлов уѣдет за границу, раз он в Керчи, да еще начальником штаба, слава Богу отпадает.

Через три дня послѣ описаннаго эпизода, глубокой ночью, мимо сторожевых катеров проскользнула небольшая шхуна и, выйдя за маяк, повернула на Одессу.

— Поздравляю, товарищ, — обратился капитан к стоявшему на палубѣ Карягину. — Теперь мы в полной

безопасности. Если погода не изменится, то дня через два будем в Одессе.

Однако, прошло не два, а четыре дня и только на пятый сутки шхуна добралась до Одессы.

Только что Карягин сошел на берег, как его арестовали и повели в чека.

— Что вы за птица и зачѣм сюда пожаловали? — обратился к нему дежурный чекист.

Карягин молча достал тот документ, который у него сохранился еще из Смольнаго.

— Э, да вы, значит, наш? — удивился чекист.

Послѣ того, как Карягин отвѣтил удовлетворительно на всѣ задаваемые ему вопросы, его отпустили.

— Ну-с, теперь поближе к фронту, — сидя в вагонѣ отправлявшася на восток поѣзда, думал Карягин.

Прибыв в один из городков, в котором квартировал штаб кавалерийской дивизии, дѣйствовавшей на берегу Азовскаго моря, он без особаго труда поступил в ее ряды, правда, послѣ того, как о нем справились по телеграфу в Москвѣ. Вот снова он на фронтѣ и снова командует эскадронам. Но какая разница в окружающих обстановкѣ, да и в нем самом. Куда дѣвалась его безцѣльность? Его веселость? Вѣчно мрачный, вѣчно задумчивый, он не выходил ни со своими подчиненными, ни с товарищами, такими-же, как и он, эскадронными командирами, большою частью из бывших офицеров. В полку его сразу невзлюбили. Полк, в который он попал, почти не выходил из боев, а потому, мѣсяца через два, он успѣл вѣскелью раз отличиться и начальство замѣило его.

Когда, в одном из боев, был убит батальонный командир, на его место назначили Карягина.

ГЛАВА XI.

Прибыв в Керчь, Глѣб не застал там флота, который вышел в море на поддержку наступавшей на Мариуполь сухопутной армии. Наскорѣ помѣстив семью в отведенной ему квартирѣ, он на том-же тральщикѣ отправился на присоединеніе к флоту. Погода стояла тихая. На другой день тращик подошел к стоявшему на якорях у входа в Таганрогскій залив флоту.

— Добро пожаловать! — приветствовал Федоров входившаго в адмиральское помѣщеніе Глѣба, в котором в тот момент засѣдал военный совѣтъ. — Вы во время прибыли. Вот ознакомьтесь-ка с положеніем вещей, — разворачивая карту, продолжал он. — Наша армія успѣшно движется на Мариуполь и надо думать, что завтра к вечеру займет его. В Мариупольской гавани стоят большевистскій флот, который своим огнем или вовсе не позволит занять города или во всяком случаѣ сильно помѣшает намим. Перед нами стоит задача — или уничтожить или прогнать этот флот. Но агентурным свѣдѣніям, вход в Таганрогскій залив минирован и нам необходимо проплатить его. Весь вопрос заключается в том, какую сторону пролива выбирать для траленія — сѣверную-ли, по которой проходит фарватер для глубоко-сидящих судов, или южную? Каких либо указаній, могущих облегчить эту задачу, нѣтъ, а потому я рѣшил поступить в данном случаѣ по большинству голосов, которое опредѣлило для траленія южную часть. Может быть у вас найдутся

какія-нибудь соображенія, которыя заставят нас измѣнить принятое рѣшеніе.

— К сожалѣнію, я не нахожу достаточно основательныхъ возраженій противъ траленія именно южной части. Но, несмотря на это, я все-таки совѣтовалъ-бы обратить вниманіе на сѣверную часть. Мои соображенія основываются на томъ, что сѣверный проходъ гораздо удобнѣе для мореплаванія, нежели южный. Онъ отлично освѣщается маяками и хорошо обвѣхован, что очень цѣнно для большевистскихъ, не особенно сильныхъ въ навигаціи, моряковъ. Впрочемъ, это не больше, какъ предположеніе.

— В такомъ случаѣ, господа, — обратился адмиралъ къ присутствующимъ, — черезъ часъ дивизіонъ траленія приступитъ къ работѣ в южной части пролива, а отрядъ вооруженныхъ ледоколовъ начнетъ продвигаться по протраленной полосѣ, прикрывая тралышки отъ могущаго появиться со ту сторону мивнаго поля непріятеля.

— Тогда разрѣшите мнѣ отправиться къ себѣ на дивизіонъ. Надо подготовить тралы, — поднимаясь со стула, произнесъ начальникъ дивизіона траленія, товарищъ Глѣба по выпуску, князь Микеладзе.

— Дѣйствуйте, князь, — согласился адмиралъ, также поднимаясь со стула и закрывая совѣтъ.

— Не нравится мнѣ сегодняшняя операція, — уже в корридорѣ, идя къ Глѣбу, произнесъ Микеладзе: — Опккровенно говоря, я прямо убѣжденъ, что большевики на-стали мнѣ имѣево в южной части. По моему мнѣнію, мы обязательно напоремся на мивное поле. Ну, прсщай, Глѣбушка, авось какъ-нибудь пронесетъ, — улыбнулся онъ.

Федоров и Глѣб стояли на мостикѣ флагманскаго корабля и с напряженным вниманіем слѣдили за маневрами тральщиков. Первая мара, под брѣйд-вымпелом Микеладзе, волоча за собою трал, уже вошла в пролив.

— Благослови, Боже! — произнес Федоров, крестясь и приставляя к глазам бинокль.

— Кажется, затралили, — замѣтил Глѣб, видя, что оба тральщика свернули с назначенной линіи.

— Да. Мину оттаскивают.

Оттащив и разстрѣляв мину, тральщики снова двинулись по прежнему направленію. Теперь уже и вторая мара, идя нѣсколько уступом позади первой, волочила трал. Снова и снова выходили тральщики в сторону, оттаскивая и уничтожая мины. Вдруг тральщик, на котором развѣвался брѣйд-вымпел Микеладзе, окутался густым облаком дыма и совершенно исчез. Когда дым разсѣялся, из воды торчали только верхушки мачт. Видно было, как шарный тральщик подшел к своему потопленному товарищу, а затѣм, подобрав трал, двинулся к флоту, тогда как вторая мара и вступившая за ней третья, продолжали работу.

— Спасенных нѣтъ! Всѣ потоплены! — прокричал командир тральщика, проходя мимо флагманскаго корабля.

— Господи, упокой их души, — снимая фуражку и крестясь, прошептал Федоров.

— Что это за шлюпка? — вдруг спросил Глѣб.

С берега, держа курс на флагманскій корабль, дѣйствительно приближалась шлюпка.

— Не теряйте ее из виду, — обратился он к командиру.

Между тѣм шлюпка быстро приближалась и уже простымъ глазомъ можно было разглядѣть, что в ней находится всего одинъ человекъ. Прошло еще нѣсколько минутъ и она пристала къ флагманскому кораблю.

— Прикажите прибывшаго провести сюда; — приказалъ Федоровъ вахтенному начальнику.

— Андрей Михайлович! Ты-ли это? — всплеснулъ руками поднявшійся на мостикъ незнакомецъ.

— Простите. Не узнаю, — отвѣчалъ тотъ.

— Я Лукашевич. Неужели забылъ?

— Лукашевич! Вася! Да неужели это ты? — воскликнулъ Федоровъ, заключая его въ свои объятія. — Это мой товарищ по выпуску, капитанъ I-го ранга Василій Васильевичъ Лукашевичъ, — замѣтивъ недоумѣнiе окружающихъ, произнесъ онъ. — Какими судьбами? — снова обратился онъ къ Лукашевичу, но тотъ замахалъ руками.

— Ради Бога, верни скорѣе свои тральщики. Сѣверный форватеръ свободенъ отъ минъ.

— Поднять сигналъ: “прекратить операцію”, — командовалъ Глѣбъ.

Взвѣлись сигнальные флаги и черезъ минуту, подбирая тралы, тральщики повернули назадъ.

— Я какъ сумасшедшій торопился къ тебѣ, — между тѣмъ говорилъ Лукашевичъ. — Какъ замѣтилъ твой отрядъ, такъ моментально въ шлюпку. Прямо чувствовалъ, что ты форсировать проливъ собираешься. Вѣдь я тутъ на побережья больше мѣсяца живу. Завѣдую лоц-дистанціей. Всѣ ихъ работы по постановкѣ минъ на моихъ глазахъ происходили.

— Не прикажете-ли, на всякій случай, все-таки сперва протралить съверны форвагер? — обратился Глѣб к адмиралу.

— Да. Пусть пройдут с тралами. Лишняя предосторожность никогда не повредит.

Соответствующими сигналами Глѣб направил тральщики на съвер. На этот раз они прошли благополучно, так что к вечеру того-же дня флот стал на якорь на Мариупольском рейдѣ. Лучи заходящаго солнца хорошо освѣщали гѣлую массу дымов уходящаго к Таганрогу большевистскаго флота.

— Жаль, что приближающаяся ночь лишает нас возможности преслѣдовать их, — промолвил Глѣб

— Ничего, — возразил Федоръ. — Завтра мы им сдѣлаем визит к самому Таганрогу и, если они не укроются в гавани, то дадим бой.

При появлении на рейдѣ бѣлаго флота, Мариуполь был покинут красными войсками, а на другой день, без единого выстрѣла, в него вошли добротолыцы. На утро флот поднял якоря и, во главѣ с флагманским кораблем, отправился вглубь залива. Два дня продолжалось это плаваніе, так как, опасаясь могущих встрѣтиться мин, приходилось идти с тралами. Подойдя к Таганрогу, Федоров убѣдился, что неприятельскій флот укрылся в гавань, под защиту батарей. Дѣлать было нечего и пришлось возвратиться, так и не сразившись с врагом.

— А досадно, — говорил адмирал, сидя с Глѣбом на спардакѣ. — Теперь вѣдь нам с вами придется дежурить у входа в залив. Наши войска не собираются закрѣпляться в Мариуполь. Взятіе города было необходимо лишь на

короткій срок. Дня через два они отойдут назад. Что-же касается Бердянска и всего побережья к западу от него, то наше командованіе собирается удерживать за собой и просило меня оградить армию от бомбардировок, а то и десантов с моря. Если-бы нам удалось разбить неприятельскій флот, то задача была-бы рѣшена, теперь-же противник, послѣ нашего ухода из залива, преспокойно выйдет из Таганрога и сможет вредить нашей арміи.

— Несомнѣнно, что так он и поступит, — вставил Глѣб.

— Вот в том-то и дѣло. А потому нам придется держать заслод у входа в залив. Так что, когда наши войска скончат свою операцію и отойдут от Мариуполя, я вам оставляю отряд вооруженных ледколлов и двѣ канонерскія лодки, а с остальными кораблями пойду в Керчь. Если неприятель появится, то вызывайте меня по радиотелеграфу, а сами, не упуская его из виду, медленно отступайте на Керчь, до соединенія со мною. Через двѣ недѣли я вас смѣню.

Вот уже вторая недѣля, как со своим отрядом Глѣб стоит у песчаннаго и пустыннаго берега. Время тянется томительно медленно. Недавно он получил радиотелеграмму от Федорова с том, что благодаря затянувшемуся ремонту нѣкоторых кораблей, он смѣнит его на цѣлую недѣлю позже условленнаго. Глѣб перечитал всю скудную библіотеку, имѣющуюся на кораблѣ, и буквально изнывал от скуки. Нечего и говорить, что возвращеніе в Керчь, к своей Наташѣ, он ждал, как манны небесной. Кромѣ того, он же ша шутку тревожился возможностью появленія в Керчи Карягина.

— Глѣб Николаевич, шифрованное радио, — входя в каюту, доложил ему командир флагманскаго корабля.

— Давайте, — отозвался Глѣб, усаживаясь к столу.
— Садитесь, Юрий Николаевич. Давайте будем вмѣстѣ расшифровывать.

Вот что гласила телеграмма: “Пошлите кого-нибудь из расторопныхъ офицеровъ в тыл къ врагамъ для развѣдки. Высадите его ночью со шлюпки гдѣ-нибудь на побережьи. Необходимо узнать количество войскъ, сосредоточенныхъ в Мариуполь, а также, по возможности, предполагаемое ихъ направление. Федоров”.

— Однако, задача не легкая, — задумчиво произнес Глѣб. — Не найдется-ли у васъ подходящаго офицера?

— Есть одинъ. Онъ уже не разъ бывалъ съ этой миссіей в распоряженіи враговъ.

— Кто такой?

— Инженер-механикъ мичман Попов. Онъ у меня, за недостаткомъ офицерскихъ вакансій, старшимъ машинистомъ служитъ.

— Что-жъ. Давайте его сюда. Побесѣдуемъ.

Минутъ черезъ пять в каюту вошелъ мичман Попов. Рабочій костюмъ, мозолистыя руки и шеренчатка на углемъ лицо дѣлали его похожимъ на профессиональнаго рабочаго.

Глѣб объяснилъ ему предстоящую задачу.

— Что-же, можно, — отвѣчал Попов, выслушавъ все.

— А что вамъ, для болѣе успѣшнаго выполненія задачи, требуется?

— Во-первыхъ, денегъ, а, во-вторыхъ, ваше слово, что черезъ три дня в томъ-же самомъ мѣстѣ, гдѣ я высажусь, меня будетъ ждать шлюпка. Все остальное у меня есть.

— Что-же у вас есть?

— Есть подходящий костюм и большевистский документ, недавно визированный в Мариуполь.

— И что-же, больше вам ничего не надо?

— Никак бѣт. Больше ничего.

— Отлично. Денег я вам дам, также как и слово о том, что если только буду жив и за эти три дня сюда не выйдет большевистский флот, во что я не вѣрю, шляпка вас будет ждать. Вы удовлетворены?

— Вполнѣ, Глѣб Николаевич.

— В таком случаѣ, через час мы снимаемся с якоря и я подведу вашу шляпку насколько возможно ближе к берегу, а там уж дѣйствуйте сами.

Глубокой ночью корабль Глѣба подходил к неприязельскому берегу. Темнѣе была ужасная и Глѣб опасался, как-бы не выскочить на песок.

— Берег видѣн, — произнес командир, стопомя машины.

— Посылайте шляпку. Дай вам Бог удачи, — позвал Глѣб руку Попова, перекрестил его и обнял.

Через минуту от борта корабля отдѣлился какой-то предмет и исчез в темнотѣ.

— Куда вас высалить? — спрашивал шопотом сидѣвшій у руля мичман.

— Да вот хоть под тот холмик, — также шопотом отвѣчал Попов.

Шляпка безшумно скользила по тихой водѣ. Вскочил киль ея зашуршал по песку и она остановилась. Нѣкоторое время никто не двигался, прислушиваясь и вглядываясь в темноту.

— До свиданья, — прошептал Попов, скользнул в воду и исчез в темнотѣ.

Прождав еще минутъ пятнадцать и не слыша никакого шума, шлюпка также тихо, какъ появилась, исчезла, растаявъ в непроглядномъ мракѣ.

Выйдя на берег, Поповъ некоторое время прислушивался, а затѣм, убѣдившись, что никто его не замѣтил, зашагалъ вверхъ, стремясь поскорѣе отойти отъ берега.

Солнце только что всходило, когда онъ былъ уже на Мариупольской дорогѣ. Поссе было безлюдно, но вотъ впереди показалось трое всадниковъ. Это былъ конный раз'ѣзд.

— Здорово, товарищ, — крикнули кавалеристы, поровнявшись с нимъ.

— Здравствуйте, товарищи, — снимая шапку, отвѣчал Поповъ.

— Ты откуда идешь?

— Я с села Перелешкова, товарищи.

— Рыбакъ?

— Рыбачимъ помаленьку.

— А бѣлогвардейскихъ пароходовъ у васъ не видать?

— Нѣтъ, товарищи. Какъ ушли прошлый разъ, такъ съ тѣхъ поръ и не показывались.

— Такъ какого чорта мы поѣдемъ в Перелешково, — воскликнулъ одинъ изъ кавалеристовъ.

— Такъ-то оно такъ, — отозвался, повидимому, начальникъ раз'ѣзда. — А коли командиръ пропозааетъ? Вѣдь онъ шутить не любитъ.

— Ну, коли боишься, такъ ѣдемъ. Чортъ с тобою!

— Такъ-то лучше. Безопаснѣе, товарищи.

— Иди, иди себѣ, — обратив вниманіе на все еще стоявшаго Попова, крикнул первый кавалерист, трогаясь с мѣста.

— Первое препятствіе миновал, — подумал Попов, облегченно вздыхая.

К полдню он уже входил в Мариуполь. Обиліе шатавшихся по улицам красноармейцев поразило его.

— Дѣйствительно, кажется, наступать собираются, — соображал он, заходя в тот трактир, в котором не раз ночевал и обѣдал при первых своих посѣщеніях города. — Дяденькѣ Прохорычу наше почтеніе, — обратился он к стоявшему за стойкой хозяину.

— А опыть пожаловал, — узнал его тот.

— Да, Андрей Прохорыч, опять по дѣлу пришло.

— Что по своему, аль по общественному?

— Не. По своему. Братана пришел разыскать.

— Какого братана?

— Да моего. Он в солдатах служит. Третьевадни от него письмо получил, что мол будет на этих днях в Мариуполь, так чтоб я безпремѣнно пришел повидаться и чтобъ делегъ ему принес.

— Что-жъ, денег-то принес?

— А как-же. Извѣстно принес.

— В какой части брат-то твой служит?

— Вот это-то я и запоминавал. Писал он мнѣ раньше, да я не заучил, а в последнем письмѣ про это ничего не написал.

— Эх ты, мумія гипетокая! — засмѣялся трактирщик. — Развѣ можно в такой массѣ войсков найти солдата, коли не знаешь в какой он части служит?

— Да, вѣдь, вот бѣда. Запамятовал, — почесывая затылок, отвѣчал Попов.

— Садись, что-ли Обѣдать-то будешь?

— Известно буду.

Сидѣвшіе в трактирѣ солдаты переглядывались и посмѣивались над престодушным парнем.

— Да он что, брат-то твой, в пѣхотѣ служит? Или в артиллеріи? Или, может быть, в кавалеріи? — обрагился к Попову один из них.

— А кто его знает! Окромѣ названія полка, он ничего не писал, а названіе-то я и запамятовал, — тришмякаясь снова чесать затылок, отвѣчал Попов. — Вот кабы кто мнѣ указал это названіе, я сейчас-бы припомнил.

— Эх, ты, ежова голова! — улыбулся солдат. — Давай-ка я тебѣ перескажу всѣ части, какія сейчас тут стоят. Авось узнаешь.

Только этого и ждал Попов.

— А ну, — улыбулся он, старательно отмѣчая в памяти то, что ему говорили.

— Чю-ж, не узнал?

— Не признавал, — дѣлая грустное лицо, отвѣчал Попов.

— Ну, братец, я тебѣ всѣ пѣхотныя и кавалерійскія части назвал. Других тут нѣту. А может он в артиллеріи?

— А кто его знает!

— Только в артиллеріи не полки, а дивизіоны.

— Вот, вот, — обрадовался Попов. — Дивизіоном-то его и зовут.

— И дурак-же ты, братец! — засмѣялся солдат. — Дивизион — то не имя, а названіе. Все одно, что полк. Полки-то разные бывают, так и дивизионы разные. Ну, слушай, я тебѣ пазору имена дивизионов, а ты старайся вспомнѣть.

— Не. Не так, — снова отозвался Попов, когда перечисленіе артиллерійских дивизионов было закончено.

— Коли не так, значит твой брат еще не пріѣхал. Обожда здѣсь годок-другой, авось еще и пріѣдет! — засмѣялся солдат.

Окончивъ обѣд, Попов принялся бродить по трактирам и, вступая в разговоры с солдатами, угощая их то пивом, то самогубом, выспытывал у них свѣдѣнія о их частях и о предстоящем наступленіи.

Два дня он торопел за этим занятіем.

— Что, гаребек, — однажды окликнул его на одной из улиц тот солдат, который еще в первом трактирѣ перечислял ему названія частей. — Нашел брата-то?

— Не. Не нашел, — отвѣчал Попов, принимая глуговатый вид.

— Так ты-бы в штаб сходил. Авось, там тебѣ скажут.

— А гдѣ-ж этот штаб?

— Идем, я тебя провожу.

— Пойдем, — флегматично отвѣчал Попов.

Пройдя нѣсколько улиц, они очутились перед небольшим особняком.

— Вот, ступай в этот дом. Поднялись на второй этаж, да там и стѣашкивай, — учил его услужливый солдат.

Подляввшись на второй этаж, Попов остановился перед двумя дверьми. На одной из них было написано: часть распорядительная, а на другой — оперативная. Открыл вторую, он очутился в довольно темном корридорѣ, в который выходили двери нескольких комнат, причем одна из них была приотворена.

— Так, вот, товарищ, — слышался разговор из за незапертой двери. — В этих пакетах заключаются диспозиции на аэрользавтрашній поход. Сегодня-же отправьте их по адресам. Не забудьте, что это очень важные документы.

— Слушаю, товарищ, — отвѣчал второй голос.

— Кажется, что-то интересное, — подумал Попов, прячась за большой, стоявшій в углу, шкаф.

— Теперь спешайтесь, только сперва зайдите к товарищу Кузнецкому. Это в соседней комнатѣ. Он вам даст все-какия инструкции. До свиданья. Торопитесь, пока еще свѣтло.

— До свиданья, — отвѣчал второй голос, и в дверях с большой кожаной сумкой в руках появился какой-то человек в формѣ кавалериста.

Оглядевшись по сторонам и не найдя вѣшалки, он положил сумку на шкаф, а сам вошел в одну из комнат. Не теряя ни секунды, Попов выскочил из засады, запустил руку в сумку, рысцой из нее цѣлую кипу пакетов и, сунув их за пазуху, юркнул в свое убожище. И было время, так как в этот момент дверь отворилась и тот-же кавалерист, схватив на ходу сумку, стал спускаться по лѣствицѣ. Выждав несколько минут, пока за-

тихли его шага. Попов покинул свой угол и вышел на площадку.

— Что ты тут дѣлаешь, бродяга? Что тебѣ надо? — вдруг окликнул Попова поднимавшійся по лестницѣ солдат, увидимому, разсыльный или сторож.

— Да в N-ской дивизіи у меня братан служит, так я разыскать его пришел.

— Чего-ж ты в оперативную часть-то прешь? Не видишь надписи, что-ли?

— Да я не грамотный. Сказали, что в штабѣ про него узнать можно, вот я и пришел.

— Проваливай-ка, пока цѣл, а не то как-бы худо не вышло!

Состроив опечаленное и испуганное лицо, Попов стал медленно спускаться. Выйдя на улицу, он глубоко вздохнул и уже быстрым шагом направился за город. Начинало смеркаться. Проходя по улицам, он то и дѣлал встрѣчал знаемых солдат, с которыми кутил эти дни.

— Эй, братан! — кричали ему нѣкоторые. — Идем в трактир, я тебя научу, как братана найти!

Но Попов глуше ухмылялся и проходил, не останавливаясь. Выйдя за город, он заторопился. Чуть не бѣгом побѣжал.

— Ох, олоздаю, — с тоскою думал он, задыхаясь от быстрого хода.

Еще ночь не успѣла окончательно вступить в свои права, как навстрѣчу ему показалось три всадника.

— Эй, товарищ! — крикнул ему один из них. — Нѣтъ-ли шапироски?

— Папироски-то вѣтъ, а табачек имѣется. Коли хочешь, сърути.

— Долно тебѣ возиться, Васильев. И то опаздываем, — обратился к желавшему закурить солдату, повидимому, начальник разѣзда.

— Я в момент, товарищ. Вы себѣ поѣзжайте. Я догоню. Не сумлевайтесь, — отвѣчал тот, останавливая коня и бросая пофодья.

Попов долго рылся в карманах, но вдруг вмѣсто табаку вытащил револьвер и в упор выстрѣлил в кавалериста. Вскочил в сѣдло и полетѣл карьером.

— Предательство! — услышал он крикъ позади и в тот-же момент двѣ пули просвистали мимо его ушей.

— Вынесет или не вынесет? — мелькало в его головѣ.

Вдруг из темноты, прямо перед ним, точно из под земли выросли еще три всадника.

— Стой! — закричал один из них, пытаясь схватить за узду его коня.

Попов охота выстрѣлил и пронесся мимо. Снова нѣсколько пуль прожужжало мимо него.

— Идѣ-жъ эта мельница, у которой сворачивать надо? — с тревесей думал он, всматриваясь в темноту. — Как-бы не проскакать мимо, Тогда пропала моя головушка.

Еще нѣсколько минут бѣшенно скачки и из темноты выплыл силуэт мельницы. Обогнув ее, он свернул на проселочную дорогу. Между тѣм разстояніе между ним и погоней сокращалось. Он ясно слышал возбужденные голоса преслѣдователей.

— Ничего. Теперь близко. Еще немножко и я дома.

Теперь он скакал мимо небольшого лѣска, спускаясь к морю.

— Кажется, здѣсь. Пора, — рѣшил он, сосканивая с лошади, и, стегнув ее напоследок, скрылся между деревьями.

Получив хлыста, конь еще некоторое время скакал по старому направленію, так что преслѣдователи, в темнотѣ не замѣтив маневра Попова, пронеслись мимо него. Только поймавъ коня и убѣдившись, что он без сѣдока, они вернулись приблизительно к тому-же мѣсту. Между тѣм Поповъ, спотыкаясь о корни деревьев, а иногда натыкаясь на их стволы, бѣжал к берегу.

— Здѣсь-ли шляпка? Ну, а что, если она ушла, а то и вовсе не шрѣходила?

В это время кавалеристы, опредѣлив по топоту ног мѣстонахожденіе бѣглеца, спѣшили и вошли в лѣс.

— Не уйдет! — говорили они. — Куда ему дѣться? Развѣ по водѣ побѣжит.

Между тѣм шляпка давно уже ожидала Попова. Заслышав шум бѣгущих людей, гребцы приготовились стрѣлять.

— Идѣ вы? — вдруг раздался знакомый голос из чащи.

— Здѣсь, сюда, — отвѣчал Попову рулевой, и через минуту он был уже в шляпкѣ.

— Уходите скорѣе! Меня преслѣдуют! — прескриптъ он, задыхаясь. — Там, в лѣсу, человекъ пять кавалеристов меня ищут.

Рулевой полиховьку отвел шлюпку на нѣсколько сажень от берега и остановил ее. В это время из лѣса на берег вылезли преслѣдовали.

— Куда-же от дѣлся? — доносилось до моряков, скрытых покровом ночи.

— Надо быть, здѣсь гдѣ-нибудь. Прилег за какой-нибудь кустик и лежит.

— Как-же там быть, товарищ?

— Лучше всего, коли двое с'ѣдут к эскадронному, да доложат ему обо всем, а трое пусть сторожат по дорогѣ. Все одно, аэромя дороги ему некуда выйти.

— Кто-же здѣсь останется?

— Да побѣжай хоть ты с Семеновым, а мы по-сторожим.

— Ладно. Идете к косям, что-ли.

Через нѣсколько минут голоса на берегу стихли и шлюпка направилась к кораблю.

Через полчаса Писов уже сидѣл в каютѣ Глѣба и разсказывал ему обо всем, что видѣл и слышал.

— Однако, и молодец, — удивился Глѣб находчивости и безстрашию своего посланца.

До самого утра он просидѣл в каютѣ, разбирая принесенные Поповым пакеты и составляя телеграмму Федорову. В пакетах оказались распоряженія отдѣльным частям о движеніи их во время готовившагося наступленія. Вскрывая пакет за пакетом, Глѣб просматривал их и, дѣлая замѣтки и выписки, откладывал в сторону. Вдруг один из пакетов остановил его вниманіе. В текстѣ меленькула значилась фамилія Карягина.

— Странно, как мог попасть сюда этот мерзавец. Впрочем, вероятно, однофамилец, — соображал он, принимаясь внимательно читать бумагу. “Командиру N-скаго батальона, товарищу Прозоровскому. По приказанію командора, вам надлежит послѣзавтра, т. е. в понедѣльник, выступить с вашим батальоном в село Перелешково, в котором находится эскадрон кавалеріи под командою товарища Матвѣя Карягина. По прибытіи в село, прикажите Карягину немедленно идти на присоединеніе к полку, о мѣстонахожденіи котораго он знает. До полученія новых инструкцій оставайтесь в селѣ и организуйте тщательное наблюденіе за берегом моря, дабы не пропустить момент могущей быть высадки десанта бѣлых. Берег у этого села очень удобен для такой операціи. Начштаб Ковригин”.

— Что за странность? — думал Глѣб. — И имя, и фамилія сходятся. Тот кавалерист и этот кавалерист. Неужели он успѣлъ бѣжать и вновь поступить на службу к красным? Впрочем, тѣм лучше. По крайней мѣрѣ я могу быть спокойным за Наташу. А быстро оборудовал он это дѣло! Вѣдь только мѣсяц прошел, как я его оставил на попеченіи в Севастополѣ. Энергичный человек, что и говорить! Неужели, потерявъ надежду, он махнул на нее рукой? Нѣтъ. Не такой это человек. Просто какой-то новый план родился в его изобрѣтательной головѣ.

На другой день, часам к двѣнадцати, снова была получена телеграмма.

“Ближайшей ночью, свезя десант, захватите село Перелешково и задержитесь в нем до моего прихода. Через час с флотом и погруженной на корабли шхотой выгожу к вам на присоединеніе. Федоров”.

— Вот странно, — думал Глѣбъ, прочитав телеграмму. — Вѣдь в Перелешковѣ Карягин. Снова судьба сталкивает нас. Чѣм-то на этот раз кончится? До сих пор счастье неизмѣнно мнѣ улыбалось. Посмотрим.

Лишь только начало смеркаться, из трубъ кораблей повалила густой дымъ и зазвенѣли якорныя цѣпи. Один за другим потянулись суда къ назначенному мѣсту. Как и при высадкѣ мичмана Погова, Глѣбъ подвел свой отрядъ чуть-ли не вплотую къ берегу. Согласно заранѣе отданному приказанію, на корабляхъ соблюдалась полнѣйшая тишина. Даже якорей не бросали, а медленно спускали ихъ в толу, чтобы не шумѣть цѣпями. В назначенный часъ у борта флагманскаго корабля собралось около двудати, наполненныхъ вооруженными людьми, шлюпокъ. Назначивъ командира флатманскаго корабля, старшаго лейтенанта Иртенева, командовать десантомъ и давъ ему послѣднія наставленія, Глѣбъ приказалъ начинать наступленіе. Стоя на мостикѣ, онъ видѣлъ, какъ, одна за другой, еле махая веслами, исчезали шлюпки.

— Экая досада, что я самъ не имѣю права взять на себя командованіе десантомъ! Вѣдь могло-бы повезти и я самъ-бы захватилъ этого негодяя.

Тишина стояла мертвая и с берега не доносилось ни одного звука. Вдругъ вдали прогремѣлъ одинокій выстрѣлъ, а минутъ черезъ пять берегъ ожилъ. Начался бой.

ГЛАВА XII.

Объѣзжавшій побережье раз'ѣздъ замѣтилъ шлюпки лишь тогда, когда часть десанта уже высадилась на берегъ. Еще не утѣрѣвныя в томъ, что толпяціеся на берегу

люди не хѣстные рыбаки, кавалеристы остановились шагахъ в двухстахъ и окликнули их. В отвѣтъ раздался выстрѣлъ и они убѣжали.

— Товарищ есмандир! Товарищ командир! — будили они разоспавшагося Карягина.

— Ну, чего еще? — просыпался, отвѣчал тот.

— Бѣлье высадилась! Бѣлье наступают!

— Какіе бѣлье? — вскакивая с кровати, воскликнул Карягин.

— Десять с пароходов высаживается!

— Будите эскадрон! Тревога! Коней сѣдлать! — наконец, пришел он къ себѣ.

— Далече еще бѣлье?

— К селу подходят, а может уже и в село вошли! Не задерживаясь в комнатѣ, еле одѣвшись, Карягин вышел къ крыльцу и вскочил на ожидавшаго его коня.

— Всѣ-ли готовы? — крикнулъ он, въѣзжая на широкій двор, гдѣ был расположен эскадрон.

— Всѣ, — отвѣчали ему из темноты.

— По коням! Справа по три, марш! — командовал он, вытаскивая револьвер.

Луна только что начинала всходить. Выѣхав на околицу, кавалеристы остановились, но в тот-же момент с берега затрещали выстрѣлы и вокруг засвистѣли пули.

— Рысью, марш! — снова командовал Карягин, и эскадрон исчез в облакѣ пыли.

Десять без труда занял село. Когда, на другое утро, Глѣб пріѣхал на берег, то нашел образцовый порядок и спокойствіе.

— А осмотрѣли вы квартиру краснаго командира?
— обратился онъ къ начальнику десанта.

— Простите, не сообразил, — отвѣчал тот.

— Не бѣда. Идемте, осмотрим ее тѣмѣть.

При входѣ въ комнату, Глѣбу бросился въ глаза безпорядокъ, царившій въ ней. Не убранная постель, разбросанныя вещи. Все свидѣтельствовало о присутствіи ея обитателя. На стоявшемъ у окна столѣ лежали какія-то тетради и бумаги. Глѣбо собрал ихъ и уложилъ въ валяющуюся на стулѣ папку. Тщательно осмотрѣвъ комнату, въ сопровожденіи начальника десанта и появившихся хозяевъ онъ вышелъ во дворъ.

— Вотъ что, Юрій Николаевичъ. Прикажете-ка рыть окопы, да соберите сельскій сходъ. Пусть и крестьяне помогутъ въ этой работѣ, а я сейчасъ укажу какъ ихъ расположить. Прикажете хозяину подать намъ пару осѣдланыхъ лошадей.

— Эй, борода! — крикнулъ Иртеневъ. — Чтобъ черезъ полчаса здѣсь была-бы пара осѣдланыхъ коней. А сельскій сходъ чтобъ собрался сейчасъ-же.

— И... кормилецъ, — отвѣчалъ хозяинъ. — Откуда у насъ кони, да еще съ сѣдлами? Не обезсудь. Нетути.

— Васильиченко! — обернулся Иртеневъ къ ординарцу. — Передай плотникамъ, чтобы висѣлицу поскорѣй построили. Сейчасъ этого старика вѣшать будемъ.

— Есть! — отвѣчалъ ординарецъ, бѣгомъ направляясь къ воротамъ.

— погоди, кормилецъ, — заступая дорогу ординарцу, взмолился хозяинъ. — Зачѣмъ-же вѣшать? Авось, кони найдутся.

— Так не морочь ~~голову~~, старик! У нас разгово-
ры коротки. Бѣги-ка лучше за конями, а старухѣ ска-
жи, чтобы чай приготовила его превосходительству, —
указывая глазами на Глѣба, прибавил он.

Вернувшись в комнату, в которой уже хлопотала
хозяйка, Глѣб принялся читать захваченныя бумаги. По
большей части, это были хозяйственные журналы эскад-
рона, но в одном из них он нашел запечатанное и готовое
к отправкѣ письмо, адресованное на имя старшаго адъ-
ютанта штаба корпуса.

“Дорогой Петя! — читал Глѣб. — Ты пишешь, что
начальство весьма мною довольно и ищет способа награ-
дить меня. Очень тебя прошу, при случаѣ скажи кому слѣ-
дует, что я все иду награды, а уж если дѣйствительно хо-
тят доставать мнѣ удовольствіе, то пусть назначат меня
в тот отряд, который будет дѣйствовать против Керчи.
Должен жебѣ сказать откровенно, что мнѣ до зарѣзу не-
обходимо войти в Керчь первым. При встрѣчѣ об’ясню, в
чем дѣло, а пока в’рѣшко жму твою руку. М. Карлгин”.

— Вот оно что! — протянул Глѣб, дочитав пись-
мо. — Вот на что ты надѣнешся, толубчик! Ну, это мы
еще посмотрим! Вряд-ли ты что-нибудь найдешь в Кер-
чи, если даже и пошадешь туда.

Глѣб повеселѣл. Теперь, когда он знал карты Ка-
рагина, он уже больше не безпокоился за Наталгу.

— Лошади готовы и сельскій сход собран, — до-
ложил Иртенев.

— Прощайство. Бѣдите.

Ожидавшіе Глѣба крестьяне снимали шляпы, лишь
только замѣтили его приближеніе.

— Здравствуйте, православные, — приподнимая фуражку, произнес он.

В ответ раздался невнятный гул.

— По приказанию генерала Врангеля, я занял вашу село и выгнал отсюда красную нечисть. Теперь, чтобы не пустить сюда красных опять, вотруг села надо выкопать окопы. И собрав вас для того, чтобы вы выставили мѣхъ четыреста человекъ с лопатами и кирками. Через час, чтобы всѣ были собраны, а теперь выбирайте рабочих по справедливости. Пу-с, ѣдем, Юрий Николаевич, — и, повернув коня, он поѣхал къ околицѣ.

Осмотрѣвъ окрестности и назначив мѣста для окопов, он вернулся на корабль, гдѣ его уже ждала телеграмма. Федоров извѣщал, что на другой день, къ двѣнадцати часам, рассчитываетъ подойти къ Перелешкову.

День прошел спокойно. Къ вечеру окопы были готовы и, расставив караулы, Иртенев явился с докладом.

— Уж очень мало людей, Глѣб Николаевич. Окопы длинныя. В них цѣлый полкъ размѣстить можно, а тут всего какія нибудь двѣ роты.

— Да, людей маловато, но не забывайте, что когда красные пойдутъ в наступленіе, мы их встрѣтим огнемъ восьми шестидюймовою и десяти трехдюймовою. Нам только до завтрашняго полдня продержаться. Ровно сутки, а къ этому времени адмиралъ подвезетъ пѣхоту. Кроме того, я рѣшилъ усилить вашъ десантъ и завтра с разсвѣтомъ къ вамъ явятся всѣ машинисты и кочегары отряда. Корабли все равно двигаться не будутъ, так что в них и отряды нѣтъ.

— Это не повредит. Лишьихъ сто, сто пятьдесятъ человекъ могутъ оказывать существенную пользу.

На другой день, чуть взошло солнце, красные начали наступление. Густые цѣпи их двигались, окружая село, со всѣх сторон. Наблюдавшій с мостика за начавшимся кражеиём, Глѣб приказал открыть огонь из орудій. Первые же залпы остановили наступающих и заставили их лечь. В отличный цѣйсовскій бинокль было видно, как к лежащим цѣпям подѣзжали какіе то конные, послѣ чего пѣхота поднималась, но, продвинувшись немного вперед, снова ложилась, уstraшенная взрывами тяжелых снарядов. Было часов десять утра, когда Глѣб замѣтил на горячонтѣ дымы приближавшихся кораблей. Между тѣм на берегу уже завязалась ружейная перестрѣлка.

— Передайте на берег по семафору, что адмирал идет и что скоро начнется высадка пѣхоты, — приказал Глѣб вахтенному начальнику.

Медленно, но упорно и безостановочно, двигались красные. Из за холмов выходили все новыя и новыя цѣпи. До сих пор молчавшія трехдюймовки тоже приняли участие въ бою. Онѣ засыпали снарядами переднія цѣпи противника. Благодаря их скорострѣльности, снаряды падали цѣлыми лачками.

— Ох, близко подошли! — волновался Глѣб, но взглянув на море, нѣсколько успокоился.

Отряд Федорова быстро приближался.

Прошло еще нѣсколько времени и цѣпи красных залегли в таком разстояніи, что с минуты на минуту надо было ждать рѣшительной атаки. В это время подошедшіе корабли открыли огонь из всѣх своих пушек, одновременно спуская шлюпки с десантом. Не переставая слѣдить за боем, Глѣб сильно волновался. Успѣет, или не успѣет

подойти поддрѣпаніе. Благодаря усилившемуся огню кораблей, красные не двигались, а между тѣм шлюпки быстро приближались.

Вот ояѣ достигли земли и шѣхота, прыгая прямо в шоду, бросилась на берег. Еще милута и многоголосое “ура”. Вглянув на красных, Глѣб увидѣл, что они, подыавшись во весь рост, с винтовками на перевѣс, поубѣжали т. окопам.

— Что же ваша пѣхота, — злился Глѣб, в волненіи кусая губы и прищипывая ногами, но в ту же минулу раздалось “ура” и на берегу. Это только что высажен-ная пѣхота спѣшила на поддержку защитникам окопов. С напряженным вниманіем слѣдил Глѣб за происходившим сраженіем.

— Кто добѣжит до окопов раньше, — думал он. — Если красные, то от моего десанта ничего не останется.

Между тѣм занимавшие окопы люди продолжали стрѣ-лять. Вот они поднялись, готовясь принять штыковой удар. В тот же момент до них добѣжала пѣхота Федорова и увлекая их за собой, бросилась в контр-атаку. Орудія с кораблей дѣйствовали тешерь только по резервам, не по-зволяя им приблизиться.

Не выдержав контр-атаки, красные повернули.

— Слава Богу! — облегченно вздохнул Глѣб. — Во время подошел адмирал.

Побѣда была полная. Красные отступили в полном беспорядкѣ и село было прочно занято бѣлыми. В этот же вечер, сидя с Федоровым в адмиральском помѣщеніи, Глѣб рассказывал ему все, что произошло за эти дни.

— А вы знаете. — сказал Федоров, выслушав рассказ. — Вѣдь эта высадка, которую мы сегодня произвели, только диверсія. Настоящая же высадка сейчас происходит у Геническа.

— Значит нам не надолго надо удерживать это село.

— Завтра же мы снимем десант и вы его увезете в Керчь, а я останусь здѣсь.

Радостный и взволнованный входил Глѣб в Керченскую гавань.

Отдав необходимыя распоряженія, он уже летѣлъ домой.

— Глѣбушка! — воскликнула Наташа, бросаясь на встрѣчу. — Слава! Смотри! Папа приѣхал! Как долго тебя не было, — жаловалась она.

— Да. Цѣлый мѣсяц. Как же вы тут без меня жили?

— Да мы то что. Наше дѣло маленькое. Мама цѣлый день хлопочет по хозяйству, а мы с Славой шалим, читаем. Каждый день перед обѣдом, немножко гуляем. Обыкновенно ходим к гавани посмотреть нѣтъ ли твоего щорабля.

— А знаешь с кѣм я недавно встрѣтился, — держа на колѣнях сына, залустивавшего свои ручки в отцовскую бороду, спросил Глѣб.

— С кѣм же?

— А ты угадай.

— Мудрено, Глѣбушка.

— С Карягиным.

— С Карягиным? — мѣняясь в лицѣ, воскликнула Наташа.

— Представь себѣ. Он успѣлъ бѣжать из Севастополя и сейчас командует эскадромъ в красной кавалеріи.

— Какъ же это он успѣлъ? Впрочем, слава Богу, что он там, а то, признаться, я очень побаивалась его визита.

— Пошлединому он перемѣнил тактику. Убѣдившись, что без поддержки власти сдѣлать ничего не может, а власть, которая способна ему помочь, это большевики, он и бросился снова к ним, надѣясь на скорую их побѣду над нами. Не дай Бог, если это случится. Если наш фронтъ будет разбит, он, я думаю, одним из первых явится сюда.

— А какъ положеніе на фронтѣ, — забеспокоилась Наташа.

— Какъ тебѣ сказать. Сейчас мы имѣем ряд небольших успѣхов, но что значат эти успѣхи, когда против нас, маленькой горсточкой, ополчилась цѣлая Россія. Ты только подумай, что такое представляет изъ себя Крымъ в сравненіи с необъятной Россіей.

— Значит по твоему наше дѣло безнадежно.

— Боже сохрани. Этого я не говорю. Мало ли, что может случиться. Может и международное положеніе измѣниться. Трудно сказать.

— А если фронтъ не выдержит, что мы будем дѣлать?

— Еще рано говорить об этом. Впрочем, скажу одно. Я ни за что здѣсь не останусь. Если не удастся на пароходѣ уйти, наберу человекъ пять офицеровъ, овладѣю какойнибудь шхуной, благо ихъ в порту много и помнивай, какъ звали.

— Да, Глѣбушка. Здѣсь нам оставаться никак нельзя, — пожмаясь, как от холода, при одной мысли очутиться во власти Карягина, отвѣчала Наташа.

Дни проходили за днями и приближалось время идти на смѣну Федорову. Однажды, когда Глѣб обходил ремонтировавшіеся корабли, ему доложили о прибытіи курьера из Севастополя.

— Приказано передать вам или адмиралу Федорову в собственныя руки, — доложил он, подавая секретный пакет.

“По приказанію главнокомандующаго, извѣщаю о рѣшенной им эвакуаціи всѣх войсковых частей, а так же желающих эвакуироваться частных лиц в Константинополь. Перекопская позиція занята непріятелем, наступающим вглубь полуострова. Возможно скорѣе сдѣлайте самый необходимый ремонт, нуждающимся в нем судам и все, что сможет держаться на водѣ, ведите в Константинополь”. Далѣе слѣдовало разписаніе войсковых частей и различных учреждений, двигавшихся в Керчь, для посадки на корабли.

С роковой бумагой в руках, как пораженный громом, стоял Глѣб, опустив голову.

— Кончилось, — думал он. — Напрасно погибло столько энергіи, столько молодых жизней, столько надежд. Свершилось.

Не говоря никому ни слова он отправился в штаб и начал отдавать распоряженія по ремонту судов.

— Приостановите ремонт вооруженій, — говорил он флагманскому инженер-механику. — Сейчас в самом срочном порядкѣ необходимо отремонтировать части машин,

чтобы всё состоящее в нашем распоряжении суда, не позже трех суток, могли бы самостоятельно двигаться.

— Что десант предполагается, Глѣб Николаевич?

— Да. Десант.

Отправив Федорову шифрованную телеграмму о немедленном возвращении всего отряда, Глѣб отправился домой.

— Наташа, мама, — обратился он к ним, входя в комнату. — Будьте готовы. Ровно через три дня мы покидаем Керчь.

— Что случилось? — взволновались женщины.

— Ничего особенного. Просто меня убирают с должности начальника штаба.

— Куда же тебя назначают?

— Это еще неизвестно. Ну, до свидания. Меня сегодня рано не ждите.

— Куда же ты? А обѣдать?

— Никогда. У меня сейчас масса работы. Обѣдайте без меня.

— Что то не ладно, — заволновалась Екатерина Петровна.

— Да. Глѣб очень взволнован. Не эвакуация ли? Надо будет выштыпать у него, когда он вернется.

Напрасно в эту ночь ждали Глѣба домой. Переходя с корабля на корабль, из мастерской в мастерскую и снова на корабль, он так и не явился домой ночевать. Ранним утром он потребовал к себѣ начальника мастерских и фланманского инженер-механика.

— Вяло. Вяло идут работы. Потрудитесь сами за ними слѣдить. Не случайтесь из мастерских.

— Помилуйте, Глѣб Николаевич. Вчера я до десяти с половиною вечера просидѣлъ между станками. Сегодня до восьми был уже на работѣ, — взмолился начальник мастерских.

— Этого мало. Я требую, чтобы вы вовсе не случались с работ, развѣ на пол часа для ѣды.

— Как даже ночью?

— Даже ночью. Имѣйте ввиду, что от скорости вашей работы зависит очень и очень многое. Вы себѣ представить не можете, насколько важно выполнить ремонт в назначенному сроку.

Ошустив инженеров, он уже бесѣдовал с капитанами пароходов.

— Господа, — обратился он к ним. — Немедленно приступите к погрузкѣ угля и приему воды, с расчетом на три с половиною дня плаванія и на четыре дня стоянки. Очередь погрузки я составил. Вот она. Флаг-офицер будет подходить к вам на портовых буксирах и по очереди отводить к пристаням. Примите всѣ мѣры, чтобы погрузка происходила возможно быстро. Впрочем я и сам за этим присмотрю. Отлучаться с кораблей с этого часа запрещено. Сосредоточте всѣ ваши силы на ускореніи работ.

Позвонив с капитанами, он уже лѣгъ на автомобиль к командующему войсками.

— Ваше превосходительство, — говорил он, сидя в кабинетѣ генерала. — В нашем распоряженіи имѣется сорок четыре корабля, самой разнообразной величины. Вот здѣсь список этих судов, с обозначеніем максимальнаго числа людей могущаго помѣститься на каждом из них. Я считаю совершенно необходимым заранѣе распре-

дѣлать эвакуируемыя части по кораблям. Во избѣжаніе безпорядка и насильственнаго захвата судов, какъ это было при эвакуаціи изъ Новороссійска. Всѣ корабли будутъ выведены на рейдъ, а погрузка будетъ происходить при помощи барж и буксирныхъ пароходовъ. Мною будетъ назначенъ особый офицеръ, который будетъ встрѣчать прибывающія части и соотвѣтственно съ тѣмъ расписаніемъ, которое я надѣюсь получить отъ васъ, будетъ ихъ усаживать на баржи и отправлять на пароходы.

— Хорошо, лейтенантъ. Вашъ планъ мнѣ нравится и я къ сегодняшнему вечеру пришлю вамъ расписаніе.

Подъѣзжая къ гавани, Глѣбъ замѣтилъ какъ она ожила. У пристазей, поднимая тучи черной пыли, нѣсколько кораблей грузили уголь. Буксиры взадъ и впередъ сновали по гавани, то перетаскивая пароходы, то подводя къ нимъ баржи съ запасами и матеріалами.

— Слава Богу работа конитъ, — думалъ онъ, проходя въ мастерскія.

— Глѣбъ Николаевичъ, адмиралъ съ моря возвращается. — насилу разыскавъ его, доложилъ одинъ изъ флота-офицеровъ.

Дѣйствительно, подъ флагомъ Федорова на рейдѣ появились корабли его отряда.

— Что случилось? — спрашивалъ Федоровъ, когда остался съ Глѣбомъ глазъ на глазъ. — Зачѣмъ вы меня вызвали?

Вмѣсто отвѣта, Глѣбъ подалъ ему приказъ объ эвакуаціи

— Вотъ в чемъ дѣло, — проводя рукой по лицу произнесъ тотъ. — Значитъ конецъ?

— Конец, Андрей Михайлович. А времени осталось не много. Послезавтра вечером уже можно ждать сюда прекрасную кавалерию.

— А что вы за это время сдѣлали?

— Да уж не знаю похвалите ли, — начиная подробный доклад, отвѣчал Глѣб.

— Что же. Вы прекрасно распорядились. Я очень вам благодарен. А извѣстно ли комунибудь, кромѣ вас, об эвакуаціи?

— Кромѣ меня и командующаго войсками никто не знает.

— Это очень хорошо. Боюсь, что портовые рабочіе, узнавъ об эвакуаціи, прекратят работы.

До поздней ночи Глѣб сопровождал адмирала, показывая ему всѣ производящіяся работы.

— Что же, Глѣб Николаевич, надо думать, что к утру все необходимое будет закончено. Вот тогда и объявим об эвакуаціи. С полдня уже начнут прибывать войска и тайны все равно не удержать.

Домой Глѣб вернулся поздно вечером.

— Глѣбушка! Голубчик! — встрѣтила его Наташа. — Цѣ ты пропадад двое суток? Что случилось? Смотри какой ты блѣдный. Наверное все это время ничего не ѣл. Хочешь ужинать?

— Он ужина не откажусь.

— Садись же.

— Ну, Наташа, завтра утром все равно будет объявлено всѣм, так что тебѣ я могу и сейчас сказать. Через сутки мы эвакуируемся в Константинополь.

Хотя Наташа и догадывалась и предполагала эвакуацию, но вѣсть о ней сильно на нее подѣйствовала. Широко раскрытыми, полными тревоги глазами, она смотрѣла на мужа.

— Да ты особенно не безпокойся. Эвакуация, так эвакуация. Что-ж подѣлаешь? Даст Бог и за границей не гропадем.

— А успѣем ли выѣхать? — наконец, произнесла она.

— Конечно, успѣем. Не даром же я не давал ни себѣ, ни другим отдыха все это время. К завтрашнему утру все самое главное будет готово, а с полдня уже начнем грузить войска. Красные сюда не понадут раньше, чѣм вечером послѣзавтра, а к этому времени, я вполне увѣрен, всѣ успѣют сѣсть на корабли. Завтра, часам к двѣнадцати, я пришлю тебѣ людей и подводку за вещами, но сами вы пока оставайтесь на берегу. Не волнуйтесь и не безпокойтесь. Для нас то во всяком случаѣ мѣсто будет.

— А на каком пароходѣ мы пойдем?

— Адмирал, я с семьей и нѣкоторые чины штаба, пойдут на вооруженном ледоколѣ “Богатырь”. Других пассажиров на нем не будет.

Солнце еще не всходило, а Глѣб уже исчез из дому. Часам к одиннадцати ж его квартирѣ подѣхала, сопровождаемая нѣсколькими матросами, телѣга. Погрузив вещи, они увезли их на пароход. День прошел в хлопотах. Наташа дѣлала необходимыя покупки, а Глѣб размѣщал прибивавшіе части. Благодаря принятым мѣрам, на пристанях

был полный порядок и люди без всякой суеты, усаживались на биржи и отвозились на пароходы.

— Замѣчательно хорошо идет погрузка, — говорил Глѣбу, на другое утро, Федоров. — Я увѣрен, что к полдню, мы ее закончим. Ах да, только что я получил донесеніе от нашего летчика, что по Арбатской стрѣлкѣ движется красная кавалерія, но она еще так далеко, что раньше как к шести семи часам сюда не поспѣет. Значит мы будем имѣть еще часов шесть для окончательной ликвидаціи дѣл и уйдем отсюда не торопясь. Я приказал, к трем часам, подать къ Адмиральской пристани моторный катер, так что, когда погрузка окончится, мы с вами и с вашей семьей послѣдними выйдем из города.

Погрузочный в заботы, Глѣб забыл о Карягинѣ, который во главѣ своего эскадрона в это время скакал по Арбатской стрѣлкѣ далеко оставив позади себя остальную кавалерію. Его маленький отряд не был замѣчен летчиком, обратившим вниманіе лишь на главную колонну, не спѣша подвигавшуюся вперед. С пригорка, на который в'ѣхал Карягин, ему было хорошо видѣн Керченскій рейд.

— Неужели они уже на пароходы садятся, — подумал он, при видѣ цѣлой армады кораблей и сновавших между ними катеров. — Куда же они могут ѣхать? Неужели и тут, из под самага носа, уйдет?

Было ровно три часа, когда Федоров и Глѣб с семьей подходили к Адмиральской пристани, у которой их уже ждал моторный катер.

— Ваше превосходительство, — вдруг раздался зычный голос командира "Богатыря", кричавшаго с мостика своего корабля в огромный рудор. — Отряд красной кавал-

лерия вѣхал в город. Через пять минут он на пристани будет.

— Странно, что так рано. По донесенію летчика, красные еще далеко должны бы быть, — произнес Федоров, помогая дамам сѣсть в катер. — Заводите мотор и отваливайте, — приказал он рулевому.

— Заводи мотор, — крикнул рулевой, возвышаеиуся в машинѣ мотористу.

Нѣсколько минут прошло в томительном ожиданіи. Пока моторист наливал бензин и пристраивал ручку. Вот он ее повернул раз, другой, третій, но машина не работала. В это время в концѣ длинной широкой улицы, ведущей к пристани, показались первые, во весь опор летѣвшіе, всадники.

— Поторопитесь, — хладнокровно произнес Федоров, поглядывая на кавалеристов.

— Машина испортилась, — вдруг заявил моторист, отходя от мотора. — Сейчас пустить ее нельзя. Надо цилиндры разбирать.

— Да вы не видите, что ли, что времени на разборку нѣтъ, — так же спокойно произнес Федоров. — Через три, четыре минуты нас захватят красные.

Наташа блѣдная, как полотно, не спускала глаз с приближавшихся всадников и ей казалось, что она узнает свачущаго впереди Карягина.

Между тѣм моторист, скрестив руки, не двигался съ мѣста, нагло поглядывая на своих пассажиров. Федоров жестом остановил Глѣба и вынув револьвер, самым спокойным, даже любезным тоном, обратился к мотористу.

— Приятель, я буду считать до десяти. Если за это время мотор не заработает, то даю вам слово, а если этого мало, то клянусь Господом Богом, что со счетом десять, всажу пулю в вашу голову. Раз, — произнес он.

— Да вѣдь не могу же я пустить мотор, коли...

— Два, — снова произнес тот, наводя револьвер на негодня.

— Ваша воля, но я...

— Три, — считал Федоров.

— Да вѣдь это насиліе которое...

— Четыре.

Моторист бросился к машинѣ. Мгновенно палив бензин и повернув какой то винт, он схватился за ручку.

— Пять, шесть, — между тѣм раздавался спокойный голос адмирала.

Всматриваясь в скачущих всадников, теперь уже и Глѣб узнал летѣвшаго впереди всѣх Карягина.

— Семь, восемь, — считал Федоров, но в эту секунду раздался характерный шум и мотор запертѣлся.

— Вперед, — скомандовал рулевой и катер, оторвавшись от пристани, как стрѣла понесся вон из гавани.

В это время, как адмирал не опуская револьвера, слѣдил за мотористом, Глѣб направлял шлюпку, поглядывая на пристань, на которой уже появились кавалеристы.

— Садись на дно. Как бы эти негодня не начали стрѣлять, — произнес он, силой заставляя Наташу опуститься вниз.

Еще мгновение и шлюпка выскочила за мол, который скрыл ее от глаз кавалеристов.

Блѣдная, какъ полотно, всходила Наташа по трапу “Богатыря”.

— Поднять сигнал: “Снягся с якоря и идти по назначенію”, — крикнул Глѣб, отводя обѣих дам в приготовленную для них каюту.

— Вышей-ка воды, — старался успокоить он взволнованную женщину.

— Ничего, Глѣб. Ничего. Это сейчас пройдет, — говорила она, слабо улыбаясь. — Ты иди. Иди себѣ. Может быть тебѣ надо быть на верху, а я тебя задер- живаю.

— Хорошо я пойду. Может быть и в самом дѣлѣ придется чѣмнибудь распорядиться. Ты же приляг пожа- луйста.

— Хорошо, Глѣбушка, я лягу.

Убѣдившись в том, что его помощь не нужна, Глѣб захватил два цейсовских бинокля, вернулся в каюту.

— Ну, как ты себя чувствуешь?

— Спасибо, Глѣбушка. Я вполне оправилась.

— В таком случаѣ, не хочешь ли взглянуть, в по- слѣдній раз, на Керчь.

Поднявшись по трапу, они вышли на палубу.

— Глѣб, смотри, вѣдь это кажется Карягин стоит, — всматриваясь в бинокль, воскликнула Наташа.

Взглянув по указанному направленію, Глѣб увидѣл одинокую фигуру, неподвижно стоявшаго на пристани, всадника.

— Трудно сказать, он ли это. Уж очень велико раз- стояніе.

В это время подняв якорь "Богатырь" тронулся с места.

— Смотри! Что это? — вдруг вскрикнула Наташа, хватая мужа за руку и не отрываясь от бинокля.

Наблюдавший всадника Глѣб вдруг замѣтил небольшое бѣлое облачко, вспыхнувшее и моментально растаявшее, у самой груди его. Всадник взмахнул руками и упал с коня. Наташа и Глѣб молча переглянулись.

Вскорѣ, быстро шедший, "Богатырь" завернул за выдававшийся в море мыс. Слетка покачиваясь на легкой зыби, он удалялся от берега, унося изгнанников в туманную даль, для новой, невѣдомой жизни на чужбинѣ.

КОНЕЦ.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

«Рокот моря».

Морські розкази. 146 стр.

Шанхай, 1935 г.

«Летучій Голландец».

Морські розкази. 160 стр.

Шанхай, 1935 г.

«Морская Даль».

Морські розкази 160 стр.

Шанхай, 1936 г.

«УРАГАН» роман

228 стр.

Шанхай, 1937 г.

«Смерч».

(продолженіє романа „Ураган“)

222 стр. Шанхай, 1937 г.